

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
ЕВРОПЫ
URGENT
PROBLEMS
OF EUROPE

Научный журнал
2018 – № 3

**ЕВРОПА И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА:
ПАРАМЕТРЫ ПАРТНЕРСТВА
EUROPE AND LATIN AMERICA:
DIMENSIONS OF PARTNERSHIP**

Издается с 1994 г.
Выходит 4 раза в год

Москва
2018

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт научной информации по общественным наукам РАН
Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем

Отдел Европы и Америки

Редакционная коллегия:

Т.Г. Пархалина – гл. ред., канд. ист. наук, зам. директора ИНИОН РАН, рук. Центра науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. проблем, В.Г. Барановский – акад. РАН, д-р ист. наук, проф. МГИМО МИД РФ, Ю.А. Борко – д-р экон. наук, гл. науч. сотр. ИЕ РАН, почетный президент АЕВИС, М.В. Братерский – д-р полит. наук, проф. НИУ ВШЭ, зав. сектором ИНИОН РАН, Е.Ш. Гонтмахер – д-р экон. наук, проф. НИУ ВШЭ, гл. науч. сотр. ИМЭМО РАН, Н.Ю. Лапина – д-р полит. наук, гл. науч. сотр. ИНИОН РАН, Г.М. Михалева – д-р полит. наук, проф. РГГУ, Ю.В. Никуличев – д-р культурологии, вед. науч. сотр. ИНИОН РАН, О.Н. Новикова – зам. гл. ред., канд. ист. наук, зав. Отд. Европы и Америки ИНИОН РАН, Ю.И. Рубинский – д-р ист. наук, проф. НИУ ВШЭ, рук. Центра французских исследований ИЕ РАН, П.П. Черкасов – чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, гл. науч. сотр. ИМЭМО РАН, В.Н. Чернега – д-р юрид. наук, консульт. Совета Европы, вед. науч. сотр. ИНИОН РАН, Л.Н. Шаншиева – канд. филос. наук, зав. сектором ИНИОН РАН; П.П. Яковлев – д-р экон. наук, проф. РЭУ им. Г.В. Плеханова, рук. Центра иберийских исследований ИЛА РАН, Г.И. Кутырев – канд. полит. наук, ст. науч. сотр. ИНИОН РАН, ответственный секретарь редакции.

Editorial Board:

T.G. Parkhalina – Editor-in-Chief, Ph.D. in history, deputy director of INION RAS, director of the Center of scientific information studies on global and regional issues, V.G. Baranovsky – academician of the Russian Academy of Sciences, Sc.D. in history, professor of MGIMO, Y.A. Borko – Sc.D. in economics, principal researcher, IE RAS, honorary president of the Association of European studies, M.V. Bratersky – Sc.D. in political sciences, professor of HSE, head of sector, INION RAS, E. Sh. Gontmakher – Sc.D. in economics, professor of HSE, principal researcher, IMEMO RAS, N.Y. Lapina – Sc.D. in political sciences, principal researcher, INION RAS, G.M. Mikhaleva – Sc.D. in political sciences, professor of RSUH, Y.V. Nikulichev – Sc.D. in culturology, leading researcher, INION RAS, O.N. Novikova – Deputy Editor-in-Chief, Ph.D. in history, head of the department of Europe and America, INION RAS, Y.I. Rubinsky – Sc.D. in history, professor of HSE, head of the Center of French studies, IE RAS, P.P. Cherkasov – corresponding member of RAS, Sc.D. in history, principal researcher, IMEMO RAS, V.N. Chernega – Sc.D. in juridical sciences, consultant of the Council of Europe, leading researcher, INION RAS, L.N. Shanshieva – Ph.D. in philosophy, head of sector, INION RAS, P.P. Yakovlev – Sc.D. in economics, professor of Plekhanov Russian university of economics, head of the Center of Iberian studies ILA RAS, G.I. Kuttyrev – Ph.D. in political sciences, senior researcher, INION RAS, executive secretary.

Редактор номера – Г.И. Кутырев

Рассматривается развитие отношений Европы со странами Латинской Америки на региональном, субрегиональном и межрегиональном уровнях. Дается обзор торгово-экономических и социально-политических отношений. Освещается механизм преодоления возникающих разногласий в экономической, политической и гуманитарной сферах, обозначаются перспективы дальнейшего развития сотрудничества между европейскими и латиноамериканскими странами.

The development of relations between Europe and Latin America at the regional, subregional and interregional levels are analyzed. The review of trade-economic and social-political relations is given. The mechanism of overcoming the emerging disagreements in the economic, political and humanitarian spheres is described, and prospects for further development of cooperation between European and Latin American countries are outlined.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ №ФС77-36085 от 28 апреля 2009

© «Актуальные проблемы Европы», научный журнал, 2018
© ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам РАН», 2018

Владимир Алексеевич Виноградов (02.07.1921–27.12.2017)

Академик РАН, профессор, доктор экономических наук, лауреат Государственной премии СССР, кавалер высших орденов нашей страны и иностранных государств.

После тяжелого ранения в начальной стадии войны демобилизован, поступил учиться в МГИМО МИД СССР. Окончив ВУЗ в 1948 г. (первый выпуск), В.А. Виноградов начинает свою деятельность в Президиуме АН СССР, где впоследствии поднимается до высокой должности заместителя Главного ученого секретаря Академии. В конце 1950-х – 1960-е годы вносит большой вклад в установление международных связей АН СССР с зарубежными академиями и институтами.

В 1972–1998 гг. – директор ИНИОН РАН. Ему удается превратить научную библиотеку (ФБОН) в исследовательский институт. «Виноградовский» ИНИОН – одно из высших достижений советской социально-гуманитарной науки 1970–1980-х годов. Этот Институт стал окном России в мир и, наоборот, – вхождением мировой науки и культуры в русское сознание.

Владимир Алексеевич был не только выдающимся ученым, но и талантливым администратором в сфере науки. Он сумел превратить «долгострой» рядом с метро «Профсоюзная» в великолепное здание, которое до катастрофического пожара 2015 г. было центром социогуманитарной науки России.

Автоматизация библиотечного дела, создание национальной и международной системы научной информации, самые большие в мире аннотированные базы данных, библиографический центр, не имеющий равных, реферативный журнал по всем направлениям социально-гуманитарных наук, аналитика, специнформации,

переводы классиков XX в. – это и многое другое заслуга академика В.А. Виноградова.

После ухода с поста директора Владимир Алексеевич сосредоточился на работе руководителя Отдела глобальных и региональных проблем ИНИОН и любимого им Совета по экономической истории РАН. Автор 17 монографий и более 400 публикаций, он отдал свой выдающийся талант темам государственной собственности, приватизации, теории научной информации в области общественных наук. Он всегда помогал нам, сотрудникам его Института. Внешне строгий, обладал широкой и любящей душой. Создал в ИНИОН атмосферу дружелюбия, уважения друг к другу, терпимости. Учитель, директор, старший друг, источник заботы и защиты. Мудрец, мужественный и красивый человек.

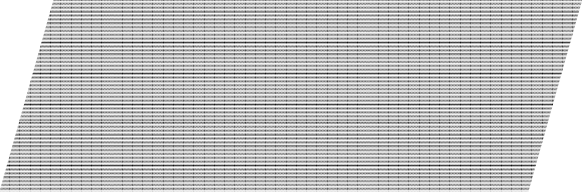
Мы были счастливы и уверены, работая с Владимиром Алексеевичем Виноградовым!

Содержание

Сведения об авторах About the authors	8
Введение Introduction	11
В.М. Тайар V.M. Tayar	
Европейский союз и Латинская Америка: Межрегиональное экономическое взаимодействие в XXI веке The European Union and Latin America: Interregional economic cooperation in the XXI century	23
П.П. Яковлев P.P. Yakovlev	
Испания и Латинская Америка: Роль транснационального бизнеса Spain and Latin America: The role of transnational business	44
П.П. Яковлев P.P. Yakovlev	
Иberoамериканские саммиты в системе отношений между странами Евросоюза и Латинской Америки Iberoamerican Summits in the system of relations between the European Union and Latin America	63
Э.Г. Ермольева E.G. Ermolieva	
Социальное государство в условиях «новой нормальности»: Характеристики европейской и латиноамериканской ситуаций	

Social state in the New Normal: Characteristics of European and Latin American situations	85
Н.М. Яковлева N.M. Yakovleva	
Аргентина и Испания: Давние отношения и новые ожидания Argentina and Spain: Long relationships and new expectations	113
Н.Ю. Кудеярова N.Yu.Kudeyarova	
Европа – Латинская Америка: Миграционные процессы на новом витке глобализации Europe – Latin America: Migration on the new stage of globalization	131
М.А. Зенина M.A. Zenina	
Гибралтар и Фолкленды: Неурегулированные споры вокруг заморских территорий Великобритании Gibraltar and the Falkland Islands: Unresolved disputes over British overseas territories	152
И.А. Гриценко I.A. Gricenko	
Переговоры ЕС–Меркосур: Роль Аргентины вчера и сегодня The EU–Mercosur negotiations: Role of Argentina	172
Е.О. Шебалина E.O. Shebalina	
Латиноамериканский фактор в формировании подхода Папы Франциска к региональным и мировым проблемам The Latin American factor in the formation of the Pope Francis approach to regional and global problems	192

Ф.О. Трунов	
Ph.O. Trunov	
Политические аспекты сотрудничества	
ФРГ и Латинской Америки на	
современном этапе	
Political aspects of cooperation between	
Germany and Latin America at the present	
stage	209
Е.Ю. Косевич	
E.Yu. Kosevich	
Современные мексикано-испанские отношения	
Modern Mexican-Spanish relations	226
К сведению авторов	243

Сведения об авторах

Гриценко Илона Александровна – старший преподаватель Российского государственного социального университета, научный сотрудник Центра иберийских исследований ИЛА РАН. (gricenکو_ilona@mail.ru)

Gricenko I.A. – senior lecturer, Russian state social university; researcher, Center of Iberian studies, Institute of Latin American studies RAS (ILA RAS).

Зенина Мария Александровна – научный сотрудник Центра иберийских исследований ИЛА РАН. (mariazenina.ru@gmail.com)

Zenina M.A. – researcher, Center of Iberian studies, Institute of Latin American studies RAS (ILA RAS).

Косевич Екатерина Юрьевна – научный сотрудник Центра политических исследований ИЛА РАН. (ekaterina.kosevich@gmail.com)

Kosevich E.Yu. – researcher, Center of political studies, Institute of Latin American studies RAS (ILA RAS).

Кудеярова Надежда Юрьевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований ИЛА РАН. (n.kudeyarova@yandex.ru)

Kudeyarova N.Yu. – candidate of sciences (Ph.D. in history), leading researcher, Center of political studies, Institute of Latin American studies RAS (ILA RAS).

Ермольева Элеонора Георгиевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра иберийских исследований ИЛА РАН. (ermolieva@gmail.com)

Ermolieva E.G. – candidate of sciences (Ph.D. in economics), leading researcher, Center of Iberian studies, Institute for Latin America RAS (ILA RAS).

Тайар Виолетта Макариосовна – кандидат экономических наук, врио директора ИЛА РАН. (vtayar@mail.ru)

Tayar V.M. – candidate of sciences (Ph.D. in economics), interim director, Institute of Latin American studies RAS (ILA RAS).

Трунов Филипп Олегович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН. (1 trunov@mail.ru)

Trunov Ph.O. – candidate of sciences (Ph.D. in political sciences), senior researcher, department of Europe and America, INION RAS.

Шебалина Екатерина Олеговна – соискатель кафедры дипломатии МГИМО МИД России; ректорат МГИМО МИД России; помощник проректора по кадровой политике (shebalina.e.o@my.mgimo.ru)

Shebalina E.O. – external PhD student, MGIMO-University; Executive Assistant to Vice-Rector for HR.

Яковлева Наиля Магитовна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований ИЛА РАН. (nel-yakovleva@yandex.ru)

Yakovleva N.M. – candidate of sciences (Ph.D. in history), leading researcher, Center of political studies, Institute of Latin American studies RAS (ILA RAS).

Яковлев Петр Павлович – доктор экономических наук, профессор РЭУ им. Г.В. Плеханова, руководитель Центра иберийских исследований ИЛА РАН. (petrp.yakovlev@yandex.ru)

Yakovlev P.P – doctor of sciences (Sc.D. in economics), professor, Plekhanov Russian university of economics; head of the Center of Iberian studies, Institute of Latin American studies RAS (ILA RAS).

Введение

Очередной номер научного журнала «Актуальные проблемы Европы» посвящен современным отношениям между странами Европы и Латинской Америки (ЛА)¹, которые в условиях трансформации системы международных отношений (смещение центра силы мировой политики с Евроатлантики в Азиатско-Тихоокеанский регион, рассредоточение ресурса влияния в мировой политике по различным сферам, укрепление полицентричной структуры международных отношений) приобретают качественно новый характер.

Регион Европы и регион ЛА, представляющие собой мультицивилизационные образования, объединяет целый комплекс исторических, культурных и экономических отношений. Вся история ЛА, как особой, неповторимой в своем своеобразии культурно-исторической общности, начиная с XV в. самым тесным образом была связана с Европой. К моменту появления в

¹ Термин «Латинская Америка», введенный во Франции во времена императора Наполеона III (20 декабря 1848 г. – 2 декабря 1852 г.), связан с латинской основой романских языков, на которых говорит подавляющее большинство жителей региона, но постепенно он получил более широкое толкование. Зачастую, говоря о Латинской Америке, имеют в виду и государства Карибского бассейна. Однако в официальных документах и материалах, относящихся к Латинской Америке и островным государствам Карибского бассейна, всегда используется термин «страны Латинской Америки и Карибского бассейна» (ЛАКБ), иногда встречаются аббревиатуры ЛАК, ЛАиК.

Западном полушарии выходцев из Старого Света большая часть территории Северной и Южной Америки была заселена племенами, жившими в условиях общинно-родового строя. Первая заокеанская экспедиция Христофора Колумба (1492), пересекшего Атлантический океан и посетившего Багамские и Большие Антильские острова, положила начало открытию, завоеванию и колонизации Западного полушария европейцами. Во второй половине XVI в. основные территории Южной и Центральной Америки и Мексики были завоеваны и осваивались испанцами и португальцами (последние завладели обширной Бразилией). В этот же период к колонизации континента активно присоединились Великобритания, Франция и Нидерланды. Именно колониальный период (XVI–XIX вв.) сыграл решающую роль в становлении современной латиноамериканской государственности, а иберийская Европа и Запад стали неотъемлемой составляющей социально-генетического кода латиноамериканской цивилизации.

К началу XIX в. в большинстве стран ЛА начался процесс деколонизации, развития политически независимых латиноамериканских государств и соответственно латиноамериканских наций. При этом, получив независимость, новые государства сохранили и до сих пор продолжают сохранять культурные и экономические связи со своими бывшими метрополиями.

Началом диалога Европы и ЛА в современном формате можно считать визит президента Франции Шарля де Голля (1959–1969) в 1964 г. в страны региона. В условиях холодной войны и блокового противостояния этот визит не только показал странам латиноамериканского региона, что существует возможность ослабить контроль со стороны США, но и продемонстрировал новые способы решения своих экономических и политико-социальных проблем. «Способность к интеграции компонентов старых структур в новые облегчала и ускоряла приобщение стран Латинской Америки к буржуазному прогрессу, делала их открытыми к восприятию приходящих извне новых экономических форм. Те же черты можно отметить и в культуре, идеологии, социальной психологии» [Строганов, 2002, с. 10].

ЛА проявляет все возрастающий интерес к Европейскому союзу при решении своих экономических проблем и совершенствовании внутренней социально-политической структуры. В настоящее время ЛА стала крупнейшим партнером ЕС (см.: [Latin America., 2012]), экономика стран ЛА, несмотря на некоторое замедление, по-прежнему демонстрирует тенденцию к росту [Экономический рост., 2017], продолжают увеличиваться прямые зарубежные инвестиции в экономику латиноамериканских стран (особенно велики инвестиции в экономики Аргентины, Колумбии и Перу).

В ЛА зависимость от нефти и газа больше, чем в любой другой части Западного полушария и, как следствие, здесь существуют наибольшие возможности для «нефтяной дипломатии». В последние годы социально-экономическое развитие ЛА демонстрировало смешанные тенденции. Результатом эффективного роста спроса на сырьевые товары в период между 2000 и 2016 гг., получившего название «товарного суперцикла» [Рюкер, 2016], и реализации государственно-перераспределительной модели социальной политики (страхование от безработицы, субсидии на наем новых работников и программы создания рабочих мест) стал рост доходов населения большей части латиноамериканских стран: доходы многих латиноамериканцев превысили прожиточный минимум, поднялись над чертой бедности, хотя и не достигли уровня доходов среднего класса в классической методологии. Кроме того, во многих странах увеличилось количество рабочих мест в формальном секторе, а также повысились почасовые ставки оплаты труда. ЛА меньше других регионов пострадала от первой фазы международного глобального кризиса, который вызвал глубокие потрясения на финансовых рынках Европы и США.

Тем не менее, несмотря на все многообещающие изменения, с окончанием «товарного суперцикла», который способствовал поддержанию социальных программ в регионе, многие социальные достижения последних 15 лет попали в зависимость от краткосрочных социально-политических и экономических колебаний. Новая конъюнктура требует проведения в странах ЛА структурных реформ, которые в среднесрочной перспективе позволили бы

улучшить экономическую ситуацию и закрепить социальные достижения предыдущего десятилетия. Однако, по мнению обозревателя Рохелио Нуньоса, «в сытые времена (2003–2013) эти преобразования были заброшены, а когда конъюнктура (2013–2015) стала меняться в худшую сторону, то до них так и не дошли руки. Многие правительства по-прежнему считают, что это временная ситуация, надо только немного потерпеть и все вернется к своим лучшим временам» [Нуньос, 2015]. Из-за слабости государственных институтов «средний класс» в странах ЛА рискует вновь оказаться у черты бедности [The EU-Latin American..., 2017, p. 5].

Сегодня ЛА, по мнению многих отечественных и зарубежных экспертов, переживает период повышенной международно-политической динамики, которому свойственны две главные черты: интенсификация внутрирегиональных взаимодействий и развитие отношений с партнерами на всех континентах.

Значительные изменения в экономической сфере, затронувшие большинство стран региона, в целом сводятся к следующему.

Во-первых, основным «камнем преткновения» в экономическом сотрудничестве Европы и ЛА была и остается товарно-экономическая асимметричность. Так, латиноамериканские страны продолжают импортировать из ЕС промышленную продукцию, в то время как европейский импорт из ЛА состоит большей частью из сырьевых товаров.

Во-вторых, для некоторых латиноамериканских стран Европа уже не является приоритетным направлением сотрудничества. ЕС все еще остается главным инвестором в регионе, но в настоящее время азиатские страны Тихоокеанского бассейна укрепляют экономические отношения с Бразилией, Чили, Колумбией и Перу, в то время как США усиливают свое влияние в государствах Центральной Америки и Карибского бассейна.

В-третьих, нужно отметить все увеличивающееся присутствие Китая в ЛА. В основе сотрудничества Китая с ЛА лежит торговля, объем которой за последние 15 лет вырос в 22 раза [Эстеско, 2017]. Помимо этого Китай укрепляет взаимодействие с латиноамериканскими региональными площадками и субрегиональными экономическими блоками, в частности с Южноамериканским об-

щим рынком (Меркосур; исп. Mercado Común del Sur, Mercosur), Карибским сообществом (КАРИКОМ; англ. Caribbean Community, CARICOM), Сообществом стран Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК; исп. Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC). Именно стремительный рост спроса на природные ресурсы в Китае в начале 2000-х годов положил начало «товарному суперциклу» и обусловил необычайный взлет цен на сырьевые товары, что было чрезвычайно выгодно для экономик ЛА.

Под влиянием регионализации в странах ЛА «выстроилась система из созданных интеграционных объединений, призванных придать региону большую самостоятельность в решении широкого круга вопросов политического и экономического взаимодействия как на региональном уровне, так и в построении диалога с ключевыми внерегиональными партнерами» [Тайар, 2015, с. 72].

Тем не менее эти интеграционные объединения пока еще не вполне соответствуют своей роли. Например, как показывают исследования, качественной эволюции Меркосур так и не произошло, напротив – торговля между государствами – членами Меркосур в последние годы даже сократилась [The EU-Latin American..., 2017, р. 5]. Тихоокеанский альянс (исп. Alianza del Pacífico), который часто рассматривается как новая площадка для латиноамериканской интеграционной парадигмы, на сегодняшний день остается почти исключительно экономическим форумом с низким уровнем институционализации. Союз южноамериканских наций (УНАСУР; исп. Unión de Naciones Suramericanas, UNASUR), похоже, утратил первоначальный импульс в построении общего южноамериканского пространства из-за экономического спада и политических трансформаций в ключевых государствах-членах – Бразилии и Аргентине. Что же касается Центральной Америки, то там продолжает функционировать Центральноамериканская интеграционная система (ЦАИС; исп. Sistema de Integración Centroamericana, SICA)¹. В рамках ЦАИС действуют Центральноамериканский суд (г. Мана-

¹ Центральноамериканская интеграционная система (ЦАИС) создана в 1991 г. для решения задач экономического сотрудничества. В организацию входят Белиз, Гватемала, Гондурас, Доминиканская Республика, Коста-Рика, Никарагуа, Панама, Сальвадор.

гуа), который занимается оказанием консультационных услуг, и Центральноамериканский парламент (г. Гватемала), решения которого носят рекомендательный характер. Однако после заключения Соглашения об ассоциации между ЕС и Центральной Америкой в Центральноамериканском регионе значительно возрос интерес к возобновлению региональной интеграции.

Во внешней политике ЕС по отношению к странам ЛА присутствует не только торгово-экономическая составляющая; в настоящее время активно поддерживается политический диалог. Началом политического стратегического партнерства ЕС и ЛА можно считать две встречи на высшем уровне: в Рио-де-Жанейро в 1999 г. и в Мадриде в 2002 г. Основными целями и направлениями политического сотрудничества ЕС и ЛА, сформулированными Еврокомиссией в программе сотрудничества с ЛА, стали: предоставление экономической помощи, борьба с бедностью и помощь в проведении экономико-социальных реформ.

Глобальный экономический кризис выявил не только финансовые проблемы неэффективного государственного управления, обусловившие снижение уровня социальной защиты и рост социальной напряженности во многих странах мира, но и проблемы, существующие в области геополитики и геоэкономики.

Одна из таких проблем – тенденция к разделению Европы и Латинской Америки на два макрорегиона: «Север» и «Юг». В ЕС (в еврозоне) к экономически благополучному «Северу» принято относить ФРГ, Бельгию, Нидерланды, Люксембург, Финляндию, Австрию, к испытывающему значительные экономические трудности «Югу» – Грецию, Испанию, Португалию, Италию, Кипр.

В ЛА страны Южной Америки (Меркосур/УНАСУР), относящиеся к условному «Югу», становятся все более независимыми (лучшим примером является Бразилия), в то время как в странах «Севера» (Мексика, страны Центральной Америки и Карибского бассейна) увеличивается зависимость от США.

Важной вехой в экономическом взаимодействии ЕС и ЛА стал XXII Ибероамериканский саммит, проходивший в ноябре 2012 г. в г. Кадис, на котором Испания и Португалия фактически признали, что для преодоления последствий кризиса их страны нуждаются в

помощи государств ЛА. Кроме того, было объявлено, что официальный Мадрид больше не может финансировать 70% бюджета Иberoамериканского сообщества наций (ИСН). Итоговые документы («Декларация Кадиса», «Программа действий» и 16 специальных коммюнике) «зафиксировали те сдвиги, которые имели место в отношениях между иберийскими и латиноамериканскими странами» (см. статью П.П. Яковлева «Иberoамериканские саммиты в системе отношений между странами Евросоюза и Латинской Америки» в настоящем сборнике).

Европейское видение проблем безопасности в ЛА связано с эволюцией собственной доктрины безопасности и с представлениями о том, что регион не представляет угрозу безопасности ЕС. Регион ЛА является безъядерной зоной (Договор Тлателолко, 1967 г.)¹. Тем не менее нельзя не учитывать, что Бразилия и Аргентина – страны латиноамериканского региона, обладающие развитой ядерной промышленностью, квалифицированными кадрами и инфраструктурой, пригодной для быстрой наработки оружейных ядерных материалов и создания ядерного оружия, что, в свою очередь, создает потенциальную угрозу как региональной, так и международной безопасности. Формально Конституция Бразилии и ратифицированные международные договоренности запрещают ей разрабатывать ядерное оружие. Вместе с тем вопрос о необходимости создания ядерного оружия по-прежнему остается в дискурсе бразильской политической элиты. Что касается Аргентины, то «в настоящее время нет данных об интересе страны к ЯО, и представляется, что обладание ядерным арсеналом в обозримой перспективе не соответствует национальным интересам Аргентины» [Новиков, Хлопиков, 2009]. Однако Аргентина располагает достаточным технологическим потенциалом для сравнительно быстрого создания ядерного оружия, если национальное руководство примет соответствующее политическое решение.

¹ Договор принят в 1967 г. Вступил в силу в 1968 г.: запрещает подписавшей стороне использовать, хранить и транспортировать ядерное оружие. Также было создано межгосударственное агентство ОПАНАЛ (Агентство по запрещению ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне), гарантирующее исполнение обязательств договора.

ЛА не является источником международного терроризма, который мог бы угрожать ЕС. О том, что безопасность в латиноамериканском регионе для Евросоюза не является приоритетным направлением в двусторонних отношениях с ЛА, свидетельствует участие ЕС в плане «Колумбия»¹: Евросоюз выразил готовность предоставить Колумбии образовательную, медицинскую, юридическую, институциональную поддержку, но не военную помощь. При этом в ЛА нет специального механизма для организации сотрудничества или региональной интеграции, который мог бы на практике заняться решением вопросов, связанных с обеспечением безопасности в регионе.

Таким образом, можно сказать, что, несмотря на существующие проблемы, многосторонние и двусторонние связи отдельных европейских стран с латиноамериканскими партнерами носят прагматичный и дифференцированный характер. В целом латиноамериканский регион является важным партнером ЕС, открытым для политического диалога и экономического сотрудничества.

Данный выпуск журнала – комплексное многоаспектное исследование внешнеполитического и экономического взаимодействия стран Европы и Латинской Америки. Авторы с различных ракурсов стремятся представить картину основных экономических, социально-политических, военных, миграционных и иных проблем во взаимоотношениях между Европой и Латинской Америкой.

Открывает номер статья врио директора Института Латинской Америки РАН, кандидата экономических наук В.М. Тайар, в которой представлен общий, аналитический взгляд на взаимоотношения стран Европы и Латинской Америки. Автор поэтапно рассматривает процесс становления модели межрегионального взаимодействия между ЕС и ЛА. Особое внимание уделяется трансатлантическим торгово-экономическим связям регионов. В завершение автор указывает на имеющиеся риски (фрагментация латиноамериканского рынка, переориентация капиталов, ограничение свободы политического и экономического маневра) и

¹ План «Колумбия» – общее название для военной и дипломатической помощи колумбийскому правительству со стороны США для борьбы с наркокартелями и левыми вооруженными группировками.

новые возможности (выгоды, связанные с подключением к новым технологиям и глобальным цепочкам добавленной стоимости, а также с защитой национальных интересов) в рамках развития трансатлантического взаимодействия ЛА с Европой.

Статья доктора экономических наук П.П. Яковлева посвящена роли испанских транснациональных корпораций (ТНК) и транснациональных латиноамериканских корпораций (ТЛК), или мультилатинас, в латиноамериканской хозяйственной среде. Автор приходит к выводу, что, являясь наиболее развитой и мощной частью национальных предпринимательских кругов, испанские ТНК и латиноамериканские ТЛК сложились как новые глобальные игроки, стимулирующие развитие более «глубоких» форматов интеграционного взаимодействия стран региона.

В центре второго исследования П.П. Яковлева – роль Иberoамериканских саммитов в сотрудничестве между странами Иберийского полуострова и государствами ЛА. В статье показано, что регулярное проведение Иberoамериканских саммитов (проводятся с 1991 г.) стало основным компонентом новой для иберийских и (особенно) латиноамериканских стран дипломатической практики, получившей в политологической литературе наименование «многосторонняя президентская дипломатия». Помимо этого, автор высказывает мнение, что благодаря данным форумам высших руководителей постепенно формируется общее ибероамериканское пространство, претендующее на обретение статуса одного из ведущих акторов в многополярном мире.

Проблемам социальной защиты населения и расширения функций социального государства в странах Латинской Америки и Европы в условиях «новой нормальности» посвящен материал Э.Г. Ермольевой. Исследователь приходит к выводу, что по обе стороны Атлантики происходит пересмотр устоявшихся моделей социального государства, сопряженный с поиском новых вариантов, адекватных существующей реальности посткризисного развития.

Н.М. Яковлева в своей работе рассматривает развитие двусторонних отношений между Испанией и Аргентиной. По мнению исследователя, политика аргентинских национал-популистских режимов Нестора Киршнера и Кристины Фернандес де Киршнер

привела к заметному охлаждению в отношениях между странами. Изменить этот тренд могла лишь сложная комбинация политических совпадений: приход к власти в Аргентине правоцентристских сил и сохранение в Испании правительства Мариано Рахоя. В результате на современном этапе благодаря проводимым реформам руководству двух стран удалось разрушить стену отчуждения, возведенную в предыдущие годы, и наметить курс к взаимовыгодному сотрудничеству.

В работе Н.Ю. Кудеяровой на примере Испании и Италии обсуждаются особенности миграционных процессов, протекающих между Латинской Америкой и Европой (55% миграционного потока из ЛА пришлось на Испанию). Значительное внимание уделяется важным особенностям латиноамериканской миграции в Европу – активизации мобильности женщин и формированию транснациональных сообществ, интегрированных в европейское общество, но в то же время сохраняющих свою самобытность.

Статья М.А. Зениной посвящена «замороженным» конфликтам вокруг Фолклендских (Мальвинских) островов и Гибралтара. Эти заморские территории Великобритании, являющиеся, по выражению автора, «мертвыми узлами» как аргентинской, так и испанской международной политики, по-прежнему остаются объектами территориальных споров между сторонами. По мнению автора, выход Великобритании из ЕС не сдвинет ситуацию с мертвой точки.

В статье И.А. Гриценко делается попытка критически оценить роль Аргентины как ключевого игрока в переговорах о свободной торговле между ЕС и Меркосур в 2003–2018 гг. Автор приходит к заключению, что в настоящий момент со стороны Аргентины в лице президента Маурисио Макри существует политическая воля к достижению консенсуса и благоприятная конъюнктура для подписания договора.

В статье Е.О. Шебалиной рассматривается политика Папы Франциска по вопросам демократии через призму латиноамериканского фактора. По мнению автора, Святой престол под руководством Папы Франциска активно использует «мягкую силу» для

решения внутривнутриполитических проблем других стран, улучшения жизни католического населения в ЛА.

Ф.О. Трунов в своем исследовании проанализировал аспекты политико-военного взаимодействия Германии с ведущими странами ЛА (в первую очередь, с Бразилией), а также с наиболее «проблемными» государствами (на примере Колумбии). Автор обращает внимание на следующие особенности современного стратегического проникновения Германии в регион: интенсивность использования имеющихся форматов межгосударственных консультаций; создание новых форматов; рост вовлеченности ФРГ в урегулирование наиболее острых проблем региона; динамику военного экспорта и его содержание.

Завершает номер материал Е.Ю. Косевич, посвященный ключевым вопросам современного мексикано-испанского сотрудничества. Автор дает обзор культурных, экономических и торговых связей Мексики с Испанией, которые даже при наличии определенной «асимметрии» предоставляют сторонам стимул к развитию всестороннего сотрудничества.

Сборник подготовлен совместно силами ИНИОН РАН и Института Латинской Америки РАН. Надеемся, что представленные материалы вызовут интерес у читателей, послужат активизации научной дискуссии по проблемам взаимоотношений стран Европы и Латинской Америки.

Список литературы

Новиков В.Е., Хлопиков А.В. Военная программа Аргентины // ПИР-Центр. – М., 2009. – Режим доступа: <http://www.pircenter.org/sections/41-voennaya-yadernaya-programma-argentina> (Дата обращения – 04.03.2018).

Нуньо Р. Латинская Америка: Экономический рост или кризис? // ИноСМИ. – М., 2015. – 29.06. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/world/20150629/228851091.html> (Дата обращения – 04.03.2018).

Рюкер Н. Сырьевому рынку сложно перейти от суперцикла в новое нормальное состояние // Ведомости. – М., 2016. – 14.01. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/blogs/2016/01/14/624033-sirevomu-rinku-supertsikla-normalnoe> (Дата обращения – 04.03.2018).

Строганов А.И. Латинская Америка в XX веке: Пособие для вузов. – М.: Дрофа, 2002. – 416 с.

Тайар В.М. Евросоюз – Латинская Америка: Контуры межрегионального партнерства в XXI веке // Современная Европа / РАН. ИЕ. – М., 2015. – № 2. – С. 72–84.

Эстесо А.М. Китай и Латинская Америка: Если посмотреть вблизи // Иноسمи. – М., 2017. – 15.02. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/economic/20170215/238733407.html> (Дата обращения – 04.03.2018).

Экономический рост Латинской Америки замедляется // REGNUM. – М., 2017. – 20.07. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2303189.html> (Дата обращения – 04.03.2018).

Latin America and the Caribbean and the European Union: Striving for a renewed partnership / ECLAC. – Santiago de Chile, 2012. – 84 p. – Mode of access: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/3131/LCL3369_en.pdf (Дата обращения – 04.03.2018).

The EU-Latin American Strategic Partnership: State of play and ways forward / European parliament. Directorate-General for external policies. Policy department. – Brussels, 2017. – 88 p. – Mode of access: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/578028/EXPO_STU\(2017\)578028_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/578028/EXPO_STU(2017)578028_EN.pdf) (Дата обращения – 04.03.2018).

Г.И. Кутырев

В.М. Тайар ©

Европейский союз и Латинская Америка: Межрегиональное экономическое взаимодействие в XXI веке

Аннотация. В статье проводится анализ европейской стратегии партнерства в XXI в. применительно к латиноамериканскому региону. Рассматриваются этапы переговорного процесса между ЕС и отдельными региональными объединениями Латинской Америки. Автор уделяет внимание трансатлантическим торгово-экономическим связям и приоритетам, а также определяет особенности взаимодействия Европейского союза как на двустороннем, так и на многостороннем уровне со странами Латино-Карибской Америки (ЛКА).

Abstract. The article studies the EU-Latin American strategic partnership. Special attention is given to the stages of negotiation process between the EU and different sub-regional associations of Latin America. The author explores the main trends in transatlantic trade, economic relations as a whole, and also defines the recent priorities and features of cooperation between the European Union and Latin American-Caribbean (LAC) region, both on the bilateral and the multilateral level.

Ключевые слова: Латинская Америка, Европа, Европейский союз, трансатлантическое, межрегиональное взаимодействие, Меркосур.

Keywords: Latin America, Europe, the European Union, transatlantic, interregional interaction, Mercosur.

Сотрудничество между странами Латино-Карибской Америки (ЛКА) и Европейским союзом (ЕС) в XXI в. приобрело качественно новый характер. С одной стороны, в ЛКА в течение по-

следних 17 лет сложилась мозаика из интеграционных объединений, признанных придать региону большую самостоятельность в решении широкого круга вопросов политического и экономического взаимодействия как на региональном уровне, так и в построении диалога с ключевыми внерегиональными партнерами. С другой стороны, единая Европа, продолжая расширять свои границы, столкнулась с рецессией в еврозоне и с необходимостью преодоления последствий финансово-экономического кризиса и формирования новой «повестки дня» в диалоге со своими внешними партнерами. При этом некоторые латиноамериканские страны, принадлежавшие ранее к периферийному региону, вышли на новый уровень экономического взаимодействия как со странами промышленного Севера, так и со странами Юга [Тайар, 2015].

Под влиянием такого процесса «перебалансировки» международных связей сегодня складываются новые контуры межрегионального экономического взаимодействия между ЕС и странами ЛКА. Во внешней политике стран ЛКА в новом веке диалог с ЕС стал одним из приоритетных направлений, основу которого составляют межрегиональные саммиты. Между ЕС и ЛКА существуют устойчивые политические и торгово-экономические связи. Евросоюз активизировал переговорный процесс в целях расширения договорно-правовой базы политического и торгово-экономического сотрудничества как с отдельными латиноамериканскими странами, так и с интеграционными группировками.

Становление модели межрегионального взаимодействия

Со времен эпохи Великих географических открытий ЛКА и Европа связаны общей историей, культурой и религией. После того как в первой половине XIX в. колонии европейских государств в ЛКА добились независимости, влияние Европы в регионе начало уменьшаться. США, которые в 1823 г. провозгласили принцип невмешательства во внутренние дела европейских стран и, соответственно, невмешательства европейских стран во внутренние дела Западного полушария (доктрина Монро), постепенно превратили американский континент в зону своего политического и экономического влияния.

Однако в 1950–1960-е годы XX в. европейские государства, оправившись от последствий войны, активизировали свою политику в ЛКА. В 1960–1970-е годы наблюдалось устойчивое и быстрое увеличение межрегионального товарооборота, а также европейских капиталовложений и масштабов европейской экономической помощи странам ЛКА. В ходе приватизации 1980–1990-х годов в наиболее крупных и значимых в экономическом отношении странах региона (Бразилии, Аргентине, Чили) многие предприятия перешли в собственность западноевропейских компаний. Важнейшим фактором, способствовавшим более тесному сближению Западной Европы и ЛКА, стало активное подключение к процессу европейской интеграции в 1986 г. Испании и Португалии, претендовавших на роль «моста» между обоими регионами. Образованное в 1991 г. в городе Гвадалахара (Мексика) Ибероамериканское сообщество наций (ИСН) в составе Испании, Португалии и 19 государств региона превратилось в новую геополитическую платформу для двух иберийских стран в ЛКА. Со стороны ЛКА мощным побудительным стимулом к установлению прочных связей с ЕС стала объективная заинтересованность в поиске определенного противовеса доминированию США. Другим важным стимулом к укреплению политических отношений между ЛКА и ЕС стало бурное развитие процессов интеграции в обоих регионах.

Начало стратегическому партнерству между ЕС и ЛКА было положено в 1995 г., когда Еврокомиссия разработала новые ключевые направления сотрудничества со странами латиноамериканского региона, подразумевающие углубление политического диалога, расширение торгового взаимодействия с одновременной поддержкой интеграционных процессов в ЛКА, а также техническое и финансовое сотрудничество.

На разработку нового подхода ЕС к ЛКА в то время повлияли как минимум две причины. Во-первых, стратегический подход к сотрудничеству стал своего рода ответом на растущую озабоченность Евросоюза, вызванную ослаблением позиций ЕС в латиноамериканском регионе в первой половине 1990-х годов. Во-вторых, западноевропейская стратегия партнерства с ЛКА была разработана в условиях появления в регионе новых интеграционных проек-

тов: подписанного в 1994 г. соглашения между США, Канадой и Мексикой о создании Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА) и принятого в том же году на «саммите Америк» в Майами решения создать к 2005 г. в Западном полушарии Межамериканскую зону свободной торговли (АЛКА), призванную образовать общее экономическое пространство от Аляски до Огненной Земли (этим планам не суждено было сбыться). На этом фоне стремление Европы предложить своим латиноамериканским партнерам альтернативу североамериканскому влиянию на континенте с учетом их потребности в диверсификации внешнеэкономических связей было вполне оправданно и нашло поддержку в странах ЛКА [Тайар, 2005].

Сегодня стороны взаимодействуют по широкому кругу вопросов, включающих политику, экономику, социальное развитие, научные исследования и обмен технологиями, культуру и образование, охрану окружающей среды, борьбу с наркотиками и наркобизнесом, регулирование миграции и пр. Надо отметить, что в ходе политического и экономического диалога с ЛКА Западная Европа придерживается избранной модели взаимодействия с регионом, ориентированной на долгосрочное сотрудничество и дифференцированный подход, осуществляемый одновременно на нескольких уровнях: двустороннем, субрегиональном и межрегиональном.

На двустороннем уровне реализуется взаимодействие между ЕС и отдельными странами региона. Уже заключены двусторонние торговые соглашения между ЕС и Мексикой, Чили, Перу, Колумбией. К примеру, отношения между ЕС и Бразилией, с 2007 г. получившие статус стратегического партнерства, являются ключевым элементом для развития партнерства между ЕС и Меркосур. Субрегиональный уровень подразумевает проведение переговоров между ЕС и отдельными интеграционными объединениями ЛКА. На этих двух уровнях межрегиональный политический и экономический диалог призван обеспечивать принятие совместных решений по целому ряду вопросов: торгово-экономическое сотрудничество, внешние долги, решение социальных проблем, защита прав человека и т.д. На межрегиональном уровне переговорного про-

цесса обсуждаются вопросы европейско-латиноамериканского стратегического партнерства в условиях построения нового глобального миропорядка, в котором эти два региона – Европа и ЛКА – могут занять одни из ведущих позиций.

Основные этапы межрегиональных отношений

Процесс *межрегиональных отношений*, инициированный на пороге XXI в. и направленный на установление стратегического партнерства между ЕС и ЛКА, можно условно разделить на несколько *этапов*, на каждом из которых переговорная повестка формировалась при одновременном воздействии двух процессов, охвативших обе стороны Атлантики, – глобализации и регионализации.

На *первом этапе* отношений (1999–2003) было проведено два межрегиональных саммита ЕС–ЛКА (в Рио-де-Жанейро в 1999 г. и в Мадриде в 2002 г.), на которых обсуждались вопросы расширения экономического сотрудничества в условиях глобализации. Главной темой саммитов стал вопрос о создании условий для достижения соглашения о межрегиональной ЗСТ. Предполагалось, что этот процесс будет проходить поэтапно на основе соглашений ЕС как с отдельными странами, так и с субрегиональными экономическими блоками ЛКА: Южноамериканским общим рынком (Меркосур), Андским сообществом наций (АСН), Центральноамериканским общим рынком (ЦАОР), Карибским сообществом (КАРИКОМ)¹. В эти годы был дан старт диалогам о постепенной либерализации торговли, Евросоюз подписал договоры о создании ЗСТ с Мексикой (2000) и Чили (2002). В этот период ЕС составил ощутимую конкуренцию США на юге ЛКА: на долю ЕС в 2003 г. приходилось 23,5% внешней торговли южноамериканских стран (на долю США и Канады – 20,1%). Инвестиции, направляемые из стран ЕС в южноамериканские страны, достигли 137 млрд долл. (из США – 83 млрд долл.) [Тайар, 2005, с. 29].

¹ АСН включает Боливию, Перу, Колумбию, Эквадор; ЦАОР – Коста-Рику, Сальвадор, Гватемалу, Гондурас, Никарагуа, Панаму; КАРИКОМ – 14 стран Карибского сообщества и Доминиканскую Республику.

Однако уже на этом этапе отношений появились «проблемные» вопросы, которые до сих пор осложняют процесс формирования «трансатлантического моста» между ЕС и ЛКА. Так, сближению с Меркосур мешали разногласия по вопросу экспорта южноамериканской агропромышленной продукции. В период 2000–2003 гг. было проведено десять раундов переговоров между ЕС и Меркосур о создании ЗСТ. Необходимым условием при проведении переговоров стало соблюдение принципа «единственного обязательства» (single undertaking), который подразумевает либо принятие договора о создании ЗСТ «в целом», либо его отклонение. Такой подход потребовал от сторон тщательной проработки вопросов, возникавших по каждому из секторов экономики. В тех секторах, где страны Меркосур уже заметно продвинулись в интеграции, переговоры велись на субрегиональном уровне (между ЕС и Меркосур), а в тех секторах, где внутри блока еще не была выработана общая позиция (например, инвестиции, санитарные стандарты и др.), обсуждение велось с каждой страной отдельно. Основным «камнем преткновения» в вопросе создания ЗСТ стало нежелание европейцев допускать на свой рынок качественную сельскохозяйственную продукцию из ЛКА при снижении таможенных пошлин, так как она могла бы составить прямую конкуренцию агропромышленной продукции, производимой странами ЕС и субсидируемой из общего бюджета ЕС.

В ходе *второго этапа* межрегиональных отношений (2004–2009), несмотря на то что было проведено три очередных саммита (в Гвадалахаре в 2004 г., Вене в 2006 г. и Лиме в 2008 г.), наблюдалось заметное торможение диалога между ЕС и ЛКА как на межрегиональном, так и на субрегиональном уровнях, что было обусловлено рядом объективных препятствий экономического, политического и институционального характера. С одной стороны, расширение ЕС на восток до 27 стран-членов потребовало мобилизации дополнительных экономических и политических ресурсов. С другой стороны, южноамериканские государства в большинстве своем избрали курс на проведение самостоятельной региональной политики, произошла перекомпоновка прежних интеграционных схем в ЛКА, вызванная «левым поворотом» – приходом к власти ряда левых и

левоцентристских политических движений. Тем самым процесс интеграции в ЛКА вышел на новый уровень – были созданы сразу два интеграционных блока: первый – Южноамериканское сообщество наций, впоследствии преобразованное в Союз южноамериканских наций (УНАСУР), объединяющий все 12 стран Южной Америки; второй – левоориентированный Боливарианский альянс для народов нашей Америки (АЛБА)¹.

Переговоры между ЕС и Меркосур о создании ЗСТ на этом этапе были практически заблокированы из-за разногласий по вопросам торговли сельскохозяйственной продукцией в рамках Дохийского раунда ВТО. Дальнейшие коррективы в переговорный процесс внес глобальный экономический кризис 2008–2009 гг.: растущие рынки ЛКА оказались более устойчивыми перед ударами кризиса, чем рынки единой Европы, и это обстоятельство побудило ЕС пересмотреть свою стратегию по отношению к латиноамериканскому региону. Осенью 2009 г. Еврокомиссия приняла обновленный вариант стратегии под названием «Европейский союз и Латинская Америка: партнерство глобальных игроков». Приоритетами нового варианта стратегии стали содействие развитию региональной интеграции в Латинской Америке и заключение соглашений об ассоциации с субрегиональными группировками.

Третий этап отношений (2010–2012) ознаменовался проведением шестого саммита в Мадриде в 2010 г., в период испанского председательства. Очевидным успехом саммита стало подписание договоров об ассоциации и свободной торговле между ЕС и отдельными странами Андского сообщества (Колумбией и Перу) и с ЦАОР. Также были разблокированы переговоры между ЕС и Меркосур с целью подписания соглашения об ассоциации четвертого поколения. При этом Евросоюз выражал надежду, что подписанные на саммите двусторонние торговые соглашения с Колумбией и Перу породят «эффект домино» и другие страны Андского сообщества (Боливия и Эквадор) не захотят оставаться в стороне от процесса сближения с Европой. Важным результатом саммита в

¹ Боливарианский альянс для народов нашей Америки (до 2009 г. – Боливарианская альтернатива для Америки) включал девять стран: Боливию, Венесуэлу, Кубу, Никарагуа, Антигуа и Барбуду, Доминику, Сент-Винсент и Гренадины.

Мадриде стало создание новых механизмов сотрудничества: Европейско-латиноамериканского фонда (EU-LAC), образованного в целях укрепления связей между гражданскими обществами двух регионов, и Механизма инвестиций для Латинской Америки (LAIF) для финансирования инфраструктурных проектов.

Четвертый этап отношений (2013 г. – н.в.) начался с проведения в январе 2013 г. в Сантьяго седьмой межрегиональной встречи в формате первого саммита между ЕС и созданным в 2011 г. Сообществом стран Латинской Америки и Карибского бассейна, объединяющим все страны ЛКА (СЕЛАК; исп. Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC). Итогом саммита ЕС–СЕЛАК стало принятие Декларации Сантьяго и Плана действий на 2013–2015 гг., в которых основное внимание уделялось вопросам сотрудничества в области инноваций, технологий и биотехнологий, поддержке программ устойчивого развития, использования возобновляемой энергии и защиты окружающей среды. Кроме того, План действий предусматривал проведение диалога по вопросам миграции, базового образования и трудоустройства граждан, а также содействия в области инвестиций и предпринимательства. В 2013 г. вступили в силу торговые соглашения ЕС с Колумбией и Перу. Пример этих двух стран и перспективы увеличения экспорта в Европу побудили Эквадор в 2014 г. начать переговоры и в скором времени подписать торговое соглашение с ЕС.

В 2015 г. в Брюсселе состоялась восьмая по счету межрегиональная встреча и второй межрегиональный саммит в формате ЕС–СЕЛАК под лозунгом «В пользу общего будущего: совместно работать, добиваясь благосостояния и стабильности». На этом форуме возникли серьезные разногласия из-за политической ситуации в Венесуэле, так как Евросоюз стремился внести в итоговую декларацию пункт о нарушениях прав человека и ухудшении качества демократии в этой стране, а страны СЕЛАК во главе с председательствующим Эквадором, в свою очередь, предложили проект итоговой декларации, в одном из пунктов которого содержалась критика политики санкций США в отношении Венесуэлы. В то же время стороны были единодушны в вопросе Кубы и поддержали начало нормализации отношений между США и Кубой; при этом

ЕС подчеркнул, что намерен продолжить переговорный процесс с Кубой с целью заключения всеобъемлющего договора о сотрудничестве. По итогам саммита в План действий, помимо вопросов, прежде включенных в межрегиональную повестку в 2013 г., были добавлены пункты о расширении сотрудничества в области высшего образования и в сфере гражданской безопасности.

В сфере экономического сотрудничества стороны отметили необходимость модернизации существующих договоров о ЗСТ, заключенных ЕС с Мексикой и Чили. Особое внимание уделялось вопросу активизации переговорного процесса между ЕС и Меркосур о создании ЗСТ. Однако, с одной стороны, этому препятствовали противоречия внутри самого Меркосур: Аргентина и Венесуэла неоднократно высказывали сомнения в необходимости такого соглашения; с другой стороны, Евросоюз был по-прежнему не готов идти на уступки в вопросах, связанных с субсидированием сельского хозяйства и допуском качественной латиноамериканской аграрной продукции на рынок ЕС.

Трансатлантическое взаимодействие

Надо отметить, что начиная с 2013 г. европейско-латиноамериканское сотрудничество целесообразно рассматривать в контексте трансформации мирохозяйственных связей и трансатлантического взаимодействия. Последствия кризиса 2008–2009 гг. заставили задуматься о переосмыслении существующих и выработке новых *интеграционных парадигм* по обе стороны Атлантики. Речь идет, в частности, о процессе формирования двух новых мегасоглашений о свободной торговле – транстихоокеанского и трансатлантического. В феврале 2016 г. было подписано соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ТПП; Trans-Pacific Partnership, TPP) с участием 12 государств Азиатско-Тихоокеанского региона, включая три латиноамериканские страны – Мексику, Перу и Чили.

Переговоры о подписании другого мегасоглашения – о Трансатлантическом торгово-инвестиционном партнерстве (ТТИП; Transatlantic Trade and Investment Partnership, TTIP) между ЕС и США – приобрели не только экономическую, но и ярко выраженную геополитическую направленность. Возможные последствия

подписания этого договора активно обсуждались общественностью и экспертами по обе стороны Атлантики. Официальные переговоры по соглашению о ТТИП велись с июля 2013 г. по октябрь 2016 г., было проведено 15 раундов переговоров. Целью этого амбициозного мегасоглашения было образование самой обширной в мире зоны свободной торговли с 800 млн потребителей, на долю которой приходится почти половина мирового ВВП и свыше 30% мировой торговли товарами и услугами. Поскольку трансатлантическое экономическое пространство существует не первый год и, по мнению экспертов, «достаточно интегрировано» [Steinberg, 2016], представляется, что нынешняя актуализация торгово-инвестиционного взаимодействия в указанной зоне является ответом на возросшую значимость и развитие растущих экономик, а также на появление новых альянсов между ними (например, с участием России и Китая – БРИКС, ШОС). Основная цель ТТИП – расширение взаимодействия за счет снижения тарифов, согласования и гармонизации регулятивной практики, расширения доступа к рынкам услуг и государственных закупок, совершенствования защиты прав интеллектуальной собственности, улучшения защищенности инвесторов и пр. В ходе переговоров планировалось не только расширить двустороннее сотрудничество между ЕС и США, но и принять новые правила международного торгового регулирования, которые послужили бы основой для будущих норм мировой торговой системы [Кадочников, Пташкина, 2015]. Предполагается, что заключение трансатлантического соглашения должно не только увеличить объем экспорта сторон на 17–18%, но и привести к глубокой либерализации рынка услуг и инвестиций. Наряду с вопросами, касающимися торговли товарами, переговоры по ТТИП подразумевают и обсуждение вопросов, касающихся создания между ЕС и США общего рынка торговли услугами.

При этом финансовые услуги являются важным связующим звеном трансатлантических отношений. Так, трансграничные портфельные инвестиции достигают ежегодно 32 трлн долл., в то время как объем взаимных прямых инвестиций превышает 4 трлн долл. В настоящее время по обе стороны Атлантики существуют определенные барьеры, препятствующие либерализации торговли

в различных областях (в сфере прямых инвестиций, лицензирования и патентной защиты, в сфере аудиовизуальных услуг). Поэтому успех переговорного процесса во многом будет зависеть от готовности участвующих сторон идти на компромиссы, от способности согласовать и выработать общие режимы регулирования рынка.

Острота дискуссий в ЕС о последствиях заключения соглашения о ТТИП связана главным образом с тем, что наряду с формированием ЗСТ и отменой таможенных барьеров это соглашение затрагивает чувствительные для европейского законодательства области – гармонизацию санитарных, экологических, социальных и других «вне таможенных» норм и правил безопасности. Важно отметить, что в числе сторонников ТТИП – большинство депутатов Европарламента, Еврокомиссия и основные политические партии стран Европы, которые видят в ТТИП стимул для ускорения экономического роста и увеличения занятости. Идею создания ТТИП также поддерживают крупные европейские ТНК. Среди противников этого проекта – лево- и праворадикальные партии, экологические и антиглобалистские организации, а также представители общественности и видные экономисты, указывающие в своих исследованиях, что в соглашении имеются определенные «ловушки» для стран ЕС. В частности, несмотря на то что средневзвешенный уровень тарифов, применяемых в США и ЕС, относительно невысокий и варьируется от 2 до 4%, в европейской экономике есть сектора, для которых отмена всех тарифов и пошлин во взаимной торговле может повлечь за собой негативные последствия.

Другой дискуссионный вопрос связан с тем, что ТТИП выходит за рамки ВТО и стремится к выработке новых правил международной торговли. В повестку переговоров по ТТИП включен вопрос о проницаемости технических барьеров, однако стороны не могут его решить из-за разницы принципов стандартизации [Кондратьева, 2017]. По многим позициям экономики США и ЕС являются конкурирующими, и снятие технических барьеров может негативно сказаться на отдельных отраслях европейских экономик: например, области высоких технологий, а также автопроме, где зачастую применяются протекционистские меры и сохраняются техниче-

ские барьеры в торговле, в результате чего обостряется конкуренция между крупными корпорациями за доступ на платежеспособные рынки (в том числе – на латиноамериканский).

Крайне спорной темой является инвестиционное партнерство. Договоренности предусматривают расширение прав ТНК – вплоть до возможности подать в суд на государства, которые препятствуют их коммерческой деятельности. Речь идет о применении системы урегулирования споров между инвестором и государством (УСИГ; Investor-State Dispute Settlement, ISDS), дающей иностранному инвестору право возбудить дело против государства, на территории которого он ведет экономическую деятельность.

Представляется, что риски от создания ТТИП существуют и для самого Евросоюза. На чем основано это предположение? Во-первых, осенью 2016 г., когда переговоры по ТТИП вошли в решающую фазу, они проходили для Евросоюза не «на равных», а под ощутимым давлением со стороны основного геостратегического партнера. Во-вторых, поскольку с заключением соглашения о ТТИП в ЕС может углубиться существующий посткризисный разрыв между европейскими «центром» и «периферией» (так как промышленность южных европейских стран менее развита и менее конкурентоспособна в сравнении с экономикой США), то возможно обострение конкуренции на внутреннем рынке ЕС. По оценкам критически настроенных экспертов, необходимым условием заключения соглашения станет адаптация национальных норм к ТТИП, что может стать причиной проведения в Европе новых государственных реформ (трудовых, финансовых, налоговых и пр.) [Garzón, Cansino, Hilary, 2014].

По заявлению Еврокомиссии, основные разногласия, которые существуют между сторонами по отдельным пунктам договора по ТТИП, до сих пор не разрешены. С одной стороны, ЕС важно получить доступ к американской системе государственных торгов и тендеров: европейские фирмы хотят на равных конкурировать с американскими компаниями в контрактной системе госзакупок США (например, по государственным контрактам для реализации военных заказов). С другой стороны, среди приоритетов США – защита интеллектуальной собственности, доступ на европейский

рынок услуг, устранение нетарифных ограничений в торговле пищевой и сельскохозяйственной продукцией.

Но недавняя смена администрации в Вашингтоне поставила «под вопрос» прежние мегапроекты и договоренности. Официальный Брюссель был обескуражен протекционистскими лозунгами, прозвучавшими из США. В этой связи возможны различные сценарии развития трансатлантического экономического взаимодействия. Из-за временного замораживания переговоров по ТТИП, а также из-за «эффекта Brexit» Евросоюз рискует утратить позиции на трансатлантическом направлении своей внешнеэкономической политики. Однако на фоне возможного усиления протекционизма и отказа от политики свободной торговли со стороны США для европейского бизнеса могут открыться перспективные ниши на латиноамериканском направлении – при создании более открытой и недискриминационной торговой системы и вовлечении «третьих стран» в трансатлантическое торговое взаимодействие (включая повышение уровня их участия в трансграничных цепочках добавленной стоимости) [Berger, Brandi, 2015].

Торгово-экономическое взаимодействие с ЛКА

Если говорить об экономических связях, то Евросоюз является для латиноамериканских стран важным торговым партнером и инвестором, конкурируя на этом рынке с США и Китаем. По сути, в середине второго десятилетия XXI в. Латинская Америка, оказавшись в центре геополитического треугольника, превратилась в самостоятельного игрока, активно работая как в формате постоянного взаимодействия с Западом (с США и ЕС), так и по линии Юг-Юг (с Китаем) [Сударев, 2015]. Основным торговым партнером ЛКА по-прежнему остаются Соединенные Штаты: по итогам 2016 г. объем взаимной торговли составил 774 млрд долл. При этом США имеют устойчивое отрицательное сальдо в торговле с ЛКА. Объемы торговли ЛКА с Евросоюзом и Китаем практически сопоставимы: в 2016 г. объем торговли ЛКА с ЕС составил 237,6 млрд долл., с Китаем – 215,5 млрд долл. Несмотря на внушительный объем товарооборота между ЛКА и США, доля северного соседа на латиноамериканском рынке имеет тенденцию к снижению. После провала

американского проекта создания Межамериканской зоны свободной торговли (АЛКА) США переориентировали свою стратегию в ЛКА на преимущественное тесное сотрудничество с Мексикой, странами Центральной Америки и Карибского бассейна [Клочковский, 2016]. Так, по итогам 2016 г. на Мексику, Карибы и государства Центральной Америки приходилось свыше 80% всего латиноамериканского экспорта США, в то время как на долю стран Меркосур – всего 13% [List of importing markets, 2018].

В торговле ЛКА с Евросоюзом наблюдается обратная картина: именно на южноамериканские страны и Меркосур приходится свыше 50% внешнеторгового оборота региона с ЕС. Несмотря на заметное увеличение доли Китая в торговом балансе ЛКА, именно атлантический вектор торговли имеет в регионе первостепенное значение как по объему, разнообразию, так и по качественной структуре торговых сделок. Поэтому сокращение доступа латиноамериканских товаров на рынки США и ЕС и снижение притока инвестиций оттуда после возможного образования ТТИП могут оказать крайне неблагоприятное воздействие на латиноамериканские экономики.

Межрегиональные экономические отношения между ЕС и ЛКА характеризуются следующими особенностями.

Во-первых, одним из главных факторов, препятствующих образованию стратегического альянса между ЕС и ЛКА, является асимметричность в торговле и инвестициях. Страны ЛКА продолжают импортировать из ЕС в основном промышленную продукцию, в то время как европейский импорт из ЛКА состоит в основном из сырья и продуктов первичной переработки.

Во-вторых, хотя интеграционный блок Меркосур является для ЕС стратегически важным рынком и занимает особое место в общем контексте европейско-латиноамериканского взаимодействия, с января 2014 г. Аргентина, Бразилия, Уругвай и Венесуэла уже не могут пользоваться системой генеральных преференций ЕС – на том основании, что они (согласно рейтингу Всемирного банка) перешли в категорию стран, входящих в верхнюю группу государств со средним уровнем доходов [La Unión Europea., 2015, p. 59]. В результате экспорт из этих стран в ЕС должен облагаться таможен-

ными пошлинами, которые (например, для агропромышленных товаров) являются достаточно высокими.

При этом существенным фактором в межрегиональном экономическом взаимодействии остаются переговоры между ЕС и Меркосур по созданию ЗСТ, которые в краткосрочной перспективе, вероятно, войдут в прагматичное русло и будут способствовать либерализации торговли и укреплению трансатлантического «моста» с Европой. Создание ЗСТ во многом зависит от конкретных политических решений, принятых в Бразилии и Аргентине (поскольку Парагвай и Уругвай уже давно являются сторонниками процесса сближения с Европой). В октябре 2017 г. прошел очередной раунд переговоров между ЕС и Меркосур, в ходе которого стороны продемонстрировали готовность прийти к консенсусу по чувствительным темам, касающимся торговли сельскохозяйственной продукцией. Страны Меркосур особенно заинтересованы в допуске на европейский рынок мяса и биотоплива (этанола).

В-третьих, важной характеристикой межрегиональной торговли является смещение сальдо торгового баланса. В период 2002–2011 гг. Евросоюз имел отрицательное сальдо торгового баланса с ЛКА, но в 2012–2016 гг. ситуация изменилась, и в 2016 г. профицит в торговле для ЕС составил свыше 9 млрд евро. Основная причина – наращивание европейского экспорта в страны ЛКА при уменьшении стоимости импорта латиноамериканских сырьевых товаров.

В-четвертых, все большее значение приобретают экономики латиноамериканских стран-гигантов – Мексики и Бразилии, на долю которых приходится около 60% европейского экспорта в ЛКА и 50% европейского импорта из региона. Согласно исследованию, проведенному Европейско-латиноамериканским фондом, движение промышленных товаров между ЛКА и ЕС показывает, что Бразилия и Мексика в значительной мере интегрированы во внутрифирменную торговлю и логистику [Avances en el patrón., 2016]. К примеру, именно в этих двух странах сосредоточены производства ведущих западных автомобильных концернов, работающих со странами ЛКА. Для Бразилии Евросоюз остается важным торговым партнером – на его долю приходится около 20% ее внешней торговли.

В-пятых, взаимные поставки в системе торговых связей ЛКА и ЕС концентрируются в относительно небольшой группе стран по обе стороны Атлантики. Так, всего на семь государств региона (Бразилия, Мексика, Аргентина, Чили, Колумбия, Венесуэла, Перу) приходится свыше 75% межрегиональной торговли. При этом Мексика и Чили уже заключили с Евросоюзом договоры о ЗСТ, и в настоящее время речь идет о модернизации этих двух договоров с учетом возможного заключения мегасоглашения о ТТИП. В то же время пять европейских государств (Германия, Испания, Франция, Великобритания, Италия) являются основными поставщиками и покупателями товаров из ЛКА, на них приходится около 60% взаимных экспортно-импортных поставок [Тайар, 2015, с. 78].

В конце 1990-х годов ЕС стал одним из крупнейших инвесторов в ЛКА – с того времени, когда фирмы с участием европейского капитала приняли активное участие в процессах приватизации, осуществляемых в большинстве стран региона. В начале нынешнего столетия, несмотря на динамизм европейских капиталовложений, страны ЛКА в определенной степени утратили статус основного получателя европейского капитала, поскольку инвестиционные потоки из ЕС сместились в государства Восточной Европы и Азии. Другим фактором, способствовавшим уменьшению объема европейских прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в ЛКА, стала политика отдельных стран региона (Аргентины, Боливии, Венесуэлы) по ограничению деятельности иностранного капитала, напрямую затронувшая интересы европейских, и в первую очередь испанских, компаний. Тем не менее во время европейского кризиса 2008–2009 гг. ряду европейских ТНК даже удалось повысить продажи и сбалансировать доходы своих материнских компаний благодаря выгодным капиталовложениям в ЛКА.

В настоящее время одновременно наблюдается встречный феномен – рост инвестиций транснациональных латиноамериканских компаний (мультилатинас) в страны ЕС. В 2015 г. по объему ПИИ, размещенных за рубежом, на первое место вышли чилийские компании (15,7 млрд долл.), обогнавшие мультилатинас из Бразилии и Мексики. За период 2010–2015 гг. латиноамериканские компании осуществили значительное количество поглощений на рын-

ке ЕС – на общую сумму 49,31 млрд долл. [La inversión..., 2016, p. 48]. Самый большой объем латиноамериканских инвестиций в ЕС приходится на долю Португалии, имеющей тесные экономические и культурные связи с Бразилией. На втором месте – Испания, где активно действует Мексика, ставшая шестым по значению иностранным инвестором.

Возможности и риски для стран ЛКА

Хотя сегодня ЛКА не находится на первом месте среди экономических приоритетов ЕС, можно констатировать, что в новой геополитической ситуации Евросоюз стремится сохранить свои позиции в регионе, точнее – в Южной Америке. Тем не менее, несмотря на продвижение в области экономического взаимодействия, на межрегиональной политической переговорной площадке прогресс практически затормозился: запланированный на осень 2017 г. межрегиональный саммит в формате ЕС–СЕЛАК был перенесен из-за экономического и политического кризиса в Венесуэле. Можно также отметить, что в диалоге между ЕС и ЛКА именно латиноамериканская сторона больше заинтересована в развитии межрегионального сотрудничества с целью диверсификации своих экономических и политических связей, поскольку ЕС является вторым по значимости (после США) торговым партнером ЛКА и важным рынком сбыта.

Очевидно, что для отдельных государств региона возможны различные сценарии развития трансатлантического взаимодействия.

Представляется, что в случае создания ТТИП инвесторы могут переориентировать свои активы с латиноамериканского рынка на рынки США и Европы, тем более что уже происходит постепенный перевод капиталов с рынков развивающихся стран на рынок США – в отрасли нового технологического цикла.

Значительный риск для стран ЛКА несет в себе фрагментация латиноамериканского рынка и формирование двух «осей» в торговле – транстихоокеанской и трансатлантической. В связи с тем что блок Меркосур пока не заключил договоры о ЗСТ ни с ЕС, ни с США, в случае развития ситуации по неблагоприятному сце-

нарию возможно дальнейшее «расшатывание» и «переформатирование» региональной интеграции. Аналогичный сценарий, реализованный Андским сообществом наций, привел к подписанию двусторонних торговых договоров между ЕС и отдельными андскими странами (Колумбией, Перу, Эквадором) вместо подписания «межблокового» договора с ЕС о создании ЗСТ.

Определенный риск для отдельных государств ЛКА, уже подписавших договоры о ЗСТ с ЕС и США, кроется также в ограничении свободы политического и экономического маневра из-за возрастающей зависимости от крупного капитала и центров принятия решений.

Страны Меркосур (в особенности Бразилия) рискуют остаться в стороне от текущих процессов диверсификации торговых и инвестиционных связей с ЕС; при этом ТТИП, в свою очередь, будет защищать своих членов от конкурентов из «третьих стран», не имеющих договоров о ЗСТ с Западом. В этой связи напомним, что основным «камнем преткновения» в вопросе создания ЗСТ между ЕС и Меркосур стало торможение Дохийского раунда ВТО, а также нежелание европейцев (в основном Франции) допускать на свой рынок качественную сельхозпродукцию из Латинской Америки при снижении таможенных пошлин.

Какие возможности могут открыться для стран ЛКА в связи с либерализацией трансатлантической торговли?

Вполне вероятно, что те латиноамериканские государства, которые уже заключили договоры о ЗСТ с ЕС и США (Мексика, Чили, Перу, Колумбия, центральноамериканские и карибские страны), в случае создания ТТИП подключатся к трансатлантической торговле и будут вынуждены принять новые правила игры, созданные ведущими, ориентированными на экспорт державами – США и Германией.

Компании из отдельных латиноамериканских стран получат больше возможностей для доступа к новым технологиям и глобальным цепочкам создания стоимости, что может привести к корректировке этими странами своих стратегий экономического роста и пересмотру своих моделей включения в международное разделение труда. Крупные компании-лидеры смогут передавать техноло-

гии малому бизнесу, который, в свою очередь, сможет принять международные стандарты и получить доступ к финансированию.

К сожалению, в настоящее время латиноамериканские компании малого и среднего бизнеса имеют крайне низкую степень интернационализации и практически не включены в экспортные потоки. Сегодня, напротив, повышается роль крупных мультиталинас (латиноамериканских транснациональных компаний), возрастает объем их инвестиций в страны ЕС.

Очевидно, что создание единого трансатлантического рынка между ЕС и США может существенно трансформировать концепцию многополярного мира, усилить зависимость европейских стран от североамериканской экономики, привести к возникновению новых форм глобального регулирования на мировом рынке.

Представляется, что в случае подписания договора о ТТИП его воздействие на латиноамериканские экономики окажется неоднозначным и будет во многом зависеть от внешней экономической политики отдельных латиноамериканских государств. Те страны, которые уже заключили договоры о ЗСТ с ЕС и США, в случае создания ТТИП будут втянуты в орбиту трансатлантической торговли. Однако пока не вполне ясно, какой уровень преференций США и ЕС предоставят «третьим странам» (в частности – латиноамериканским) в рамках трансатлантического договора.

Подключение к ТТИП через договоры о ЗСТ с США и ЕС может способствовать принятию государствами ЛКА западных стандартов в некоторых областях, связанных с такими чувствительными вопросами, как защита интеллектуальной собственности, регулирование участия в госзакупках и пр. Совместно принятые стандарты торговли и инвестиций в рамках ТТИП впоследствии могут стать образцом для выработки глобальных стандартов, которые будут применяться в рамках ВТО.

В целом представляется, что, с учетом перспективы образования ТТИП, развитие и укрепление региональных интеграционных процессов может способствовать защите национальных интересов государств Меркосур, пока не пришедших к консенсусу с ЕС в вопросах либерализации торговли [Тайар, 2016]. На наш взгляд, расширение сотрудничества по линии Юг–Юг с участием России (Мер-

косур – ЕАЭС, БРИКС) могло бы придать экономическим связям латиноамериканского региона более сбалансированный характер.

По всей видимости, в краткосрочной перспективе Евросоюзу предстоит дать ответ на современные вызовы, связанные с внутренними проблемами структурного характера и «фактором Brexit». Кроме того, поскольку «фактор Трампа» и протекционистский внешнеэкономический курс администрации США ставят под сомнение планы трансатлантической интеграции, не исключена вероятность переформатирования альянсов между странами в процессе нового структурирования мировой экономики. Таким образом, хотя в настоящее время сохраняется некоторая степень неопределенности в развитии трансатлантических и мирохозяйственных связей как по линии Север–Север, так и по линии Север–Юг, тем не менее есть основания считать, что страны Латинской Америки будут по-прежнему притягивать к себе внимание основных акторов трансатлантического взаимодействия – европейских политических и экономических структур, транснациональных компаний и банков, а также представителей малого и среднего бизнеса.

Список литературы

Кадочников П.А., Пташкина М.Г. Трансатлантическое торгово-экономическое партнерство // Мировая экономика и международные отношения / РАН. ИМЭМО. – М., 2015. – № 2. – С. 14–22.

Клочковский Л.Л. Новые тенденции мирохозяйственного развития и Латинская Америка // Мировая экономика и международные отношения / РАН. ИМЭМО. – М., 2016. – № 4. – С. 48–60.

Кондратьева Н.Б. О судьбе трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства ЕС–США // Современная Европа / РАН. ИЕ. – М., 2017. – № 1. – С. 138–142.

Сударев В.П. Латинская Америка в геополитическом треугольнике США–Китай–ЕС // Латинская Америка / РАН. ИЛА. – М., 2015. – № 4. – С. 4–13.

Тайар В.М. Евросоюз – Латинская Америка: Контуры межрегионального партнерства в XXI веке // Современная Европа / РАН. ИЕ. – М., 2015. – № 2. – С. 72–84.

Тайар В.М. ЕС–ЛКА: Тенденции межрегионального сотрудничества // Латинская Америка / РАН. ИЛА. – М., 2005. – № 8. – С. 24–34.

Тайар В.М. Ибероамерика и трансатлантическое партнерство: Вызовы и перспективы // Ибероамериканские тетради / РАН. ИЛА. – М., 2016. – № 1. – С. 73–79.

Avances en el patrón de comercio intra-industrial entre la Unión Europea y América Latina: Los casos de Brasil y México // EU-LAC. – Hamburgo, 2016. – 16.02. – Mode of access: <https://eulacfoundation.org/es/documentos/avances-en-el-patrón-de-comercio-intra-industrial-entre-la-unión-europea-y-américa-latina> (Дата обращения – 04.03.2018).

Berger A., Brandi C. El Acuerdo Transpacífico, competencia para la Asociación Transatlántica // Nueva Sociedad. – Buenos Aires, 2015. – Noviembre. – Mode of access: <http://nuso.org/articulo/el-acuerdo-transpacifico-competencia-para-la-asociacion-transatlantica> (Дата обращения – 04.03.2018).

Garzón A., Cansino D., Hilary J. La gran amenaza: Sobre el Tratado de Libre Comercio entre Estados Unidos y la Union Europea. – Barcelona: El Viejo Topo, 2014. – 112 p.

La inversión extranjera directa en América Latina y el Caribe 2016 / CEPAL. – Santiago de Chile, 2016. – 170 p. – Mode of access: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/40213/7/S1600664_es.pdf (Дата обращения – 04.03.2018).

La Unión Europea y América Latina y el Carybe ante la nueva coyuntura económica y social / CEPAL. – Santiago de Chile, 2015. – 87 p. – Mode of access: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/38217/S1500331_es.pdf (Дата обращения – 04.03.2018).

List of importing markets from Latin America and the Caribbean for a product exported by United States of America // Trade Map / International Trade Centre (ITC). – Geneva, 2018. – Mode of access: https://www.trade-map.org/Country_SelProductCountry_TS.aspx?nvpm=1|842||15|TOTAL||2|1|1|2|2|1|2|1|1 (Дата обращения – 04.03.2018).

Steinberg F. ТТИР: ¿Héroe o Villano? // SlidePlayer. – Burgos, 2016. – Mode of access: <http://slideplayer.es/slide/11866531/> (Дата обращения – 04.03.2018).

П.П. Яковлев ©

Испания и Латинская Америка: Роль транснационального бизнеса

Аннотация. Латинская Америка – один из приоритетных районов деятельности испанских транснациональных корпораций (ТНК). Начиная с 1980-х годов испанский бизнес последовательно наращивает свое присутствие в латиноамериканских странах, проникает в различные отрасли экономики, превращается в неотъемлемую часть хозяйственного организма. Для многих испанских компаний и банков, включая крупнейшие и высокотехнологичные компании, Латинская Америка стала главным источником прибыли. В значительной мере за счет успешных операций в латиноамериканских странах испанские предприятия смогли ослабить разрушительные эффекты кризиса 2008–2009 гг. С другой стороны, появление в латиноамериканских странах собственных ТНК – мультилатинас – породило новое явление: экспорт капитала из Латинской Америки в Испанию. В результате происходит формирование ибероамериканского бизнес-пространства с широкой сетью межкорпоративных связей.

Abstract. Latin America is one of the priority areas of Spanish transnational corporations (TNCs). Starting with the 1980 s, Spanish business consistently expanded its presence in Latin American countries, delved into various sectors of the economy, becoming an integral part of the economic body. For many Spanish companies and banks, including the largest and high-tech companies, Latin America has become the primary source of profit. Largely due to successful operations in Latin American countries, Spanish enterprises were able to weaken the destructive effects of the

2008–2009 crisis. At the same time, the emergence in Latin America it's own TNCs – so called multilatinas – gave rise to a new phenomenon: the export of capital from Latin America to Spain. The result is the formation of Ibero-American business space with a wide network of inter-corporate relationships.

Ключевые слова: Испания, Европа, Латинская Америка, транснациональные корпорации, мультилатинас, экспорт капитала.

Keywords: Spain, Europe, Latin America, transnational corporations, multilatinas, export of capital.

В условиях глобализации, ставшей на рубеже тысячелетий детерминантом мирового развития, Испания и страны Латинской Америки (ЛА) вступили в период значимых экономических и социально-политических трансформаций, которые приобрели системный характер и оказали ощутимое воздействие как на внутреннее развитие этих государств, так и на их положение в быстро меняющемся мире. Вполне можно констатировать, что в настоящее время ибероамериканские страны открыли для себя новую геополитическую и геоэкономическую эпоху, отмеченную сейсмическими по своим масштабам сдвигами в расстановке сил и радикальным изменением глобального ландшафта. Приметой времени стал международный экономический и политический рынок большой группы развивающихся государств, серьезно нарастивших свой хозяйственный и финансовый потенциал и открыто претендующих на более весомую роль в мировых делах. «Подъем развивающихся стран, – писал российский исследователь К.Н. Брутенц, – едва ли не главная черта нашего времени, которая побуждает считать нынешнее столетие столетием великих перемен» [Брутенц, 2012, с. 4].

ЛА, как часть развивающегося мира, не осталась в стороне от указанного доминирующего тренда и предприняла попытку выдвинуть собственных лидеров, имеющих шансы стать очагом международного влияния, одним из драйверов глобального роста и динамичными центрами геоэкономики и геополитики. В этих условиях весь уже сложившийся комплекс испанско-латиноамериканских отношений пришел в движение, переживает глубинные метаморфозы и в конечном счете характеризуется целым рядом новых черт и явлений. При этом магистральный путь все более

глубокого вовлечения Испании и ЛА в систему мирохозяйственных связей неизбежно пролегает через широкое участие в международных инвестиционных потоках: трансграничном ввозе и вывозе предпринимательского и банковского капитала, наращивании глобальной активности испанских и латиноамериканских транснациональных корпораций и банков (ТНК и ТНБ).

В фокусе экспансии – Латинская Америка

Начиная с 1990-х годов главные потоки испанских инвестиций стали направляться в страны латиноамериканского региона, которые переживали период неолиберальных реформ и широко открыли двери иностранным капиталовложениям. На ЛА пришелся 61% прямых испанских инвестиций, тогда как на долю государств ЕС (в составе 15 членов) – менее 23%, а США и Канады – 9%.

По оценке Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК, исп. CEPAL), в период 1992–2000 гг. прямые капиталовложения испанских ТНК в регионе превысили 71,5 млрд долл., что составило порядка 50% общего объема инвестиций всех государств – членов Европейского союза [La inversión..., 2001, p. 112]. В ряде ведущих стран, прежде всего в Аргентине и Бразилии, испанский капитал принял самое активное участие в приватизации предприятий государственного сектора и занял очень сильные позиции в сфере финансов, коммунальных услуг и телекоммуникаций.

Широкомасштабная деятельность испанских компаний и банков в регионе имела неоднозначные, противоречивые последствия. С одной стороны, латиноамериканские страны получили миллиардные финансовые вливания, вместе с иностранным капиталом пришли новые передовые технологии и современные методы менеджмента. Все это с полным на то основанием можно занести в актив иберийских ТНК и ТНБ. Но была и другая сторона медали. Многочисленные факты, легшие в основу специальных эмпирических исследований, показали: экспансия испанского капитала (как, впрочем, и любого другого) ведет к выкачиванию из Латинской Америки сверхприбылей и нередко обостряет имеющиеся социальные и политические проблемы, что неизбежно про-

воцирует возникновение конфликтных ситуаций между «новыми конкистадорами», как окрестили ТНК, и местными властями, создает внешнеполитические трудности [Cecchini, Zicolillo, 2002]. При этом официальный Мадрид неизменно вставал на сторону «своих» корпораций, и конфликт переходил на межгосударственный уровень. Классический пример такого рода – события в Аргентине, во время которых правительство Испании под руководством Хосе Марии Аснара напрямую лоббировало интересы испанских компаний, понесших значительные экономические потери в результате острейшего структурного кризиса, охватившего эту южноамериканскую страну в конце 2001 г. [Яковлев, 2004].

Серьезные экономические трудности в целом ряде латиноамериканских стран и возникшие у транснациональных компаний проблемы финансового и юридического характера ощутимо снизили интерес испанского бизнеса к региону. В результате в 2001–2006 гг. доля государств Латинской Америки в общем объеме прямых зарубежных инвестиций Испании снизилась до 16%, а удельный вес 15 стран – членов Европейского союза резко вырос и достиг 67% [Chislett, 2010, p. 4]. По словам известного экономиста Хавьера Нойи, испанские международные корпорации и банки, заметно снизив инвестиционную активность в латиноамериканском регионе, осуществили «массовую высадку» на рынках Европы, Соединенных Штатов и Китая [Noya, 2009].

Значимость латиноамериканских рынков для транснационального бизнеса вновь возросла в период кризисных потрясений 2008–2009 гг. В Испании эту новую аксиому поняли (и приняли) лучше и охотнее, чем во многих других европейских странах, и поставили целью использовать растущий потенциал латиноамериканского региона для продвижения своих экономических и политических интересов на международной арене. Так, «Telefónica» за все годы деятельности в общей сложности инвестировала в Латинскую Америку около 100 млрд евро и по этому показателю стала главным корпоративным зарубежным инвестором в латиноамериканских странах. В кризисные годы около 65–70% прибылей «Telefónica» были получены за рубежом, в том числе в Латинской Америке – свыше 40% [Яковлев, 2013 а, с. 10].

Другой характерный пример – группа «Santander». «Кризис предоставляет новые возможности», – такая оптимистическая сентенция стала настоящим руководством к действию для менеджмента этого крупнейшего испанского коммерческого банка в условиях мировых финансовых потрясений. Позиции банка в латиноамериканском регионе к началу второго десятилетия XXI в. чрезвычайно окрепли. Стоимость региональных активов банка оценивалась в 70 млрд долл., или 50% общих активов группы. На долю «Santander» приходилось 9,4% всех депозитов банковских систем Латинской Америки и 11,6% совокупного кредитного портфеля. Уровень прибыльности в среднем составил 15,7% по сравнению с 8,9% в развитых странах [Яковлев, 2013 а, с. 11]. Это служило сильнейшим стимулом для испанского бизнеса, понесшего в кризисные годы серьезные потери на национальном рынке.

На этом фоне не вызывает удивления, что подавляющее большинство (свыше 90%) испанских компаний, имевших интересы в ЛА, в период кризиса и в первые посткризисные годы расширили свои производственные операции в странах региона [Unacumbre..., 2012].

Однако заметим, что отношения между Испанией и отдельными латиноамериканскими республиками не были безоблачными. В частности, под сильным давлением националистически настроенного правительства Уго Чавеса банк «Santander» был вынужден продать венесуэльскому государству свой филиал, который являлся третьим по величине финансовым учреждением в этой стране. Причем размер компенсации (1050 млн долл.) совсем не соответствовал претензиям менеджеров банка (1800 млн долл.). Значительные финансовые потери понесли испанские компании и банки в начале 2010 г. в результате девальвации (фактического обесценения) венесуэльской национальной денежной единицы – боливера [Яковлев, 2013 а, с. 11].

Определенная «перенастройка» стала необходимой и в испанско-боливийских хозяйственных отношениях. Левонационалистический режим Эво Моралеса заметно усилил государственное вмешательство в экономику, вызвав беспокойство ТНК, работающих в этой стране (подробнее см.: [Боливия..., 2009]). Как отмечал

боливийский лидер, его режим хочет видеть в иностранных компаниях «партнеров, а не хозяев». Основные интересы испанского бизнеса в Боливии были сосредоточены на добыче природного газа, в электроэнергетике и банковском секторе. Принятие в 2009 г. новой Конституции ощутимо изменило правовую базу положения иностранного капитала, что побудило Мадрид предпринять дипломатические усилия для получения юридических гарантий деятельности испанских ТНК.

В феврале-апреле 2012 г. острый характер приобрел конфликт правительства Аргентины с ведущей испанской нефтегазовой корпорацией «Repsol», чья дочерняя компания YPF являлась крупнейшим производителем углеводородов и поставщиком нефтепродуктов в этой стране. Аргентинские власти обвинили руководство «Repsol» в недостаточных инвестициях в разработку новых месторождений и пригрозили национализацией YPF. Мадрид приложил энергичные дипломатические усилия, чтобы перевести конфликт в более спокойный диалоговый формат. Тем не менее Розовый дом (аргентинский президентский дворец) занял жесткую позицию, последовательно повышал градус напряженности и 16 апреля объявил о национализации YPF, тем самым лишив «Repsol» крупных активов, которые испанская сторона оценила в 10,5 млрд долл. (подробнее см.: [Яковлева, Яковлев, 2012 а; Яковлева, Яковлев, 2012 б]).

Пример Аргентины оказался заразительным: уже через две недели, 1 мая 2012 г., президент Боливии Эво Моралес провел национализацию компании «Transportadora de Electricidad», являвшейся филиалом испанской корпорации «Red Eléctrica». Несмотря на сравнительно скромные размеры (по сравнению с той же YPF), «Transportadora de Electricidad» играет ключевую роль в боливийской энергетической отрасли, контролируя около 80% высоковольтных линий электропередачи. В самом конце декабря 2012 г. официальный Ла-Пас пошел еще дальше и издал декрет о национализации четырех местных филиалов испанской энергетической компании «Iberdrola» [Empresas., 2012; Яковлев, 2013 а, с. 12].

По мнению экспертного сообщества, экспроприация собственности испанских компаний в Аргентине, Боливии и Венесуэле

имела «весомый политический компонент» и дорого обошлась Мадриду, поскольку нанесла ущерб его международному престижу, продемонстрировала изменения в соотношении сил между Испанией и ЛА и поставила перед испанской дипломатией дополнительные сложные задачи.

В начале 2010-х годов изменилась роль Мадрида как главного источника экономической помощи наименее развитым странам Латинской Америки. Если в 2007–2009 гг. размер помощи составлял около 1 млрд долл. в год, то в 2011 г. он снизился до 465 млн долл., т.е. более чем вдвое. Место Испании заняли ведущие государства региона – Аргентина, Бразилия, Мексика, которые увеличили финансирование на цели развития. Эта «большая тройка» в общей сложности одновременно спонсировала реализацию 586 хозяйственных проектов в соседних странах [Cooperación., 2018; Яковлев, 2013 а, с. 12]. «Латинская Америка помогает сама себе», – писала в данной связи испанская печать [Sandoval, 2012].

Латиноамериканские компании «go global»

Одним из ключевых показателей возросших экономических возможностей Латинской Америки стало увеличение удельного веса национального капитала, формирование большой группы сравнительно мощных местных компаний, которые в целом ряде случаев стали теснить зарубежные ТНК, доминировавшие на латиноамериканских рынках. Характерные данные: если в 1999 г. из 500 крупнейших бизнес-структур региона более 50% контролировались иностранным капиталом, то уже к 2007 г. этот показатель снизился до 25% [Temboury, 2012, p. 2].

Крупнейшие производственные, торговые и банковские бизнес-структуры государств региона, перешагнувшие национальные границы и получившие наименование транснациональных латиноамериканских корпораций (ТЛК), или мультилатинас [Santiso, 2012], стали мощными инструментами экономического и политического влияния. Речь идет о том, что в последние два десятилетия, включая период мирового кризиса, сотни ведущих латиноамериканских компаний не только успешно конкурировали с иностранными фирмами на местных рынках, но и проводили транснацио-

нализацию своих операций, превращаясь в полноценные «классические» ТНК и занимая все более высокие позиции в рейтингах глобальных корпораций.

Обращает на себя внимание сравнительно широкая отраслевая диверсификация мультилатинас. В их числе фигурируют энергетические и нефтегазовые компании; предприятия, занятые в других сырьевых отраслях; промышленные и строительные корпорации; частный коммерческий банк; медиаконцерн, а также торговые и транспортные фирмы. Принципиально важно присутствие в списке ЛТК компаний высокотехнологичных секторов: телекоммуникации, инжиниринг, фармацевтика, авиация и космос.

Таким образом, прочно закрепившись на национальных рынках, многие латиноамериканские компании и банки активно включились в глобальные потоки перемещения капитала в качестве его экспортеров: за рубежом открывались филиалы и представительства ведущих бизнес-структур, создавались собственные промышленные и торговые мощности, выстраивались вертикально-интегрированные производственные цепочки, активно осуществлялись операции по приобретению уже действующих местных предприятий (так называемые инвестиции *brownfield*). Это – своего рода «стая летящих гусей»¹, лидеры латиноамериканского трансграничного бизнеса.

Изучение трансграничной деятельности мультилатинас помогает избавиться от стереотипов и снять устаревшие коннотации, связанные с низкой международной активностью латиноамериканских стран. Разумеется, речь не идет обо всех государствах региона, но в ведущих и наиболее крупных странах интенсивно формируются собственные конкурентоспособные ТНК, осуществляющие значительный экспорт капитала и способные активно участвовать в процессах глобализации мировой экономики в качестве полноправных и мощных субъектов.

¹ «Стая летящих гусей» (*flying geese pattern*) – теория, разработанная в 1930-е годы японским экономистом Канаме Акамацу, согласно которой менее развитые страны движутся по пути технологического развития, следуя примеру стран, находящихся в процессе технологического развития непосредственно перед ними. – Прим. ред.

В страновом разрезе видно (см. табл.), что лидирующую роль по количеству «своих» ТНК играют Бразилия и Мексика. На их долю в 2015 г. приходилось 340 из 500 (или 68%) крупнейших мультилатинас. Если же добавить компании Чили, Аргентины, Колумбии и Перу, то этот показатель возрастет до 485, что составит 97% общего числа региональных транснациональных корпораций. Таким образом, на все остальные страны Латинской Америки приходится 15 «мультилатинас» (3%) из приведенного списка. Как говорится, комментарии излишни.

Таблица

Страновое распределение 500 крупнейших мультилатинас

№	Страна	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
1	Бразилия	204	207	211	212	226	223
2	Мексика	138	111	134	126	119	117
3	Чили	54	63	55	60	55	65
4	Аргентина	36	41	36	35	33	32
5	Колумбия	30	35	31	28	30	26
6	Перу	12	18	15	21	19	22
7	Венесуэла	11	12	7	7	6	3
8	Эквадор	5	3	3	3	3	3
9	Коста-Рика	4	3	3	3	3	3
10	Уругвай	2	2	2	2	2	2
11	Панама	2	2	2	2	2	2
12	Боливия	–	–	–	–	1	1
13	Парагвай	–	–	–	–	–	1
14	Гватемала	1	2	–	–	–	–
15	Сальвадор	1	1	1	1	1	–

Источники: [Santiso, 2012, p. 44; Яковлев, 2013 б, с. 56].

Безусловным латиноамериканским лидером по вывозу предпринимательского капитала являются бразильские компании, в первую очередь бизнес-структуры, входящие в список крупнейших ТЛК, которые действуют на международной арене особенно напористо и масштабно. Если в 2001 г. прямые зарубежные инвестиции Бразилии составляли около 50 млрд долл., то в 2007 г. этот показатель более чем удвоился, а к началу 2017 г. вырос в шесть раз. Ха-

рактрно, что бразильские мультилатинас (в отличие от многих корпораций других развитых и развивающихся стран) и в разгар мирового кризиса не только не снижали темпов внешней экспансии, но напротив – энергично наращивали свое присутствие на глобальных рынках. Вот убедительные цифры: в 2007–2010 гг. прямые зарубежные капиталовложения бразильских бизнес-структур увеличились на 52%: с 111,3 млрд до 169,1 млрд долл., а к началу 2017 г. данный показатель вырос еще на 82% и превысил 307,5 млрд долл., что сопоставимо с объемами зарубежных инвестиций крупных развитых государств [СВЕ., 2018; Яковлев, 2013 б, с. 57].

Еще одной характерной чертой является высокая концентрация бразильских инвестиций в карибских офшорных зонах: Багамы, Каймановы и Британские Виргинские острова. Здесь объем инвестиций в 2007–2016 гг. вырос в 2,7 раза и достиг 138,3 млрд долл. Нет сомнений, что экономика островов сама по себе не в состоянии «освоить» такие огромные финансовые ресурсы, и карибские банковские центры и налоговые оазисы широко используются бразильскими мультилатинас в качестве перевалочной базы для последующего инвестирования на других рынках. (В скобках заметим, что бразильцы в этом не оригинальны, поскольку к офшорным схемам в той или иной мере прибегает большинство ТНК.) Одновременно Бразилия ощутимо нарастила свои капиталовложения в Европе и соседних латиноамериканских странах. Так, суммарные бразильские инвестиции в девяти европейских странах (Австрия, Нидерланды, Испания, Лихтенштейн, Люксембург, Португалия, Венгрия, Великобритания, Бельгия) выросли с 45,2 млрд до 121,5 млрд долл. (на 170%), а в Аргентине, Венесуэле, Мексике, Панаме, Чили и Уругвае бразильские капиталовложения за указанный период увеличились в 3,7 раза – с 7,4 млрд до 27,4 млрд долл. [СВЕ., 2018].

Вслед за бразильскими мультилатинас крупными экспортерами капитала стали мексиканские корпорации. К началу 2010 г. инвестиции 20 ведущих ТПК этой страны достигли 117 млрд долл., а на их зарубежных предприятиях насчитывалось 230 тыс. занятых. При этом обращает на себя внимание чрезвычайно большая роль трех крупнейших компаний – «Cemex», «América Móvil», «Carso Global Telecom». На их долю приходилось 86 млрд долл., или 73%

общего объема инвестиций «первой мексиканской двадцатки». Что касается географического распределения капиталовложений, то здесь следует отметить заметную роль латиноамериканских государств. На первом месте – Бразилия (21 млрд долл.), далее следует Колумбия – 5 млрд долл., затем Перу – 3,6 млрд долл. и Чили – 3,5 млрд долл. В апогей мирового финансово-экономического кризиса в 2009 г. вывоз мексиканского капитала составил 7,6 млрд долл., а в 2010 г. по мере восстановления предпринимательской активности вырос до 42,2 млрд долл. [Santiso, 2012, p. 34].

Феноменальную динамику продемонстрировала телекоммуникационная компания «América Móvil», входящая в бизнес-империю одного из самых богатых людей планеты Карлоса Слима. Созданная сравнительно недавно, в 2000 г., сегодня «América Móvil» – крупнейшая корпорация Мексики по рыночной цене (93 млрд долл.), стоимости активов (67 млрд долл.), годовому обороту продаж (47 млрд долл.), объему прибылей (5 млрд долл.) и количеству занятых – 159 тыс. человек в 18 странах Америки (данные на 2012 г.) [América Móvil., 2012; Яковлев, 2013 б, с. 58]. Такому стремительному росту способствовала проводимая в режиме форсажа агрессивная политика слияний и поглощений. В частности, в 2010 г. «América Móvil» поставила под свой контроль крупную мексиканскую компанию сотовой связи «Telmex», что консолидировало ее позиции на региональном рынке телекоммуникационных услуг.

Анализ деятельности мультилатинас в страновом контексте позволяет выявить значительный отрыв, в который ушли Бразилия и Мексика в деле формирования «собственных» ТЛК. На обозримую перспективу эти два гиганта сохраняют позиции безусловных лидеров и продолжают доминировать на региональных инвестиционных рынках, но верно и то, что трансграничная экспансия корпораций государств «второго экономического эшелона» (особенно Чили и Колумбии) набирает обороты и усиливает тренд транснационализации латиноамериканской экономики. В любом случае очевидно, что поступательное развитие экономик ведущих стран Латинской Америки сопровождается процессом корпоративного

восхождения и транснационализации местных компаний, их превращения в мультилатинас.

Главным способом корпоративного развития ТЛК явился так называемый *органический рост*, макроэкономическая суть которого состоит в том, что получаемые прибыли и кредиты со временем все больше инвестируются не только в местный, но и в зарубежный бизнес корпораций. Одновременно равномернее распределяются предпринимательские и финансовые риски, поскольку трудности на одних национальных рынках компенсируются увеличением продаж в других странах, где ситуация складывается более благоприятно.

При наличии у мультилатинас значительных «свободных» финансовых ресурсов предпочтительными становятся сделки по трансграничным *аквизициям* (слияниям и поглощениям) хозяйствующих субъектов, что, как правило, связано с крупными прямыми зарубежными инвестициями. Как показывает опыт, слияния и поглощения – средство скорейшего достижения бизнес-целей за пределами страны базирования ТЛК. Использование этой стратегии позволяет приобретать уже готовые активы с налаженным производством, менеджментом и маркетингом и, таким образом, в сжатые сроки получать весомые преимущества в конкурентной борьбе. С начала XXI в. ведущие латиноамериканские корпорации осуществили сотни операций аквизиции иностранных предприятий. Самой известной была покупка в 2006 г. бразильской горнодобывающей ТЛК «Vale» крупного канадского производителя никеля «Inco Ltd» за 17,2 млрд долл. [Яковлев, 2013 б, с. 55].

Конечно, стратегия международной экспансии мультилатинас не является ригидной. Она варьируется в зависимости от конкретной экономической и политической конъюнктуры, детерминирована многими внутрикорпоративными факторами, внешними обстоятельствами, действиями партнеров и конкурентов. Одним из векторов транснационализации стали *стратегические альянсы* – сотрудничество, нацеленное на раздел рынков на взаимовыгодной основе, что позволяет избегать «кровавопролитных» конкурентных сражений. Например, в Латинской Америке мексиканская «América Móvil» на равных конкурирует с испанской «Telefónica» (обе

входят в элиту глобального телекоммуникационного бизнеса). Но острая конкуренция двух гигантов соседствует с тактикой соглашений о разделах рынков. Показательный пример – переговоры о сотрудничестве на ключевой бразильской площадке (около 262 млн линий мобильной связи), где у «Telefónica» около 80 млн клиентов, а у «América Móvil» – около 70 млн. Стоит заметить, что мексикано-испанский стратегический альянс имеет весомый инновационный компонент, поскольку предусматривает широкое внедрение передовой технологии LTE (long-term evolution), позволяющей существенно нарастить сервисные возможности высокоскоростных систем мобильной связи [Яковлев, 2013 б, с. 55].

Таким образом, в своей зарубежной экспансии мультилатинас используют различные стратегии, что позволяет им достаточно гибко приспосабливаться к меняющимся условиям ведения транснационального бизнеса на региональном и глобальном уровнях.

Особенности современного этапа

Одной из характерных черт нынешнего этапа экономического развития Испании и ведущих государств Латинской Америки, во многом определяющих их место и роль в системе мировых хозяйственных и финансовых связей, является выраженная тенденция нарастания своего рода *перекрестных капиталовложений*. Иначе говоря, наблюдается процесс интенсификации инвестиционных обменов: испанские ТНК последовательно и неуклонно наращивают предпринимательскую активность в странах латиноамериканского региона, а мультилатинас все решительнее осваивают испанский рынок, нередко рассматривая его как «окно в Европу». В качестве иллюстрации приведем ряд весьма типичных кейсов последних лет.

В 2014 г. испанская газоэнергетическая корпорация «Gas Natural Fenosa» начала интенсивное «освоение» сравнительно емкого электроэнергетического рынка Чили, встав на путь поглощения уже существующих активов, и уже в октябре того же года достигла соглашения о приобретении за 3,3 млрд долл. 54% акций чилийской компании «Compañía General de Electricidad». В результате «Gas Natural Fenosa» превратилась в одного из ключевых игроков

чилийской энергетической отрасли и подготовила плацдарм для последующей экспансии в другие страны Латинской Америки [La española..., 2014].

Несмотря на национализацию огромных активов в Аргентине, ЛА продолжает занимать важное место в глобальной стратегии испанской корпорации «Repsol», которая настойчиво ищет способы диверсифицировать свой бизнес в регионе, найти еще не полностью занятые и экономически рентабельные ниши. С этой целью «Repsol» нацелилась на крайне перспективный рынок заправокных станций Мексики. Как отметили эксперты «Repsol», в этой латиноамериканской стране с населением около 120 млн человек такое же количество заправок, как в Испании с населением почти в три раза меньше, что указывает на значительный потенциал роста мексиканского рынка [Fariza, 2017].

Растущий интерес испанский бизнес проявляет к хозяйственным преобразованиям, происходящим на Кубе, где расширяются возможности для деятельности иностранных компаний. Испанские ТНК в целом ряде случаев возглавили процесс экономической либерализации «Острова Свободы», заняв прочные позиции в энергетике, туристическом секторе (отели, рестораны), обрабатывающей промышленности, строительстве, транспорте. Согласно статистическим данным, на конец 2017 г. на Кубе имели свои филиалы 244 испанские корпорации [Directorio..., 2017, p. 1].

С другой стороны, в 2010-е годы начался процесс проникновения на испанский рынок латиноамериканских транснациональных компаний. Наиболее активно повели себя мексиканские мультилатинасы, что дало повод европейским средствам массовой информации писать о «волне мексиканских инвестиций» в испанскую экономику [Oleada..., 2013].

Многочисленные факты указывают на то, что Испания и ЛА в настоящее время переживают процесс межкорпоративного сближения, взаимного роста инвестиций и переплетения бизнес-интересов. По сути, благодаря этим трансформационным трендам меняется конфигурация предпринимательской среды и в Испании, и в странах Латинской Америки, формируется обновленная мо-

дель хозяйственного роста на обширном ибероамериканском экономическом пространстве.

Изучение основных направлений, корпоративных особенностей и главных результатов деятельности испанских ТНК и мультилатинас позволяет расширить и уточнить наши представления о реальных тенденциях развития испанской и латиноамериканской экономик, в том числе – их внешних векторов. Не вызывает сомнений и то, что в условиях глобализации удельный вес и роль Испании и государств Латинской Америки в мировом хозяйстве уже определяются (и будут в растущей степени определяться в дальнейшем) не только размерами страновых ВВП и объемами внешней торговли, но и наличием, количеством и степенью трансграничной активности «собственных» структурообразующих международных корпораций. В настоящее время мультилатинас и испанские ТНК представляют собой наиболее развитую и мощную часть национальных предпринимательских кругов, возглавляют сложный процесс «перенастройки» значительной части бизнес-сообществ на инноватизацию и модернизацию производства, активизацию внешнеэкономической деятельности. В контексте мировой нестабильности именно эта миссия мультилатинас и испанских ТНК проступает особенно рельефно.

История ТЛК и испанских ТНК по большому счету только начинает писаться: это – транснациональные корпорации «второго поколения». Особенно ТЛК, которые делают лишь первые шаги, чтобы всерьез и надолго утвердиться на глобальных рынках. Стартуя с относительно невысокого уровня корпоративной интернационализации, ТЛК и испанские корпорации последовательно наращивали потенциал влияния и шаг за шагом укрепляли свои международные конкурентные позиции.

Можно констатировать, что их выход на зарубежные торговые, производственные, сервисные и финансовые рынки хронологически совпал с разворачиванием нового этапа развития глобальной экономики и весьма органично вписался в общие тренды перестройки мирохозяйственных связей. ТЛК и испанские ТНК в целом успешно прошли проверку на прочность в непростой период мирового кризиса, тем самым подтвердив, что они сложились как

новые глобальные игроки. Факты свидетельствуют, что в XXI в. зарубежные инвестиционные бизнес-проекты и приобретения испанских и латиноамериканских корпораций разрастались как по объемам, так и по географическим и отраслевым ареалам их распространения.

Логично, что первым и основным пространством экспансии для многих ТЛК был сам латиноамериканский регион. ЛА является для мультилатинас своего рода «ближним зарубежьем», наиболее близким и понятным районом с точки зрения ведения бизнеса, проведения эффективных (менее затратных) рекламных кампаний и налаживания тесных партнерских отношений, хорошо знакомой рыночной средой. Расширяя свою деятельность в «родном» регионе, ТЛК способствуют объединению латиноамериканских экономик в единое целое не только по географическому принципу, но и на основе разветвленных корпоративных, торговых, финансовых и производственных связей в различных областях хозяйства. Иными словами, они являются фактором растущей целостности региональной экономики, поскольку своей трансграничной предпринимательской деятельностью на практике стимулируют интеграцию ранее разрозненных национальных рынков в единый хозяйственный организм. В результате происходит изменение экономического контура ЛА, создаются условия для развития более «глубоких» форматов интеграционного взаимодействия стран региона с учетом их территориальной, исторической и этнокультурной близости. Не менее существенно и то, что в результате динамичного подъема и укрепления позиций мультилатинас традиционные ТНК западных стран перестали быть безальтернативными финансово-экономическими игроками на латиноамериканском пространстве.

Освоив латиноамериканскую хозяйственную среду, мультилатинас влились в мейнстрим рыночной глобализирующейся экономики и со всей очевидностью нацелились на новые рынки, лежащие за пределами Западного полушария. Сейчас в поле зрения ТЛК, которые функционируют в глобальной системе координат, находятся все континенты земного шара, и в каждом районе мира мультилатинас выстраивают особую шкалу приоритетов. Но осо-

бое место в их деятельности занимает Испания, на рынках которой происходит сопряжение усилий латиноамериканских и местных бизнес-структур.

Список литературы

Боливия: Время левоиндихенистского эксперимента / РАН. ИЛА; Б.Ф. Мартынов (рук. экспертной группы). – М., 2009. – 75 с.

Брутенц К. Великая геополитическая революция // Мировая экономика и международные отношения / РАН. ИМЭМО. – М., 2012. – № 11. – С. 3–12.

Яковлев П.П. Аргентинский кризис и интересы европейского бизнеса // Актуальные проблемы Европы / РАН. ИНИОН. – М., 2004. – № 3. – С. 75–100.

Яковлев П.П. Испания и Латинская Америка: Перезагрузка отношений // Латинская Америка / РАН. ИЛА. – М., 2013 а. – № 3. – С. 4–19.

Яковлев П.П. «Мультилатинас»: Трансграничный рывок латиноамериканского бизнеса // Латинская Америка / РАН. ИЛА. – М., 2013 б. – № 6. – С. 51–66.

Яковлева Н.М., Яковлев П.П. Большая нефтяная игра: Причины и последствия национализации компании YPF // Латинская Америка / РАН. ИЛА. – М., 2012 а. – № 11. – С. 79–93.

Яковлева Н.М., Яковлев П.П. Большая нефтяная игра: Причины и последствия национализации компании YPF // Латинская Америка / РАН. ИЛА. – М., 2012 б. – № 12. – С. 27–42.

América Móvil: About us // América Móvil. – Mexico City, 2012. – Mode of access: <http://www.americamovil.com/about-us/our-company> (Дата обращения – 04.03.2018).

CBE: Capitais brasileiros no exterior / Banco central do Brasil. – Brasília, 2018. – Mode of access: <http://www4.bcb.gov.br/rex/cbe/port/cbe.asp> (Дата обращения – 04.03.2018).

Cecchini D., Zicolillo J. Los nuevos conquistadores: El papel del gobierno y las empresas españolas en el expolio de Argentina. – Madrid: FOCA, 2002. – 270 p.

Chislett W. Spain's main multinationals: Building on their success / Real Instituto Elcano. – Madrid, 2010. – 36 p. – (Real Instituto Elcano. Working paper; N 29/2010).

Cooperación Sur-Sur: Informe de la cooperación en Iberoamérica / SEGIB. – Madrid, 2018. – Mode of access: <http://segib.org/cooperacion-iberoamericana/cooperacion-sur-sur/> (Дата обращения – 04.03.2018).

Directorio de empresas españolas establecidas en Cuba / Oficina económica y comercial de España en Cuba. Departamento de información de inversiones y coordinación (ICEX). – Madrid, 2017. – 137 p. – Mode of access: <https://www.icex.es/icex/es/navegacion-principal/implantacion-e-inversion-exterior/informacion-para-invertir-en-el-exterior/empresas-espanolas-establecidas-en-el-exterior/DOC2014348138.html> (Дата обращения – 04.03.2018).

Empresas nacionalizadas durante el gobierno de Evo Morales // Opinion. – La Paz, 2012. – 29.12. – Mode of access: <http://www.opinion.com.bo/opinion/articulos/2012/1229/noticias.php?id=81591> (Дата обращения – 04.03.2018).

Fariza I. Repsol estudia su desembarco en el mercado mexicano de gasolineras // El País. – Madrid, 2017. – 08.11. – Mode of access: https://elpais.com/economia/2017/11/08/actualidad/1510107113_700554.html (Дата обращения – 04.03.2018).

La española Gas Natural comprara la chilena CGE por 3.300 millones de dólares // W-Radio. – Bogotá, 2014. – 12.10. – Mode of access: <http://www.wradio.com.co/noticias/economia/la-espanola-gas-natural-comprara-la-chilena-cge-por-3300-millones-de-dolares/20141012/nota/2457937.aspx> (Дата обращения – 04.03.2018).

La inversión extranjera en América Latina y el Caribe / CEPAL. – Santiago de Chile, 2001. – 189 p. – Mode of access: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/1122/1/S024314_es.pdf (Дата обращения – 04.03.2018).

Noya J. La imagen exterior de España: Nuevos escenarios y viejos problemas / Real Instituto Elcano. – Madrid, 2009. – 20 p. – (Real Instituto Elcano. Documento de trabajo; N 60/2009). – Mode of access: <https://www.almendron.com/tribuna/wp-content/uploads/2009/11/la-imagen-exterior-de-espana-nuevos-escenarios-y-viejos-problemas.pdf> (Дата обращения – 04.03.2018).

Oleada de inversiones mexicanas en España // El País. – Madrid, 2013. – 11.12. – Mode of access: https://elpais.com/economia/2013/12/11/actualidad/1386770701_336340.html (Дата обращения – 04.03.2018).

Sandoval P.X., de. Latinoamérica se ayuda a sí misma // El País. – Madrid, 2012. – 17.11. – Mode of access: https://elpais.com/internacional/2012/11/16/actualidad/1353084781_443132.html (Дата обращения – 04.03.2018).

Santiso J. La década de las multilatinas. – Madrid: Siglo XXI, 2012. – 304 p.

Temboury M. El viaje de vuelta: La expansión de las empresas latinoamericanas / Real Instituto Elcano. – Madrid, 2012. – 11 p. – Mode of

access: <http://www20.iadb.org/intal/catalogo/PE/2012/10987.pdf> (Дата обращения – 04.03.2018).

Una cumbre necesaria // ABC. – Madrid, 2012. – 17.11. – Mode of access: <http://hemeroteca.abc.es/nav/Navigate.exe/hemeroteca/cordoba/abc.cordoba/2012/11/17/006.html> (Дата обращения – 04.03.2018).

П.П. Яковлев ©

Ибероамериканские саммиты в системе отношений между странами Евросоюза и Латинской Америки

***Аннотация.** В ноябре 2018 г. в Гватемале пройдет XXVI Ибероамериканский саммит. Эти форумы высших руководителей иберийских и латиноамериканских государств проводятся с 1991 г. и являются институциональной основой объединения близких по своим историко-культурным параметрам стран, расположенных по обе стороны Атлантики. Укрепление взаимных экономических, политических и культурных связей постепенно формирует общее ибероамериканское пространство, своего рода мегарегион, который может стать полем торгово-экономического и политико-дипломатического взаимодействия Европейского союза и Латинской Америки, а в будущем – одним из полюсов многополярного мира.*

***Abstract.** In November 2018 the XXVI Ibero-American Summit will take place in Guatemala. These forums of the top leaders of the Iberian and Latin American States have been held since 1991 and are the institutional framework combining countries akin in their historical and cultural parameters and located on both sides of the Atlantic. Strengthening mutual economic, political and cultural ties, these meetings gradually form a common Ibero-American space, a kind of meta-region, able to become a field of trade-economic and political-diplomatic interaction between the European Union and Latin America, and in the future to be one of the poles of a multipolar world.*

***Ключевые слова:** Европейский союз, Испания, Португалия, Латинская Америка, Ибероамериканские саммиты, политическое и экономическое сотрудничество.*

***Keywords:** the European Union, Spain, Portugal, Latin America, Ibero-American Summits, political and economic cooperation.*

В сложившейся в настоящее время сравнительно разветвленной и продвинутой системе политико-дипломатических и торгово-экономических отношений между странами Европейского союза (ЕС) и Латинской Америки (ЛА) специфическое место занимают регулярно проводимые с 1991 г. Ибероамериканские саммиты – встречи глав государств и правительств Испании, Португалии и 19 латиноамериканских республик, к которым впоследствии присоединилась Андорра.

Инициативная роль Испании и Португалии в данном механизме межгосударственных взаимоотношений Евросоюза и латиноамериканских стран вполне объяснима. Иберийская колонизация Нового Света привела к сравнительной религиозной и культурно-цивилизационной однородности государств ЛА. Здесь (в качестве ведущих) утвердились два родственных языка – испанский и португальский – и одна доминирующая религия – католическая. Эти факторы предопределили особый характер отношений Испании и Португалии с латиноамериканскими странами, акцентировали интерес иберийских государств к развитию всего комплекса связей с ЛА. Не случайно король Испании Филипп VI отмечал: «Испания – американская страна» [Есрафа., 2016, р. 1]. В результате ибероамериканские встречи в верхах стали одним из главных каналов коммуникаций между Объединенной Европой и латиноамериканскими государствами. При посредничестве Мадрида и Лиссабона Брюссель получил возможность транслировать в ЛА коллективно выработанный Евросоюзом подход к актуальным политическим и экономическим проблемам глобального порядка, продвигать в регион интересы стран – членов ЕС.

Хроника трансатлантического сближения

Начало встречам иберийских и латиноамериканских лидеров было положено 18–19 июля 1991 г., когда в мексиканском городе Гвадалахара прошел I Ибероамериканский саммит [Яковлев, 2016 а]. Он был созван по инициативе Мексики и Испании, кото-

рые выдвинули идею взаимодействия ибероамериканских наций с помощью особого форума – Ибероамериканской конференции (по сути, синоним системы Ибероамериканских саммитов), позволяющего на высшем уровне регулярно обсуждать актуальные проблемы политического и социально-экономического развития и вырабатывать общие подходы и согласованные позиции.

По состоянию на середину 2018 г. состоялось 25 встреч в верхах стран Иберийского полуострова и ЛА. Три саммита прошли в Испании, по два – в Аргентине, Колумбии, Мексике, Панаме, Португалии и Чили и по одному – в Бразилии, Боливии, Венесуэле, Доминиканской Республике, Коста-Рике, Парагвае, Перу, Сальвадоре, Уругвае и на Кубе [Cumbres., 2018].

В ноябре 2018 г. в старинном гватемальском городе Ла-Антигуа состоится очередная, XXVI Ибероамериканская встреча в верхах. Таким образом, дипломатия саммитов вовлекла в свою орбиту подавляющее большинство государств – членов Ибероамериканского сообщества наций (ИСН), а повестка дня Ибероамериканских встреч отличалась разнообразием и охватила широкий круг вопросов, представляющих взаимный интерес.

На первых трех саммитах происходило становление ибероамериканской политической среды, поскольку были сформулированы основополагающие принципы взаимодействия латиноамериканских и иберийских государств и их отношений с третьими странами, в том числе: защита демократии и основных прав и свобод человека; уважение суверенитета и территориальной целостности государств; право каждого народа свободно выбирать политическую систему и форму правления; укрепление многосторонних начал, прагматизм и многовекторность в международных отношениях; взаимодополняемость и сопряжение различных интеграционных процессов; фокусировка усилий на превращении ИСН в позитивный, стабилизирующий фактор на трансатлантическом пространстве [XIII Cumbre., 2003]. На следующих форумах в поле зрения политической элиты Ибероамерики попали все наиболее существенные проблемы регионального и глобального масштаба.

Ключевые области сотрудничества

Проведение саммитов стало ведущим компонентом новой для европейских и (особенно) латиноамериканских стран дипломатической практики, получившей в политологической литературе наименование «*многосторонняя президентская дипломатия*». Ее возникновение, по мнению ряда аналитиков, было своего рода знаменем времени, ответом на новые вызовы глобальной ситуации, после крушения биполярного мира принимавшей все более сложный и непредсказуемый характер. Подобно другим государствам нашей планеты, страны ЕС и ЛА вступили в период возникновения многочисленных «*гибких альянсов*» и доминирования в международных отношениях так называемой «*дипломатии с изменяемой геометрией*», что, по образному замечанию аргентинского эксперта Феликса Пеньи, помогало их лидерам пробираться сквозь «зыбучие пески» мировой политики [Peña, 2005, p. 44].

Характерной чертой Ибероамериканских саммитов стало постоянное участие в них социалистической Кубы, оказавшейся в сложном положении после развала СССР и прекращения советской экономической и военной помощи. Непросто складывались отношения официальной Гаваны с руководящими органами Евросоюза. В Брюсселе крайне болезненно реагировали на неблагоприятное положение с правами человека на Острове Свободы и фактически свернули политико-дипломатические контакты с кубинскими властями. В этих условиях правящие круги ряда латиноамериканских стран рассчитывали, что участие Гаваны в работе Ибероамериканской конференции поможет более «спокойной» трансформации политических и экономических структур Кубы и их «плавному» переходу на рельсы рыночного хозяйства и представительной демократии [Mallo, Ruiz Jiménez, 2002, p. 72]. Именно поэтому «кубинский вопрос» занял видное место в повестке дня саммитов и неоднократно дебатировался на встречах в верхах.

В торгово-экономическом измерении процесс налаживания иберийско-латиноамериканского сотрудничества по времени совпал с происходившей в ЛА трансформацией внутренних хозяйственных структур и региональных интеграционных группировок в духе неолиберальных постулатов, сформулированных в Вашинг-

тонском консенсусе¹, что вело к отказу от протекционизма и практики импортозамещения в пользу открытия внутренних рынков, установления либеральных экономических режимов и ориентированной на экспорт стратегии развития. Очевидная заинтересованность многих латиноамериканских стран в свободном доступе к внешним рынкам и источникам финансирования в полной мере получила отражение в документах целого ряда саммитов 1990-х годов (особенно в Колумбии в 1994 г. и в Португалии в 1998 г.), где вопросы экономического развития и взаимодействия выдвинулись на передний план [Яковлев, 2006 а; Яковлев, 2006 б; Яковлев, 2016 б].

Несколько позже, в начале XXI в., документы Ибероамериканских совещаний в Панаме, Перу, Доминиканской Республике, Боливии, Коста-Рике отчетливо продемонстрировали определенное смещение центра тяжести всего комплекса вопросов развития в сферу конкретных действий по преодолению нищеты и социального неравенства внутри отдельных государств. Укрепление в тот период экономического положения ряда латиноамериканских стран, в том числе крупнейших – Бразилии и Мексики, которым удалось в значительной степени вписаться в мировые тренды и успешно осваивать внешние рынки, – несколько притупило для них остроту конфликта Север-Юг, но вывело на первый план проблему имущественного неравенства в самих государствах ЛА, а именно тех из них, где поляризация бедности и богатства достигла критического масштаба.

В начале нового тысячелетия появились публикации в прессе и работы исследовательского характера, которые ставили под сомнение будущее ибероамериканского проекта. Зачастую критические выступления были связаны с первоначальными завышенными ожиданиями, а их авторы явно недооценивали все сложности отношений между европейскими и латиноамериканскими странами. Как бы то ни было, но критика сыграла свою положительную роль, поскольку побудила лидеров ибероамериканских государств вне-

¹ Вашингтонский консенсус – тип макроэкономической политики, который в конце XX в. был рекомендован руководством МВФ и Всемирным банком к применению в странах, испытывающих финансовый и экономический кризис. – Прим. ред.

сти определенные коррективы в свою деятельность, придать ей более конкретный и прагматический характер, лучше отвечавший требованиям времени. Это потребовало, в частности, проведения и некоторых структурных и организационных преобразований.

Например, встречи на высшем уровне стали активнее дополняться рабочими и консультационными совещаниями профильных министров, а также многочисленными контактами экспертов, что позволило в русле общего проекта создать ряд специализированных организаций (по образованию, науке и культуре, делам молодежи, социальному страхованию) и запустить свыше 20 программ сотрудничества в самых различных областях: от развития библиотечного и архивного дела до поддержки средних и малых предприятий [Arenal, 2005, p. 117]. Все это требовало дальнейшей институционализации, образования новых органов постоянной координации практической работы. Решительный шаг в данном направлении был сделан на VIII саммите в Португалии (1998), где удалось достичь принципиального соглашения о создании Секретариата ибероамериканского сотрудничества (СИС), которому вменялось в обязанность играть роль связующего звена между многочисленными политическими, экономическими и гуманитарными акторами на огромном трансатлантическом пространстве, содействовать укреплению взаимопонимания институтов ЕС и ЛА [Яковлев, 2016 а].

Опыт работы секретариата оказался весьма полезным и востребованным при определении перспектив развития политического и экономического ибероамериканского пространства, на котором формировалась разветвленная сеть тесных и продуктивных отношений в многостороннем формате. Правящим кругам стран-участниц, заинтересованным в превращении ибероамериканских саммитов из площадки для обсуждения общих проблем в эффективную организацию, способную эти проблемы конструктивно решать, стало предельно ясно, что необходимо сделать следующий шаг: расширить функции СИС и повысить его статус, наделив дополнительными оперативными возможностями. С этой целью на XII саммите в Доминиканской Республике (2002) была образована специальная комиссия (рабочая группа) во главе с видным ученым

и государственным деятелем, бывшим президентом Бразилии Фернандо Энрике Кардозо, подготовившая доклад, всем своим содержанием акцентировавший необходимость безотлагательного создания Генерального ибероамериканского секретариата (ГИС) с достаточно широкими полномочиями для транслирования согласованных позиций стран-участниц на мировых форумах и в международных организациях [Declaración de Bávaro, 2002].

Концептуальные подходы доклада комиссии Кардозо легли в основу Устава ГИС, принятого 20 ноября 2004 г. в ходе работы XIV саммита в Сан-Хосе (Коста-Рика) и определившего Генеральный секретариат как «постоянный орган, призванный оказывать институциональную, техническую и административную помощь Ибероамериканской конференции» [Estatuto., 2004]. По всем направлениям своей деятельности ГИС был призван осуществлять разнообразные мероприятия, содействующие не только углублению сотрудничества между государствами-членами, но и выработке общих ориентиров в создании новой архитектуры их международных связей. Немалую роль в реализации этих планов сыграл тот факт, что во главе ГИС встал Энрике Валентин Иглесиас, крупный деятель глобального масштаба, 17 лет занимавший пост президента Межамериканского банка развития (Inter-American Development Bank). Само это назначение свидетельствовало о решимости лидеров европейских и латиноамериканских стран продвигаться вперед в деле совместного политического и экономического «освоения» ибероамериканского пространства, повысить международный статус Ибероамериканской конференции, придать ей новый институциональный формат¹.

Учредив Генеральный секретариат и определив его нишу в общем контексте межрегионального сотрудничества, лидеры стран-участниц в основном завершили этап складывания механизмов ибероамериканского сотрудничества и открыли новые перспективы стратегического значения. Однако поступательное развитие ибероамериканского проекта было серьезно затруднено теми

¹ В скобках заметим, что в 2014 г. ГИС возглавила другой известный деятель – бывший вице-президент Коста-Рики Ребека Гринспан Майуфис.

глубокими потрясениями, которые вызвал глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг.

Сдвиги в соотношении сил

В первые десятилетия XXI в. произошли тектонические изменения в мировой экономике и политике, которые не могли не затронуть европейские и латиноамериканские государства. В частности, иберийские страны оказались в эпицентре глобального финансово-экономического кризиса. И в Испании, и в Португалии он материализовался обвалом спроса и предложения, падением объемов инвестиций и реальных доходов большинства населения, резким сокращением внешней торговли (в том числе с ЛА), экспоненциальным ростом безработицы, обернулся другими тяжелыми социальными и политическими последствиями (подробнее см.: [Иберийские страны., 2012]).

Для судеб ибероамериканского проекта крайне негативное значение имело обвальное сокращение в 2009 г. товарооборота иберийских государств с латиноамериканским регионом в целом и с его отдельными странами. Так, общий объем иберийско-латиноамериканской торговли снизился на 30%: с 41,3 млрд долл. до 29 млрд долл., при этом, например, товарооборот Испании с Аргентиной упал почти на 40%, а Португалии с Бразилией – на 33% (см. табл. 1).

Таблица 1

Торговля Испании и Португалии с Латинской Америкой (млн долл.)

Регион, страна	Испания		Португалия	
	2008 г.	2009 г.	2008 г.	2009 г.
Латинская Америка	36 591	25 657	4687	3376
Аргентина	4545	2760	498	216
Бразилия	7045	5047	2460	1645
Мексика	8872	6312	491	360
Чили	2763	2241	146	113

Источник: [Яковлев, 2016 а].

Вместе с тем для целого ряда иберийских, прежде всего испанских, компаний и банков особое значение в условиях кризиса приобрела производственная и сбытовая деятельность их филиалов в Латинской Америке. Объяснение простое: многие страны региона экономически устояли перед кризисными испытаниями и в целом ряде случаев показали положительную динамику хозяйственного развития. Их товарные и финансовые рынки не только не «сжались», как в США или Европейском союзе, но напротив – расширились.

Глобальный кризис высветил изменение в соотношении сил между Испанией, Португалией и ведущими странами ЛА. Разумеется, иберийские государства далеко превосходили все без исключения латиноамериканские страны по уровню и качеству социально-экономического и политического развития, но этот разрыв в кризис и в первые посткризисные годы начал неуклонно сокращаться.

Что же касается абсолютных макроэкономических показателей, то ситуация начала второго десятилетия XXI в. разительно отличалась от положения дел даже пятилетней давности. Это отчетливо видно при сравнении динамики и размеров ВВП Испании, Португалии и крупнейших стран латиноамериканского региона в период 2005–2012 гг. (см. табл. 2).

Таблица 2

**ВВП иберийских и ведущих латиноамериканских государств
(млрд долл., текущие цены)**

Страна	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2011 г.	2012 г.
Испания	1132	1236	1444	1601	1468	1340
Португалия	247	259	272	278	272	280
Бразилия	881	1089	1366	1650	2493	2425
Мексика	849	952	1035	1094	1154	1163
Аргентина	181	213	260	324	445	475

Источник: [Яковлев, 2016 а].

Показательно, что в период 2008–2012 гг. ВВП Португалии в текущих ценах практически не изменился, ВВП Испании сокра-

тился на 16%, тогда как данный показатель Мексики вырос на 6%, а Бразилии и Аргентины – на 47%. В результате, если в 2008 г. ВВП Аргентины составлял лишь 20% от испанского, то в 2012 г. он вырос до 35%, а аналогичные показатели Мексики и Бразилии увеличились (соответственно) с 68 до 87% и со 103 до 181%. Другими словами, в 2012 г. ВВП Бразилии почти в два раза превысил ВВП Испании. На основании этого некоторые эксперты высказывали мнение, что ЛА кардинально усилила свои финансово-экономические и, соответственно, международные переговорные позиции и больше не нуждалась в поддержке со стороны иберийских стран «для того, чтобы достичь собственных глобальных целей» [Torreblanca, 2010].

Данное обстоятельство не осталось без внимания в европейских столицах. В частности, по замечанию заместителя главного редактора влиятельного испанского журнала «*Política Exterior*» Ауреи Мольто, новые международные реалии и вызовы императивным образом потребовали внесения существенных изменений в политику Мадрида в ЛА с двойной целью: понизить градус внешнеполитической риторики и переосмыслить национальные интересы Испании на латиноамериканском пространстве в целом и в отношениях с отдельными государствами региона [Moltó, 2010, p. 2].

Сверхзадачей испанской дипломатии стало успешное (в организационном и содержательном смысле) проведение 16–17 ноября 2012 г. в Кадисе XXII Иberoамериканского саммита. Для официального Мадрида было крайне важно, во-первых, добиться максимально большого участия в саммите первых лиц латиноамериканских государств и, во-вторых, предметно рассмотреть на нем весь комплекс вопросов расширения торгово-экономического сотрудничества между Европой и ЛА и принять конкретные и субстанциальные решения, способные двинуть вперед трансатлантическое взаимодействие. Однако, несмотря на усилия испанского правительства добиться максимального участия в саммите первых лиц латиноамериканских стран, эта цель достигнута не была. На встрече в верхах под разными предлогами не приехали руководители семи государств региона: Аргентины (Кристина Фернандес де Киршнер), Венесуэлы (Уго Чавес), Гватемалы (Отто Перес Молина),

Кубы (Рауль Кастро), Никарагуа (Даниэль Ортега), Парагвая (Федерико Франко), Уругвая (Хосе Мухика). Бросалось в глаза отсутствие большинства лидеров левой ориентации и популистского толка во главе с тогдашним венесуэльским президентом, недавно переизбранным на этот пост. Какими бы ни были официальные объяснения их отказа приехать в Кадис, было очевидно, что в основе такого решения лежали существенные расхождения с Мадридом по целому ряду экономических и политических вопросов.

Отказ значительной группы глав латиноамериканских государств участвовать в работе XXII саммита стал тревожным признаком латентных центробежных тенденций в рамках ибероамериканского проекта, дальнейшее развитие которых могло нанести существенный урон межрегиональному сотрудничеству, развалить изнутри механизмы годами выстраиваемого взаимодействия, поставить непреодолимый барьер на пути формирования ибероамериканского стратегического мегاپартнерства (подробнее см.: [Яковлев, 2013 а]).

С учетом всех этих непростых обстоятельств испанское руководство в стремлении нащупать новый вектор движения вперед старалось перевести дискурс взаимодействия в русло обсуждения таких тем, которые, во-первых, отвечали насущным политическим и торгово-экономическим потребностям Испании, а во-вторых, соответствовали устремлениям латиноамериканских государств, не вызывали у них негативной реакции. Делая реверанс в адрес бывших колоний, король Испании Хуан Карлос в своей речи в Кадисе подчеркнул, что в условиях продолжающегося финансово-экономического кризиса Испания обратила свой взор на ЛА, а председатель испанского правительства Мариано Рахой призвал в рамках ибероамериканского проекта руководствоваться принципом «единства в многообразии» и отставить в сторону имеющиеся разногласия [Sandoval, 2012].

Таким образом, испанские лидеры фактически признали, что для преодоления последствий кризиса их страна нуждается в экономическом содействии государств латиноамериканского региона (что само по себе было беспрецедентным). На этом фоне на встрече в центр дискуссии были помещены принципиально новые вопро-

сы, ранее не обсуждавшиеся на саммитах и отражавшие радикально изменившуюся геоэкономическую и геополитическую реальность. В том числе следующие.

– Насущная необходимость широкого подключения малых и средних предприятий к экономическому взаимодействию на ибероамериканском пространстве. Это – огромный резерв интенсификации межрегионального хозяйственного сотрудничества, поскольку малый и средний бизнес во всех странах – членах ИСН образует основной массив делового сообщества. В ряде случаев испанские малые предприятия добились неплохих результатов на латиноамериканских рынках, и Мадрид явно стремился реплицировать их успех на другие компании.

– Решительный разворот инвестиционной активности заметен усилившихся транснациональных корпораций латиноамериканских стран (так называемых мультилатинас) [Яковлев, 2013 б] в сторону иберийских рынков. До того времени инвестиции мультилатинас преимущественно направлялись в соседние страны региона или в США. Задачей стратегического значения для Мадрида и Лиссабона было в максимально возможной степени привлечь латиноамериканские капиталы и тем самым восполнить нехватку финансовых ресурсов в реальном секторе экономики иберийских государств.

– Совместное участие иберийских и латиноамериканских корпораций в масштабных бизнес-проектах в Азиатско-Тихоокеанском регионе. С этой целью предусматривалось присоединение Испании и Португалии к деятельности недавно образованного Тихоокеанского альянса в составе Мексики, Колумбии, Перу и Чили. Тем самым испанские и португальские предприятия (прежде всего ведущие ТНК) рассчитывали использовать страны латиноамериканского тихоокеанского побережья в качестве плацдарма для проникновения на чрезвычайно емкие азиатские рынки.

Следуя установившейся традиции, на саммите были приняты заключительные документы: Декларация Кадиса, Программа действий и 16 специальных коммюнике по актуальным вопросам международной жизни (в том числе: о борьбе с терроризмом, ситуации на Ближнем Востоке, защите окружающей среды и т.д.).

Итоговые документы зафиксировали те сдвиги, которые имели место в отношениях между иберийскими и латиноамериканскими странами. В частности, в Декларации Кадиса указывалось, что значительная часть государств Латинской Америки в условиях мирового кризиса сумела поддержать экономический рост и это открывает новые возможности для сотрудничества в целях развития на ибероамериканском пространстве, включая более полное использование и сопряжение потенциалов двух региональных рынков: европейского и латиноамериканского [Documentos..., 2012, p. 6-17]. В Программе действий, в свою очередь, в качестве одной из конкретных задач называлась подготовка «дорожной карты» мер, направленных на повышение эффективности ибероамериканских организаций [Ibid., p. 18-29].

В ряду принятых в Кадисе практических решений фигурировало образование рабочей группы под руководством бывшего президента Чили Рикардо Лагоса, в задачу которой входила подготовка предложений по совершенствованию механизмов деятельности Ибероамериканской конференции и дальнейшему обновлению ее институтов. Подготовленные рекомендации были представлены и рассмотрены на следующем XXIII Ибероамериканском саммите в октябре 2013 г. в Панаме, а на XXIV встрече в верхах в Веракрусе (Мексика) в декабре 2014 г. лидеры государств Ибероамерики практически единодушно договорились проводить саммиты не ежегодно, а каждые два года [La Cumbre de Veracruz..., 2014].

Решение о переходе на такой режим работы, на наш взгляд, носило объективный характер и было продиктовано двумя обстоятельствами. Во-первых, руководителям государств и правительств европейских и латиноамериканских стран все больше приходится считаться с имеющим место ускорением хода политического времени, когда временное «расстояние» между совещаниями в верхах ощутимо сокращается. Во-вторых, за прошедшие четверть века международная повестка лидеров иберийских и ведущих латиноамериканских государств существенно обогатилась встречами на высшем уровне в самых различных форматах, как глобальных, так и региональных. Для Мадрида и Лиссабона первостепенное значение имеет участие в ЕС, который переживает не самые простые

времена, тогда как для латиноамериканцев заметно повышается значение внутрирегиональных связей, а также коммуникации с торгово-экономическими партнерами в динамично развивающемся Азиатско-Тихоокеанском регионе. Оба этих фактора тормозят сближение ЕС и ЛА, образуют своего рода *контртенденцию* – препятствие на пути превращения ибероамериканского пространства в трансрегиональное экономическое партнерство нового типа. Вместе с тем сама жизнь (прежде всего реалии развития, растущие риски и вызовы глобальной экономики) подталкивает иберийские и латиноамериканские страны к усилению межрегионального взаимодействия.

Мегарегионализм на фоне глобальной неустойчивости

Усиление нестабильности мирового развития и многочисленные потрясения на глобальных рынках сырьевых и продовольственных товаров в 2014–2016 гг. особенно негативно сказались на экономическом положении стран ЛА, чьи валютные поступления в решающей мере зависят от вывоза сырья и продовольствия. В отличие от ситуации кризиса 2008–2009 гг., когда латиноамериканские экономики в целом «выстояли», тогда как иберийские государства пострадали в максимальной степени, в 2014–2016 гг. Испания и Португалия, хотя и «со скрипом», но выходили из кризисного состояния, а большинство республик ЛА столкнулись с серьезными хозяйственными трудностями, оказались в эпицентре «идеального шторма» [Яковлев, 2016 в].

В результате в значительно изменившихся глобальных условиях торгово-экономическое и инвестиционно-технологическое взаимодействие в рамках ибероамериканского объединительного процесса приобрело новое звучание, поскольку стало напрямую отвечать задачам обеспечения устойчивого и инклюзивного развития как иберийских, так и латиноамериканских стран, нахождения приемлемого баланса интересов в их отношениях с главными (традиционными) центрами финансово-экономического влияния.

С нашей точки зрения, реальную международную силу мегарегиональное формирование может обрести с преодолением так называемого *интеграционного порога*: когда экономическая связан-

ность между ключевыми партнерами составляет не менее 25% их экспорта. В научной литературе принято считать, что подобный уровень взаимодействия создает заинтересованность государств и национальных бизнес-сообществ в поддержании и наращивании стабильных хозяйственных связей [Зевин, 2016]. Возможно ли в обозримом будущем преодоление интеграционного порога в отношениях между странами – участницами ибероамериканского объединительного процесса?

Обратимся к текущему состоянию дел в сфере взаимной торговли товарами между иберийскими и отдельными (наиболее крупными и развитыми) латиноамериканскими государствами. Данные указывают на все еще очень низкий уровень торговых обменов между Испанией, Португалией и странами ЛА. Так, в испанском экспорте доля региона составляет лишь 6,1%, в португальском – 2,8% (см. табл. 3). Не лучше дело обстоит и с импортом латиноамериканской продукции иберийскими государствами (см. табл. 4).

Таблица 3

**Доля латиноамериканских стран в экспорте Испании
и Португалии (2015)**

Регион, страна	Испания		Португалия	
	млн долл.	%	млн долл.	%
Латинская Америка	17 076	6,1	1533	2,8
Аргентина	1463	0,5	101	0,2
Бразилия	3032	1,1	631	1,1
Мексика	4749	1,7	220	0,4
Чили	1517	0,6	114	0,2

Источник: [Яковлев, 2016 а].

Разумеется, одних показателей торговли далеко не достаточно, чтобы оценить потенциал превращения ибероамериканского пространства в межрегиональное экономическое мегапартнерство, хотя, следует признать, пробуксовывание торговых связей ослабляет импульсы сотрудничества. И все же фундаментом взаимодействия иберийских и латиноамериканских государств становятся экономические отношения в более широком их понимании. В этом смысле инициативную роль сыграли испанские транснациональ-

ные корпорации, для которых ЛА – один из приоритетных районов экспансии.

Таблица 4

**Доля латиноамериканских стран в импорте Испании
и Португалии (2015)**

Регион, страна	Испания		Португалия	
	млн долл.	%	млн долл.	%
Латинская Америка	17 082	5,6	1960	2,9
Аргентина	1527	0,5	48	0,07
Бразилия	3478	1,1	953	1,4
Мексика	4009	1,3	164	0,25
Чили	1660	0,5	44	0,07

Источник: [Яковлев, 2016 а].

Приведем пример Мексики. Испанские инвестиции в этой стране превышают 50 млрд долл., здесь действует 5,5 тыс. испанских компаний [Schmidt, 2015]. Весьма символично, что самый высокий небоскреб в мексиканской столице – здание испанского банка BBVA. Испанский бизнес – важная и неотъемлемая часть мексиканской экономики, внутренний фактор хозяйственного развития. Мексика (естественно, наряду с Бразилией) стала и приоритетным объектом экспансии португальских компаний. Только в 2015–2016 гг. в стране ацтекского орла обосновались порядка 100 португальских компаний, преимущественно высокотехнологичных. В частности, здесь активно действуют предприятия, занятые в мощной мексиканской автомобильной промышленности и в быстрорастущем аэрокосмическом секторе [Neves, 2016].

Но в последние годы наблюдается и встречное движение: крупные мексиканские транснациональные компании, мультилатинас, активно осваивают иберийский рынок. На полуострове прочно обосновались: «Grupo Carso», «Cemex», «Grupo Gruma», «Toluca», «Alfa», «Bimbo» и другие мексиканские ТНК. Они уже вложили в экономику Испании свыше 20 млрд долл. и приобрели крупные активы в банковском секторе, в цементной, пищевой, транспортной и других отраслях [Schmidt, 2015].

Таким образом, на наших глазах постепенно и в не самых простых международных условиях, но последовательно, шаг за шагом формируется единое ибероамериканское бизнес-пространство. Закрепляя эту ключевую тенденцию, в 2015 г. в Мехико был образован Ибероамериканский совет производительности и конкурентоспособности, в который вошли свыше 40 ведущих компаний Испании и Латинской Америки. Возглавил совет Энрике Валентин Иглесиас. В феврале 2016 г. в Мадриде прошла вторая встреча членов совета, в работе которой принял участие король Филипп VI. Принципиально важно, что совет нацелен на внедрение инноваций, на развитие в ЛА высокотехнологичных производств [El Rey inaugura.., 2016].

Одним из новых механизмов повышения инновационно-технологической конкурентоспособности ибероамериканских предприятий является формирование так называемых *«центров превосходства»* (исп. «Centros de Excelencia»). Целую сеть таких центров мирового уровня создает известная испанская компания «Indra». В частности, в 2016 г. «центр превосходства» был открыт в Бразилии, в столице штата Минас-Жерайс Белу-Оризонти. Работая вместе с Генеральным ибероамериканским секретариатом, компания «Indra» вносит заметный вклад в развитие высокотехнологичных отраслей экономики в странах ЛА [Indra implanta.., 2016].

Проект исключительной значимости, предложенный на XXIV Ибероамериканском саммите 2014 г. в Мексике и активно продвигаемый Генеральным секретариатом, – «Ибероамериканский Эразмус». Это – масштабная программа академической мобильности, которая должна охватить все ибероамериканские страны. В рамках программы был организован обмен студентами и преподавателями между университетами государств Ибероамерики. Свою готовность участвовать в проекте уже выразили свыше 500 университетов из 22 стран, а количество стипендий на период до 2020 г. должно составить около 200 тыс. [Ballesteros, 2016]. Тем самым курс был взят на развитие человеческого капитала, неременного условия социально-экономического прогресса.

28–29 октября 2016 г. в колумбийском городе Картахена под лозунгом «Молодежь, предпринимательство, образование» прошел

юбилейный XXV Иberoамериканский саммит. В основу обсуждений на форуме был положен аналитический доклад «Экономические перспективы Латинской Америки, 2017», подготовленный экспертами Организации экономического развития и сотрудничества (ОЭСР), Андской корпорации развития (АКР) и Экономической комиссии ООН для ЛА и Карибского бассейна (ЭКЛАК) [Perspectivas., 2016].

В этом обширном (338 страниц) документе содержался всесторонний анализ кризисной ситуации, переживаемой многими странами ЛА, и намечались возможные ответы на существующие вызовы. В качестве задачи стратегического порядка указывалось на необходимость активного использования имеющегося *демографического дивиденда* и более широкого вовлечения молодежи (лиц в возрасте от 15 до 29 лет) в экономическую деятельность. Эксперты подчеркнули, что численность молодых людей в странах региона – около 163 млн человек (четверть населения), но из них почти 30 млн (21%) не имеют работы, а еще примерно такое же число (19%) заняты в «теневом» секторе экономики и, следовательно, не платят налоги и лишены полноценного социального обеспечения. Таким образом, 40% латиноамериканской молодежи фактически выключены из нормальной хозяйственной жизни.

Другой серьезный вызов – сравнительно низкий уровень (по меркам развитых государств) образовательных учреждений в большинстве стран ЛА, а также недостатки профессиональной подготовки технических специалистов. Как отмечали многочисленные представители бизнес-сообщества, половина компаний в регионе сталкивается с проблемой нехватки квалифицированных кадров, что ощутимо тормозит их развитие и препятствует процессу инноватизации латиноамериканской промышленности.

К этим (и многим другим) вызовам внутреннего порядка в последние годы добавились серьезные внешние риски, генерируемые, в первую очередь, внешнеэкономической политикой администрации президента США Дональда Трампа [Яковлев, 2017 в]. Встав на путь протекционизма и торпедирования многосторонних договоренностей в сфере международной торговли (в том числе ТТП и ТТИП), нынешний хозяин Белого дома не только сделал ряд жест-

ких и бескомпромиссных заявлений, но и предпринял конкретные шаги, направленные против финансово-экономических интересов европейских и латиноамериканских стран. По существу, действия Вашингтона «подлили масла в огонь» глобальной нестабильности и неопределенности, осложнили процесс преодоления мировым сообществом растянувшихся во времени кризисных явлений. Данное обстоятельство акцентирует значимость усилий, предпринимаемых в русле ибероамериканского проекта и нацеленных на укрепление связей Европы и ЛА.

Почти 30-летняя траектория Ибероамериканских саммитов подтверждает настрой иберийских и латиноамериканских государств продолжать сотрудничество на магистральных направлениях, отвечающих запросам сегодняшнего дня. Но очевидно и другое: в настоящее время ибероамериканский проект находится на стратегической развилке: либо он останется (преимущественно) в уже проложенном и освоенном русле диалога иберийских и латиноамериканских стран, либо будет сделан решительный шаг вперед в направлении создания трансрегионального торгово-экономического мегапартнерства, естественно, учитывающего все существующие международные обязательства стран-участниц. В этом случае ибероамериканский проект будет не столько заменять, сколько дополнять те связи иберийских и латиноамериканских государств, которые у них имеются с партнерами по Европейскому союзу и другим интеграционным объединениям.

В современном мире формируется *новый глобализм*, в контексте которого Ибероамерика может (и должна) расширить свое присутствие в международной экономике и политике. Но для этого необходимо придать ибероамериканскому сотрудничеству эффективность и жесткость XXI в., что позволит иберийским и латиноамериканским странам успешнее конкурировать на мировых рынках и добиваться продвижения собственных интересов.

Список литературы

Зевин Л.З. Мегарегионы в глобализирующемся хозяйстве // *Мировая экономика и международные отношения* / РАН. ИМЭМО. – М., 2016. – № 8. – С. 26–33.

Иберийские страны: Трудный старт в XXI век / РАН. ИЛА; Отв. ред. Н.М. Яковлева. – М., 2012. – 216 с.

Яковлев П.П. Долгий путь становления (К 25-летию первого ибероамериканского саммита) // *Перспективы*. – М., 2016 а. – 14.11. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/oikumena/ekdom/dolgij_put_stanovlenija_k_25-letiju_pervogo_iberoamerikanskogo_sammita_2016-11-14.htm (Дата обращения – 06.03.2018).

Яковлев П.П. Ибероамериканское измерение мировой политики // *Латинская Америка* / РАН. ИЛА. – М., 2006 а. – № 5. – С. 75–83.

Яковлев П.П. Ибероамериканское измерение мировой политики // *Латинская Америка* / РАН. ИЛА. – М., 2006 б. – № 6. – С. 39–46.

Яковлев П.П. Ибероамериканское сообщество наций в формирующемся миропорядке // *Латинская Америка* / РАН. ИЛА. – М., 2016 б. – № 8. – С. 43–57.

Яковлев П.П. Испания и Латинская Америка: Перегрузка отношений // *Латинская Америка* / РАН. ИЛА. – М., 2013 а. – № 3. – С. 4–19.

Яковлев П.П. «Мультилатинас»: Трансграничный рынок латиноамериканского бизнеса // *Латинская Америка* / РАН. ИЛА. – М., 2013 б. – № 6. – С. 51–66.

Яковлев П.П. Экономика Латинской Америки в эпицентре «идеального шторма» // *Перспективы*. – М., 2016 в. – 01.08. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/oikumena/ekdom/ekonomika_latinskoj_ameriki_v_epicentre_idealnoغو_shtorma_2016-08-01.htm (Дата обращения – 06.03.2018).

Яковлев П.П. «Эффект Трампа», или Конец глобализации? – М.: Русайнс, 2017 в. – 176 с.

Arenal C., del. *Las Cumbres Iberoamericanas (1991–2005): Logros y desafios*. – Madrid: Siglo XXI, 2005. – 279 p.

Ballesteros C. *Vota Erasmus Iberoamericano* // *El País*. – Madrid, 2016. – 11.05. – Mode of access: https://elpais.com/internacional/2016/05/10/america/1462915178_607803.html (Дата обращения – 06.03.2018).

Cumbres Iberoamericanas / SEGIB. – Madrid, 2018. – Mode of access: <http://segib.org/cumbres-iberoamericanas/> (Дата обращения – 06.03.2018).

Declaración de Bávaro / SEGIB. XII Cumbre Iberoamericana de Jefes de Estado y de Gobierno. – Bávaro, 2002. – 15–16.11. – 13 p. – Mode of access:

<http://segib.org/wp-content/uploads/DeclaraciondeBavaro.pdf> (Дата обращения – 06.03.2018).

Documentos emanados de la XXII Cumbre Iberoamericana de Jefes de Estado y de Gobierno y declaraciones, conclusiones y cartas de la XXII Conferencia Iberoamericana y de otras reuniones Iberoamericanas / SEGIB. XXII Cumbre Iberoamericana de Jefes de Estado y de Gobierno. – Cádiz, 2012. – 250 p. – Mode of access: <http://segib.org/wp-content/uploads/Cumbre-Cadiz-ESP.pdf> (Дата обращения – 06.03.2018).

El Rey inaugura el Consejo de Competitividad Iberoamericano // El País. – Madrid, 2016. – 19.02. – Mode of access: https://elpais.com/economia/2016/02/19/actualidad/1455883202_319101.html (Дата обращения – 01.02.2018).

España: Una nación americana // Infolatam. – Madrid, 2016. – 17.03. – Mode of access: <http://www.ceipaz.org/images/contenido/Infolatam%20Espa%C3%B1a:%20una%20naci%C3%B3n%20americana%20-%20Infolatam.pdf> (Дата обращения – 06.03.2018).

Estatuto de la Secretaría General Iberoamericana (SEGIB) / OEI. – Madrid, 2004. – Mode of access: <http://www.oei.es/historico/coopibe4.htm> (Дата обращения – 06.03.2018).

Indra implanta un nuevo centro de desarrollo tecnológico en Brasil // Diario El Mundo. – San Salvador, 2016. – 07.03. – Mode of access: <http://elmundo.sv/indra-implanta-un-nuevo-centro-de-desarrollo-tecnologico-en-brasil/> (Дата обращения – 06.03.2018).

La Cumbre de Veracruz concluye con resultados concretos que renuevan el espacio Iberoamericano / SEGIB. XXIV Cumbre Iberoamericana de Jefes de Estado y de Gobierno. – Veracruz, 2014. – 09.12. – Mode of access: <http://segib.org/la-cumbre-de-veracruz-concluye-con-resultados-concretos-que-renuevan-el-espacio-iberoamericano/> (Дата обращения – 06.03.2018).

Mallo T., Ruiz Jiménez L. El sistema de Cumbres Iberoamericanas: Balance de una década y estrategias de consolidación. – Madrid, 2002. – 102 p.

Moltó Á. Por una relación contemporánea con Latinoamérica. – Madrid, 2010. – 13 p. – (Estudios de política exterior; N 137). – Mode of access: <https://eulacfoundation.org/es/system/files/Por%20una%20relaci%C3%B3n%20contempor%C3%A1nea%20con%20Latinoam%C3%A9rica.pdf> (Дата обращения – 06.03.2018).

Neves R. Indústria aeroespacial portuguesa invade o México // Negócios. – Lisboa, 2016. – 19.05. – Mode of access: http://www.jornaldenegocios.pt/empresas/detalhe/industria_aeroespacial_portuguesa_invade_o_mexico (Дата обращения – 06.03.2018).

Peña F. La compleja red de cumbres presidenciales: Reflexiones sobre la diplomacia presidencial multilateral y multiespacial en América del Sur // América Latina hoy. – Salamanca, 2005. – N 40. – P. 29–47. – Mode of access: <http://revistas.usal.es/index.php/1130-2887/article/view/2410/2459> (Дата обращения – 06.03.2018).

Perspectivas económicas de América Latina 2017: Juventud, competencias y emprendimiento / OCDE; CAF; CEPAL. – P., 2016. – 338 p. – Mode of access: https://www.oecd.org/dev/americas/E-book_LEO2017_SP.pdf (Дата обращения – 06.03.2018).

Sandoval P.X., de. El Rey inaugura la Cumbre Iberoamericana en Cádiz // El País. – Madrid, 2012. – 16.11. – Mode of access: https://elpais.com/internacional/2012/11/16/actualidad/1353069197_288589.html (Дата обращения – 06.03.2018).

Schmidt H. Entérese de la irrupción de las empresas mexicanas en España // América Economía. – Santiago de Chile, 2015. – 23.12. – Mode of access: <https://www.americaeconomia.com/negocios-industrias/enterese-de-la-irrupcion-de-las-empresas-mexicanas-en-espana> (Дата обращения – 06.03.2018).

Torreblanca J.-I. Foreign policy needs a rethink above and beyond Europe // The Financial Times. – L., 2010.–09.06. – P. 2.

XIII Cumbre Iberoamericana de Jefes de Estado y de Gobierno // OEI. – Santa Cruz de la Sierra, 2003. – 14–15.11. – Mode of access: <http://www.oei.es/xiiicumbrecar.htm> (Дата обращения – 06.03.2018).

Э.Г. Ермольева ©

Социальное государство в условиях «новой нормальности»: Характеристики европейской и латиноамериканской ситуаций

Аннотация. К числу характеристик текущего цикла посткризисного развития, обозначенного многими исследователями как «новая нормальность», относится обострение ряда проблем, выходящих за рамки «чистой» экономики: углубление социального неравенства; снижение уровня жизненных стандартов; низкая эффективность государственной антикризисной политики. Ослабление функций государства всеобщего благосостояния в некогда благополучных странах Европы активизировало дебаты об усилении главной его задачи – социальной защиты населения. В странах Латинской Америки расширение функций социального государства также стоит на повестке дня.

Abstract. The article deals with the specifics of the period, called the New Normal, a term referring to the economic conditions following the 2008–2013 financial crisis. Some of its distinguishing features consist in the growth of social inequality, the decline of living standards, real crisis of the Welfare State model in the EU countries. The low effectiveness of governmental anti-crisis policy gave rise to the active debate about new configuration of Social State and revision of its general functions, mainly, the social protection of the people. The similar agenda is inherent to the Latin American countries.

Ключевые слова: «новая нормальность», социальное неравенство, социальная политика, ревизия государства всеобщего благосостояния, Европа, Латинская Америка.

Keywords: *New Normal, inequality, social policy, revision of universal welfare state, Europe, Latin America.*

Понятие «социальное государство» давно вошло в экономическую, социологическую, политическую терминологию, однако, как замечают авторы монографии, недавно изданной ИМЭМО им. Е.М. Примакова [Социальное государство..., 2016], различия в понимании социального государства прослеживаются даже в толковых словарях, не говоря уже о научных исследованиях. «Так, Кембриджский словарь определяет его как “систему, позволяющую государственным структурам за счет налогов предоставлять нуждающимся людям такие социальные услуги, как медицинская помощь, пособия по безработице и т.д.”, в то время как Британская энциклопедия – как “концепцию, в соответствии с которой государство или прочно устоявшаяся система социальных институтов играют ключевую роль в защите и содействии экономическому и социальному благополучию граждан”» [Ibid., с. 5]. В нашей работе мы сосредоточиваемся на анализе главной функции социального государства – обеспечении благосостояния граждан, социальной защите и эффективности программ вспомоществования.

О нарастании бедности и социального неравенства в Европе

В период кризиса, начавшегося в 2008–2009 гг., и после него внимание к концепции социального государства усилилось, поскольку «в условиях рецессии резко возросло число нуждающихся в социальной защите и поддержке граждан» [Семененко, 2012, с. 128].

Согласно данным Статистической службы Евросоюза (Евростат), доля населения, находящегося на пороге бедности и/или социальной исключенности (даже после перечисления социальных выплат), в среднем по ЕС-28 увеличилась с 23,3 (в 2009 г.) до 24,7% (в 2012 г.). В 2016 г. бедняки и социально уязвимые группы населения продолжали составлять 23,5%, или 118 млн человек (см. табл. 1).

Динамика бедности (2008–2016 гг., по некоторым странам ЕС)

СТРАНЫ	Доля населения на пороге бедности и социальной маргинализации ¹				Процент лиц в состоянии «глубокого материального обнищания» (депривации) ²	
	в % к общей численности		абсолютное число (млн человек)			
	2008 г.	2016 г.	2008 г.	2016 г.	2008 г.	2016 г.
В среднем по ЕС-28	23,7	23,5	115,9	117,9	8,5	7,5
Австрия	20,6	18,0	1,9	1,5	5,9	3,6
Германия	20,1	19,7	16,3	16,0	5,5	3,7
Испания	23,8	27,9	10,8	12,8	3,6	5,8
Италия	25,5	29,9	15,1	18,1	7,5	12,0
Португалия	26,0	25,1	2,7	2,6	9,7	8,4
Швеция	14,9	18,3	1,4	1,8	1,4	0,8

Источник: [European semester., 2017, p. 11–12].

Европейские аналитики всерьез занялись изучением феномена бедности в разных ее проявлениях, что наводит на размышления. Сравним две цифры: в 2014 г. доля взрослого населения, имеющего доход менее 60% от национального медианного дохода, в среднем по Европе составляла 24%, а в Латинской Америке, согласно такой же методологии, – 28% [Panorama., 2015, p. 47–48].

Еще более примечательны показатели распространения бедности среди молодежи в некоторых европейских и латиноамериканских странах. По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в возрастной группе 18–25 лет доля лиц, имеющих доход менее 50% от среднедушевого дохода,

¹ Англ. *people at risk of poverty or social exclusion*. Возрастная группа 18–64 года, имеющая доход менее 60% от национального медианного дохода после социальных выплат.

² Англ. *severely materially deprived people*. Депривация (от лат. *deprivatio*) – сокращение либо полное отсутствие возможностей удовлетворять основные потребности.

например в Чили (15%), ниже, чем в Испании (20%) [Income distribution..., 2017].

Некоторая схожесть – и одновременно особенность – ряда социальных проблем, обострившихся в условиях «новой нормальности» в странах – представителях Старого и Нового Света, столь непохожих между собой, позволяет проводить их сопоставительный анализ. Так, понятия бедности в сравниваемых регионах различны, однако категория «глубокого материального обнищания» весьма созвучна понятию «крайней бедности», которое широко используется в латиноамериканской научной литературе.

Вопросы, связанные со снижением материального уровня жизни, углублением социального неравенства, все чаще встречаются в научном дискурсе, поскольку сжатие внутреннего рынка, сокращение платежного спроса из-за увеличения количества обездоленных и малоимущих семей в условиях «новой нормальности» отрицательно сказываются на динамике общественного производства: на юге Европы это тормозит посткризисное восстановление, в Латинской Америке – затрудняет экономический рост.

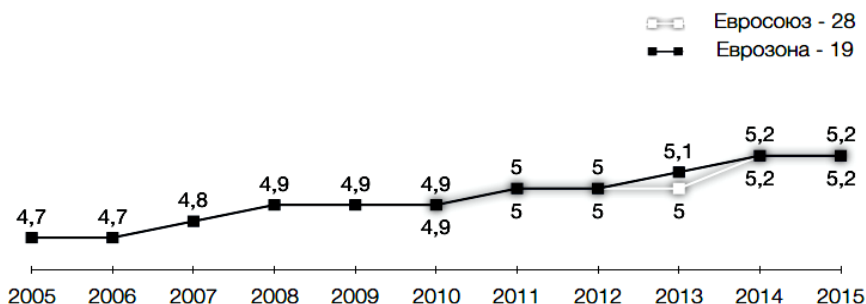
Согласно ретроспективным оценкам ОЭСР, ухудшение материального положения 40% бедных слоев населения в государствах – членах организации (по которым имелись соответствующие сведения) в период 1985–2005 гг. обернулось замедлением темпов прироста ВВП в 1990–2010 гг. в среднем по ОЭСР на 4,7% [Ibid.].

Несколько иные расчеты со ссылкой на МВФ приводит Евразийский банк развития: при положительной тенденции «рост на один процентный пункт доли доходов населения с низким и средним уровнем в течение пяти лет приводит к ускорению экономического роста почти на 0,4 п.п.» [Лисоволик, 2016].

Для измерения социального неравенства используется несколько индикаторов, включая классический индекс Джини¹ и не-

¹ Индекс Джини (Gini coefficient) – показатель, характеризующий фактическое распределение доходов домохозяйств в определенной стране, – от абсолютного равенства (значение 0) до максимального неравенства (значение 100) [Human development..., 2016, p. 209].

давно введенный коэффициент Пальмы¹. Эксперты ООН, ЕС, ОЭСР оперируют также коэффициентами, характеризующими уровень присвоения национального богатства различными социальными стратами (например, квинтилями, т.е. 20%-ными группами). К их числу относится так называемый квинтильный коэффициент $S80/S20$ ². Для иллюстрации его динамики приведем сведения Еврокомиссии (см. рис. 1): увеличение значения коэффициента с 4,7 в 2005 г. до 5,2 в 2015 г. отражает нарастание социальной поляризации.

**Рис. 1. Динамика квинтильного коэффициента $S80/S20$
в среднем по ЕС (2005–2015)**

Источник: [Social scoreboard..., 2017, p. 7].

¹ Коэффициент Пальмы (Palma ratio) отражает закономерность, выявленную чилийским экономистом Хосе Габриэлем Пальмой (J.G. Palma), обнаружившим, что доходы среднего класса почти всегда составляют около половины валового национального дохода, тогда как вторая половина распределена между богатейшими 10% и беднейшими 40%, и доли этих двух групп значительно различаются от страны к стране. Коэффициент Пальмы рассчитывается как отношение средних доходов 10% самого богатого населения к средним доходам 40% самого бедного населения [Human development..., 2016, p. 209].

² Квинтильный коэффициент (Quintile ratio) отражает соотношение среднего дохода 20% наиболее обеспеченных слоев населения ($S80$) и средних доходов 20% малоимущих ($S20$) [Human development..., 2016, p. 209].

Таблица 2

**Значение квинтильного коэффициента S80/S20
по некоторым странам Европы (2015)**

ЕС-28	Австрия	Германия	Испания	Португалия	Франция	Швеция
5,2	4,0	4,8	6,9	6,0	4,3	3,8

Источник: [Social protection committee., 2017, p. 83].

В табл. 2 обращает на себя внимание высокий показатель по Испании (6,9), показывающий, какой разрыв существует между материальным положением наиболее обеспеченных и малоимущих слоев в испанском обществе. И в последнее время этот разрыв значительно вырос (в 2009 г. коэффициент S80/S20 по Испании составлял 5,9 [Social protection committee., 2017, p. 83]).

Тем не менее, если рассмотреть динамику положения промежуточных слоев испанского населения по методу условного определения границы среднего класса¹, то анализ может быть весьма показателен, особенно на фоне алармистских выводов ведущего экономиста Международной организации труда (МОТ) Дэниэла Воган-Уайтхеда «об исчезновении» в Европе среднего класса [Europe's disappearing., 2016]. Следует, однако, учитывать разницу в методологии расчетов МОТ и Еврокомиссии.

К среднему классу в Европе эксперты относят семьи, чьи доходы варьируются от 80 до 120% от среднедушевого дохода в той или иной стране. Согласно статистике, к ядру среднего класса (core middle class) в Испании в 2008–2011 гг. относилось 26% населения, к несколько менее обеспеченным слоям (lower middle class) – 14, к чуть более зажиточным (upper middle class) – 28%, т.е. суммарно 68% населения [Social protection committee., 2017, p. 3].

Эти цифры несколько отличаются от оценок Всемирного банка, но их порядок сопоставим, что дает возможность проследить тенденцию в изменении положения испанского среднего класса за период с 2008 по 2014 г. По данным Всемирного банка, в Испании

¹ По этой методике «сначала выделяются 20% наиболее богатых и 20% наиболее бедных семей, затем высчитывается общественное богатство оставшихся 60% (называемых средним классом)» [Симоянов, 2014, с. 230].

доля средних слоев населения (60%) в совокупном национальном доходе оставалась относительно стабильной – 52,4% (2008), 52,0 (2010), 52,2 (2012), 52,4% (2014) [World development., 2017]. Из этого можно заключить, что, несмотря на тяготы кризиса, в этой стране не происходило сильной «эрозии среднего класса», выражающейся, согласно докладу МОТ, в снижении доходов, определяющих принадлежность к среднему классу [Europe's disappearing., 2016]. Тем не менее вряд ли стоит оспаривать тот факт, что существует взаимозависимость между ростом имущественного неравенства и эрозией среднего класса.

По мнению аналитиков, в тех странах, где индекс Джини превышает значение 40,0, имеет место значительная социальная дифференциация. Данные табл. 3 показывают, что по сравнению с Европой Латинская Америка остается регионом с более высоким уровнем социальной поляризации.

Таблица 3

**Показатели социального неравенства по некоторым странам
Европы и Латинской Америки (среднегодовые данные
за 2010–2015 гг.)**

Регионы и страны	Коэффициент S80/S20	Индекс Джини
<i>Европа</i>		
Германия	4,6	30,1
Франция	5,3	33,1
Испания	7,3	35,9
Португалия	6,7	36,0
Швеция	4,2	27,3
<i>Латинская Америка</i>		
Аргентина	10,0	42,7
Бразилия	15,5	51,5
Мексика	10,8	48,2
Чили	12,2	50,5

Источник: [Human development., 2016, p. 206–207].

Социальное государство в действии

Сглаживание неравенства и перераспределение национального богатства при помощи налоговой системы или других механизмов (например, путем так называемых замещающих доходов или трансферт) в пользу наименее обеспеченного населения относится к числу основных функций социального государства. Тому, насколько эффективно оно выполняет свои задачи в европейских странах, посвящено большое число научных работ; исследований по латиноамериканским странам намного меньше, однако основные тенденции можно проследить по обоим регионам.

Согласно Европейской социальной хартии, социальная защита (social protection) включает в себя как охрану граждан от социальных рисков (безработицы, болезни, старости, утраты кормильца), так и предоставление им определенных прав: на получение образования, охрану здоровья, обеспечение жильем. Иными словами, социальная защита – это комплекс целенаправленных мер экономического, правового и организационного характера для поддержки (прежде всего – материальной) наиболее уязвимых слоев населения – инвалидов, пенсионеров, безработных, граждан с низким уровнем доходов [European social..., 2015, p. 9–64].

Одной из особенностей общеевропейской социальной модели является высокий уровень расходов на социальную защиту. В латиноамериканских государствах расходы на социальную защиту значительно ниже, однако в некоторых субрегионах, например в странах Южного конуса, они сопоставимы по уровню с расходами развитых стран. Сравним: в 2015 г. в США доля расходов на соцзащиту составляла 19,0% ВВП, в Канаде – 17,2, Бразилии – 18,3, Уругвае – 17% [World social..., 2017, p. 317–322].

Если в большинстве государств Западной Европы различными формами социальной помощи охвачено от 95 до 100% населения, то в ЛА ситуация иная. Так, в Мексике лишь 50% жителей получают ту или иную социальную поддержку, в Бразилии – 60, в Чили – 69%. Самую развитую систему социального страхования и вспомоществования в ЛА имеет Уругвай, где на социальные выплаты в различных формах могут рассчитывать 94% граждан; этот показатель выше, чем, например, в Испании (где лишь 81% населения

охвачен различными видами социальной поддержки) [World social., 2017, p. 336].

В европейских странах «львиная доля» приходится на пенсионное обеспечение, чего нет в Латинской Америке. На пенсионное обеспечение в среднем по Евросоюзу расходуется 45% общего объема средств, направляемых на социальную защиту, или 13% ВВП, при этом самые высокие показатели – в Испании (12,0%), Португалии (15), Италии (16%) (данные за 2015 г.) [Expenditure on pensions., 2016].

Страны Латинской Америки (в среднем по региону) расходуют на социальное обеспечение пожилых людей почти втрое меньшую сумму – 4,6% ВВП. Однако в Бразилии, например, этот показатель приближается к среднеевропейскому уровню – 9,1% ВВП, в Аргентине составляет 7,8%, в Чили – 5,1% [Pensions., 2017, p. 147].

Примечательно, что в 2017 г. ежегодник «Социальная панорама Латинской Америки», который регулярно издает Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК, англ. ECLAC, исп. CEPAL), в качестве основной темы предложил анализ пенсионных систем, увязанный с предложениями по их укреплению и расширению охвата пожилого населения региона.

Согласно прогнозам, в 2036 г. численность лиц старше 60 лет в ЛА превысит численность детей в возрасте до 14 лет, а к 2040 г. составит 21% общей численности населения [World population., 2017]. «В таких обстоятельствах государство должно играть активную роль в сглаживании проблем, возникающих в процессе старения населения, развивая инфраструктуру пенсионного обеспечения», – считают латиноамериканские эксперты, подчеркивая, что сегодня пенсионные системы региона малоэффективны и фрагментированы, и пенсионная защита в полной мере доступна не всем, «что приводит к распространению бедности среди пожилого населения» [Panorama., 2017, p. 34]. По оценкам МОТ, в Перу, например, лишь 19,3% лиц в возрасте старше 60–65 лет получают пенсионное обеспечение, в Мексике – 25,2, в Колумбии – 51,7% [World social., 2017, p. 317–337].

Пенсионная проблематика давно привлекает внимание специалистов по развивающимся странам и государствам с переходной экономикой. Так, в 1990-х годах был проведен детальный анализ результатов стартовавшей в 1981 г. пенсионной реформы в Чили, связанной с введением накопительного страхования. Аналогичные преобразования позднее были осуществлены в Аргентине – в 1993 г., Уругвае – в 1995 г., в Боливии и Мексике – в 1996 г.

Еще больший резонанс вызвало решение чилийского правительства провести контрреформу: в 2008 г. обязательная, управляемая и финансируемая в частном порядке пенсионная система, существовавшая с 1981 г., была дополнена двумя государственными компонентами – общей базовой пенсией для людей с низким уровнем дохода, не получавших пенсий (исп. *pensión básica solidaria, PBS*), и для тех, кто получал очень низкие пенсии (исп. *aporte previsional solidario, APS*).

Вслед за Чили, первой в ЛА инициировавшей обратную реформу, похожее перереформирование провели Аргентина (2008), Боливия (2010) и Уругвай (2013). При этом первые две страны полностью исключили участие частного капитала в системе пенсионных выплат, а Уругвай сохранил частное финансирование с одновременным введением более жесткого государственного контроля и увеличением государственного участия в пенсионной системе.

Возвращаясь к сравнительному анализу латиноамериканской и европейской моделей социальной защиты, подчеркнем еще одно отличие: в Западной Европе выплаты людям активного трудового возраста (т.е. социальные выплаты по болезни, нетрудоспособности, инвалидности) по объему направляемых на социальную защиту средств занимают второе место (10% ВВП) после выплат пенсионерам и долгожителям (13% ВВП). На семейные и детские пособия в среднем по Европе расходуется около 4% ВВП. В наиболее острый период кризиса (с 2009 по 2012 г.) пособия по безработице составляли 1,7% ВВП, самые высокие показатели отмечались в Испании – 3,6% (2011/2012 гг.) [Social protection committee., 2017, p. 232]. К 2015–2016 гг. удельный вес выплат по безработице в среднем по Европе несколько сократился.

В странах латиноамериканского региона приоритетные направления социальной защиты и помощи существенно различаются: в Чили наряду с пенсионным обеспечением и выплатами пособий по безработице приоритетными являются детские программы, в Коста-Рике – социальный протекционизм уязвимых групп населения, находящихся за чертой бедности. В Бразилии с середины 1990-х годов активно развивается сектор детских пособий в рамках программ обусловленных прямых денежных трансферт (исп. *Programas de transferencias condicionadas*, PTC): так, по проекту адресной помощи «Школьный кошелек/Семейный кошелек» (порт. «*Bolsa escola/Bolsa familia*») беднейшие семьи получают денежные пособия, чтобы их дети могли получить не только базовое (9-летнее), но и 14-летнее общее образование.

Программы адресной материальной помощи в виде детских пособий существуют не только в Бразилии, Мексике или центральноамериканских государствах, где доля бедняков довольно велика, но и в странах Южного конуса, где в социальной опеке нуждается меньше детей, – Аргентине, Уругвае, Чили.

По данным ЭКЛАК, программами обусловленных прямых денежных трансферт в ЛА охвачено около 29 млн семей (почти 130 млн человек), или 17% от общего числа семей [Cecchini, Atuesta, 2017, p. 21–22].

Эксперты Программы развития ООН (ПРООН, англ. UNDP, исп. PNUD) считают латиноамериканские проекты материального вспомоществования «инновационной социальной политикой, осуществляемой в рамках курса проактивного *десаролльизма*, направленного на обеспечение поступательного социального развития региона» [Informe sobre..., 2013, p. 63]. Российские ученые склоняются к мнению, что подобные проекты социальной терапии бедности вряд ли помогут искоренить нищету, но, как и их зарубежные коллеги, признают, что «государственное адресное вспомоществование облегчает положение бедняков в плане борьбы с голодом, улучшения медицинского обслуживания и доступа к образованию» [Латинская Америка..., 2006, с. 243].

Экономический подъем, наметившийся в ЛА после спада 2013–2016 гг., позволит латиноамериканским государствам, как по-

лагают специалисты ЭКЛАК, продолжить разработку инновационных подходов к социальной помощи беднейшим слоям населения [Economías de América Latina., 2017]. Новые программы помощи увязывают прямые материальные выплаты с необходимостью охраны окружающей среды. Международная организация труда уделяет этим программам значительное внимание и с большим интересом оценивает опыт латиноамериканских государств – Бразилии, Коста-Рики, Колумбии, Мексики, Эквадора.

Нужно отметить, что первый опыт в Латинской Америке по применению комбинированного подхода – социальная помощь плюс охрана окружающей среды – был реализован в Коста-Рике, где в 1996 г. вступила в действие программа по выплате пособий за охрану лесных массивов (исп. *pagos por servicios ambientales, PPSA*). В начале 2000-х годов в Колумбии, Перу, Эквадоре также были разработаны лесозащитные проекты, предусматривавшие оказание материальной помощи бедному населению, проживающему в глухих районах [Schwarzer, van Panhuys, Diekmann, 2016, p. 18–19].

Итак, хотя в области социальной защиты латиноамериканский регион отстает от Европы по количественным показателям (прежде всего по объему социальных выплат), многие страны ЛА не ограничиваются стандартными формами социальной помощи, а находят своеобразные, новые ее виды. Иными словами, социальное государство в ЛА стремится эволюционировать качественно, и это обстоятельство, на наш взгляд, нельзя оставлять без внимания. Следует также учитывать, что путь поиска наиболее подходящей для региона модели был долгим и непростым.

Пенсионное обеспечение появилось в Чили в 1928 г., в Уругвае – в 1928 г., в Бразилии – в 1934 г., в Перу – в 1936 г. Первоначально государственные пенсионные системы охватывали только жителей столиц и крупных городов, специальные режимы соцобеспечения действовали для определенных профессиональных групп (например, военнослужащих и государственных чиновников). Формировавшиеся чуть позже пенсионные системы в Мексике и Парагвае (1943), Колумбии (1946), Боливии (1949) создавались в русле рекомендаций МОТ и с учетом получившего мировой резо-

нанс доклада английского лорда Уильяма Бевериджа (1942)¹. На это следует обратить особое внимание, поскольку обозначенные в докладе идеи легли в основу так называемой *англосаксонской модели* социальной защиты. Ее основными принципами являются: всеобщность (универсальность), т.е. охват всех граждан, нуждающихся в материальной поддержке; единообразие и унификация социальных выплат и условий их предоставления. Финансирование такой системы, получившей наименование *либеральной*, производится как за счет страховых взносов, так и за счет общих налоговых поступлений.

Характерно, однако, что в классической модели «по Бевериджу» всеобщность предоставления социальных услуг сочетается с довольно ограниченным участием государства в системе социальной защиты: помощь предоставляется главным образом тем, кто не может сам себя обеспечить, остальные граждане обязаны заботиться о себе самостоятельно. Поэтому не случайно, что для Латинской Америки, частично заимствовавшей либеральную модель, «спустившуюся» в регион от северных соседей (США и Канады), долгое время были характерны довольно низкие показатели государственных расходов на социальную защиту.

Но постепенно в латиноамериканских странах либеральная модель приобрела свои особенности. Принцип минимального государственного вмешательства отошел в прошлое, и с начала XXI в. латиноамериканские государства стали принимать активное участие в развитии национальных систем соцзащиты.

¹ В документе перечислялись принципы государства благосостояния; это понятие употреблялось как синоним понятия «социальное государство». Модель социальной защиты Бевериджа предполагала распределение ответственности между государством (базовые гарантии соцзащиты для всего населения с ориентацией на прожиточный минимум), работодателями (страхование наемных работников с их частичным участием) и работниками (дополнительное личное страхование). На основании доклада Бевериджа правительство Великобритании в 1944 г. начало реформу системы социального страхования. К 1952 г. были введены в действие законы о государственной службе здравоохранения и приняты декреты пенсионного страхования, а также страхования в связи с несчастными случаями на производстве.

Это прежде всего относится к странам Южного конуса, членам Меркосур, а также к Коста-Рике. В андских государствах, например в Перу, Боливии, Эквадоре, традиционно большую роль играет поддержка малоимущих со стороны семьи и общины, из-за чего некоторые исследователи именуют такую модель *фамилиалистской* (исп. *familiarista*, англ. *high familialism*) (см., напр.: [Cantu, 2015]). Таким странам, как Бразилия, Колумбия, Мексика, свойственна *дуальная модель* социального вспомоществования, сочетающая механизмы социального страхования с программами соцпомощи и не предусматривающая налоговых взносов, при этом большое значение имеют культурно-этнические обычаи населения и широкое распространение неформальной занятости.

Если попытаться классифицировать латиноамериканские системы соцзащиты, то нетрудно увидеть, что они имеют гибридный характер, часто носят фрагментарный характер и специфические региональные черты преобладают над схемами, заимствованными из моделей развитых стран (см., напр., публикацию Социального института Меркосур [Midaglia, Antía, 2017]). Альваро Эспина, профессор Мадридского университета Комплутенсе, полагает, что можно говорить об особом, латиноамериканском варианте социального государства (исп. *modelo latino*) [Espina, 2007].

Судя по новым публикациям и выступлениям ведущих латиноамериканских ученых и специалистов-практиков, ЛА находится на пороге переосмысления действующей «среднерегиональной» модели социальной защиты. С одной стороны, эксперты признают, что при широком распространении неформальной занятости в городах и особенно в сельской местности сохранение программ, не предусматривающих отчисление страховых взносов (например, социальных пенсий), остается объективной необходимостью. Однако, с другой стороны, уже очевидно, что система обусловленных, адресных выплат в рамках программ прямых денежных трансферт (РТС) для детей и семьи, акцент на которые был сделан почти 20 лет назад, работает не так эффективно, как ожидалось.

В 2015 г. аналитики Межамериканского банка развития (МАБР) обнаружили, что программы РТС приводят к не столь впечатляющим результатам по сокращению бедности, как представ-

ляли в своих обзорах некоторые функционеры ЭКЛАК. Опираясь на данные социологических опросов, эксперты Маркос Роблес, Марсела Рубио и Марко Стампини показали, что в среднем по региону адресной материальной помощью охвачена лишь половина семей, живущих в условиях «крайней бедности» и имеющих детей младше 18 лет; в то же время треть получателей дотаций не относилась к бедствующим группам населения. В связи с этим эксперты предложили кардинально пересмотреть механизм обусловленной денежной помощи, провести ее «переадресацию» [Robles, Rubio, Stampini, 2015].

МАБР достаточно часто выступает с критической оценкой инициатив ЭКЛАК. Отчасти это обоснованно. Актуальные и доказательные рекомендации Экономической комиссии, подкрепленные теоретическими выкладками и статистическими расчетами, призваны указывать магистральные направления при выработке социальной политики в латиноамериканском регионе.

Однако осуществление предлагаемых мер так или иначе сталкивается с существующей реальностью. Например, бывший Исполнительный секретарь ЭКЛАК (1998–2003), ныне профессор Колумбийского университета (США) Хосе Антонио Окампо считает, что необходимо переходить «к универсальной системе социальной защиты, способной оградить трудящихся от всякого рода рисков, не только от риска бедности. Такая система должна не только защищать малоимущих, но и обеспечивать устойчивость к рискам для среднего класса» [Ocampo, Gómez-Ortega, 2017, p. 20]. Однако при этом он признает, что «большое распространение неформальной занятости и малый объем поступлений в систему обязательного социального страхования» препятствуют развитию инфраструктуры всеобщей социальной защищенности [Ibid.]. (По данным Статистического ежегодника ЭКЛАК, в производственных сферах с низкой рентабельностью занято около 47% экономически активного городского населения региона [Anuario estadístico..., 2016, p. 18].)

Очевидно, что внедрение более прогрессивных систем социальной защиты, сходных с европейскими, в большем числе стран ЛА пока затруднительно. Тем не менее в предложениях ЭКЛАК намечен именно такой курс. Нынешний исполнительный секре-

тарь комиссии Алисия Барсена в декабре 2017 г. подчеркнула в своем интервью, что региону «нужно перейти на солидарно-распределительные схемы – прежде всего с принципом перераспределения от младшего поколения к старшему, от тех, кто имеет больше, в пользу тех, кто имеет меньше» [Bárcena, 2017].

Ставка на иные модели социальной защиты отчасти оправдана их большей эффективностью как для борьбы с бедностью, так и для стабилизации материального положения населения в целом. Согласно докладу Люксембургского института социально-экономических исследований, «за счет социального вспомоществования за период с 2010 по 2016 г. в среднем по Европе удалось сократить число лиц, находящихся на грани глубокого материального обнищания, на 30%» [Notten, Guio, 2016, p. 23]. Тем не менее обращает на себя внимание своеобразный парадокс: результативность социальной помощи в Европе оказывается выше в относительно благополучных странах, нежели в тех, где потребность в государственном вспомоществовании выше (см. табл. 4).

Таблица 4

**Европа: показатель сокращения уровня бедности (в %)¹
за счет социальных выплат (исключая пенсии)**

СТРАНЫ	2008 г.	2012 г.	2016 г.
Германия	37,2	33,7	34,8
Франция	46,8	40,7	42,4
Испания	23,0	28,5	24,4
Италия	19,6	20,4	21,4
Португалия	25,7	29,3	24,0
Швеция	57,2	48,5	45,8

Источник: [Impact of social., 2016].

О государстве социального инвестирования

Пример как Латинской Америки, так и Европы показывает, что к осязаемому результату в деле поддержания достойного уров-

¹ Сравнивается число лиц, подверженных риску бедности до социальных выплат, с их числом после получения пособий.

ня благосостояния населения приводят не столько социальные выплаты в их основных формах, сколько инвестиции в образование и здравоохранение (вспомним теорию человеческого капитала); поэтому развитие этих сфер становится прямой обязанностью государства социального благополучия.

Таблица 5

**Распределение государственных социальных расходов
по основным статьям, в % к ВВП (по некоторым странам Европы
и Латинской Америки)**

Регионы и страны	Социальная защита		Образование		Здраво- охранение	
	2008 г.	2016 г.	2008 г.	2016 г.	2008 г.	2016 г.
В среднем по еврозо- не	18,0	20,0	4,7	4,6	6,8	7,1
Германия	18,6	19,3	3,9	4,2	6,4	7,2
Испания	13,8	16,8	4,2	4,0	6,0	6,0
Швеция	20,1	20,6	6,4	6,6	6,6	6,9
В среднем по Латин- ской Америке ¹	3,9	5,0	4,2	4,6	2,7	3,4
Аргентина	9,8	14,1	4,3	6,6	6,7	7,1
Бразилия	11,4	13,2	5,3	5,0	8,2	5,1
Мексика	3,3	3,8	4,9	4,1	6,1	2,7
Уругвай	-	6,8	4,4	4,4	8,2	3,0
Чили	6,0	6,3	4,7	4,7	6,9	4,4

Источники: [Government expenditure.., 2018; Base de datos.., 2017].

Статистика (см. табл. 5) показывает значительный отрыв Старого Света от Латинской Америки по инвестированию в программы социальной помощи и материальной поддержки наиболее уязвимых слоев населения. По инвестированию в образование разрыв значительно меньше. Государственное финансирование национальных систем здравоохранения в ЛА оставляет желать лучшего (в среднем по региону – около 3% ВВП), хотя в такой стране,

¹ Данные на 2015 г. и только по расходам центральных правительств, без учета местных бюджетов.

как Аргентина, этот показатель близок к уровню некоторых европейских государств.

Внимание социального государства в странах Европы в 2008–2014 гг. было сосредоточено главным образом на заботе о пенсионерах, лицах с низкими доходами, безработных, что привело к фрагментации систем социального обеспечения, к увеличению разрыва между «узка направленными программами для малоимущих, с одной стороны, и акцентированием важности индивидуальных накоплений для населения со средним и относительно высоким уровнем достатка – с другой», подчеркивает МОТ [World social., 2014, p. 137].

По мнению экспертов Высшего совета по научным исследованиям Испании По Мари-Клозе, Франсиско Хавьера Морено Фуэнтеса, Элоизы дель Пино-Матуте, «с 2008 г. неравенство в Испании нарастало небывалыми темпами. И сейчас страна находится перед лицом такого сценария, когда надежда создать государство благополучия, сходное с иной Европой, представляется все менее достижимой» [Marí-Klose, Moreno Fuentes, del Pino-Matute, 2014].

В Латинской Америке с большим вниманием изучают проблемы, с которыми столкнулись Испания и некоторые другие страны Европы во время кризиса, и способы их решения. Известный латиноамериканский ученый, бывший заместитель исполнительного секретаря ЭКЛАК (2006–2008) Эрнесто Оттоне писал: «Представляется чрезвычайно полезным изучить опыт скандинавского, британского и других вариантов государства всеобщего благополучия и то, как эти модели противостоят современным вызовам и трудностям; их опыт важен для всего мира и особенно – для Латинской Америки» [Pactos sociales., 2014, p. 148].

В поисках новых решений

Многие аналитики указывают, что в текущий исторический период для решения проблем социальной исключенности (требующей вмешательства государства) первостепенное значение следует придавать не столько мерам социальной защиты, сколько развитию активной трудовой политики и механизмов инвестирования. Изучение опыта даже менее развитых стран (например, латиноамери-

канских) показывает, что по сравнению с прямыми денежными трансфертами или иными формами соцзащиты большую результативность в борьбе с бедностью дают вложения в образование и здравоохранение.

Государства Европы давно сочетают виды социальной помощи, адресованной нетрудоспособным и бедным слоям населения, с активными формами государственной политики, ориентированными на трудоспособных членов общества, что предполагает, в частности, создание условий для их самозащиты главным образом через участие в социальном страховании.

О смещении акцента с протекционизма на инвестирование в человеческий капитал говорит очередная инициатива Еврокомиссии, содержащаяся в Декларации о социальных правах [The European pillar., 2017]. Этот документ, принятый на европейском саммите в Гётеборге (ноябрь 2017 г.), содержит 20 пунктов, сгруппированных в три раздела: первый касается равенства возможностей для доступа в сферу занятости, второй – создания справедливых условий на рынке труда, третий – улучшения социальной защищенности европейцев. Комментируя принятие декларации, президент Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер сказал: «Европа медленно переворачивает страницу истории, выходя из многолетнего кризиса, однако мы пока не преодолели кризиса социального, которого не знали предыдущие поколения европейцев» [Social Summit., 2017].

Пункты декларации, посвященные социальной защите, мало отличаются от положений, зафиксированных в Европейской хартии (о необходимости государственной заботы о детях, пожилых, безработных, инвалидах и пр.). Гораздо важнее, на наш взгляд, раздел «о равенстве возможностей для доступа в сферу занятости», в котором на первое место поставлено право на качественное и инклюзивное образование, профессиональную подготовку в течение всей трудовой жизни «для получения и поддержания навыков, необходимых человеку для полноценного участия в жизни общества и успешного включения в рынок труда» [The European pillar., 2017]. Таким образом, еще раз подчеркивается, что социальный компонент Европы требует активного инвестирования в челове-

ский капитал¹. В действительности такая идея не столь уж новая. Еще в 1990-е годы британский ученый Энтони Гидденс разработал концепцию государства социального инвестирования (social investment welfare state), ставшую «частью европейского научного мейнстрима» [Социальное государство..., 2016, с. 185].

Весомым дополнением к концепции Гидденса стали идеи, которые предложил датский социолог Йёста Эспинг-Андерсен в книге «Почему нам нужно новое государство благосостояния» [Esping-Andersen, 2002]. В его работе рассматривается ряд актуальных вызовов, стоящих перед государствами с европейской социальной моделью: старение населения; риски, возникающие в связи со структурными изменениями на рынке труда; положение семей с детьми и необходимость инвестирования в молодое поколение. Эспинг-Андерсен делает вывод, что координация социальной политики в границах ЕС по таким направлениям, как забота о детях, увеличение расходов на обязательное среднее и дошкольное образование, стимулирование женской занятости, вовлечение в трудовую деятельность пенсионеров, позволит сформировать социальную модель, которая будет более справедливой.

По мнению профессора Миланского университета Маурисио Ферреры, в действительности коммунитарная политика Евросоюза в процессе *самотрансформации* модели социального государства стремится взаимоувязать, сочетать две составляющие – «меньший протекционизм в пользу большего инвестирования» [Ferrera, 2013, p. 10].

Поиски адекватного варианта социального государства в условиях «новой нормальности» с учетом своеобразия региональных социальных проблем идут и в Латинской Америке. При обзоре исследований, ведущихся в этом направлении, профессор Автономного университета штата Нуэво-Леон (Мексика) Диана Р. Эспино

¹ Некоторые обозреватели считают, что декларация поможет обеспечить бóльший объем социальных расходов в многолетнем бюджете ЕС – Европейском семестре. Известно, что курс, предполагающий наращивание социальных расходов на образование (на фоне сохранения долгового кризиса во многих странах в текущий период времени), имел ранее не только своих сторонников, но и противников.

Тапиа показывает, что при анализе кризиса «государства всеобщего благополучия» часть латиноамериканских авторов присоединяется к мнению европейских ученых-пессимистов, которые утверждают, что произошел его необратимый «демонтаж» (исп. *desmontamiento*); другие с ними не согласны и считают, что «государство всеобщего благосостояния» лишь потеряло престиж в глазах широкой общественности, которой преподносятся только удручающие цифры статистики [Espino Tapia, 2016, p. 52].

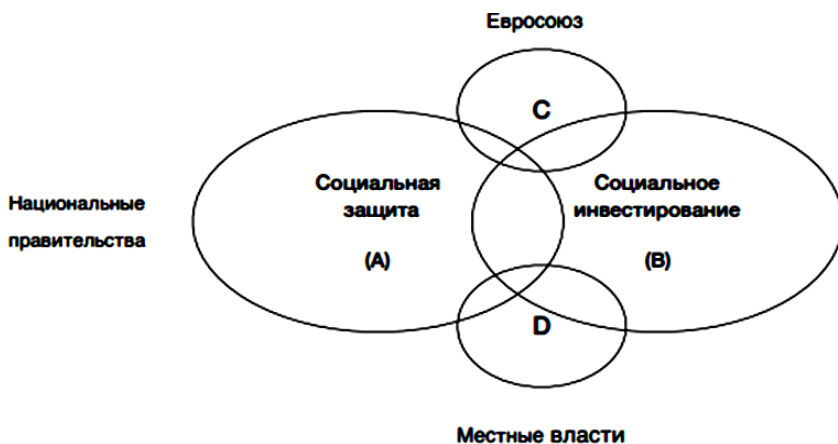

Рис. 2. Модель государства социального инвестирования

Источник: [Ferrera, 2013, p. 22].

Детально рассматривая парадигмы социального государства в Европе, Д.Р. Эспино Тапиа считает, что «вряд ли следует анализировать латиноамериканские модели через призму «государства благосостояния», учитывая свойственные им социально-экономические характеристики» [Ibid., p. 54]. С ее точки зрения, в ЛА следует совместить два понятия – «социальное государство» и «социально-правовое государство», «поскольку только такое сочетание может укрепить государство во всех его измерениях... и гарантировать гражданам равноправное участие в распределении экономических выгод» [Ibid., p. 74–75]. Полагая, что в настоящее время необходима реструктуризация социального государства, Эспино Тапиа солидаризируется с испанской коллегой из Мадрид-

ского университета им. Карлоса III Кристиной Монерео Атьенса, которая считает, что настало время перейти от государства вспомоществования (исп. *Estado asistencialista*) к государству социального развития (исп. *Estado desarrollista*) (см.: [Monereo Atienza, 2006]). При этом Д.Р. Эспино Тапия предупреждает, что государство социального развития не следует понимать в терминах *десаролльизма*, столь популярного в Латинской Америке в 1980–1990-х годах прошлого века и имевшего своей главной целью стимулирование экономического роста [Espino Tapia, 2016, p. 56]. С точки зрения К. Монерео, государство социального развития не должно ограничиваться социальной помощью для снижения бедности, а должно способствовать реализации потенциала личности в нынешней ситуации, когда «социальные условия мутировали, создали новые формы бедности и исключенности, и функции государства вспомоществования уже недостаточны» [Monereo Atienza, 2006, p. 392].

Знаменателен, на наш взгляд, факт параллельного поиска обновленных моделей социального государства по обе стороны Атлантики. Но это неудивительно, поскольку изменения, свойственные «новой нормальности», наблюдаются повсеместно: «...либерализация экономики, финансовое дерегулирование, интернационализация предпринимательства с ее неоднозначными последствиями, ущемление социальных прав и как следствие – нарастание неравенства во всем мире» [Espino Tapia, 2016, p. 73].

Показательна отсылка мексиканской исследовательницы к книге французского экономиста Тома Пикетти «Капитал в XXI веке», со страниц которой прозвучали пессимистические слова о том, что «растущее неравенство рано или поздно станет невыносимым» [Piketty, 2014, p. 669].

В Латинской Америке, где социальное расслоение чрезвычайно велико, такие высказывания воспринимаются научной общественностью особенно «близко к сердцу». По данным ЭКЛАК, в Бразилии, например, на долю 20% самых богатых слоев приходится 50,2% общенационального дохода, в Мексике и Чили – 48, в Аргентине – 35,5% [Panorama..., 2016, p. 92].

А что же думает Т. Пикетти о судьбах социального государства? Он прежде всего считает, что понятие «социальное государст-

во» больше соответствует реальности и лучше описывает все многообразие функций, выполняемых государством, чем более ограниченный термин «государство всеобщего благоденствия» [Пикетти, 2016, с. 494]. Он пишет: «Попытки пересмотра государства не прекращаются с 1970–1980-х годов и не прекратятся никогда: поскольку государство играет в экономической и социальной жизни центральную роль... [и] вполне нормально и закономерно, что эта роль постоянно обсуждается и ставится под вопрос» [там же, с. 471]. Иными словами, по мнению французского экономиста, ревизия социального государства будет происходить постоянно. Насколько универсальными станут его новые формы, возникшие в процессе эволюции, проходившей (и происходящей) в передовых государствах, насколько они приживутся в странах менее развитых – трудно сказать. Ведь даже «при одинаковом уровне развития возможны различные стратегии» [там же, с. 491].

Заключение

Сравнительный анализ теории и практики социальной политики в формате «Европа–Латинская Америка» приводит нас к заключению, что по обе стороны Атлантики происходит пересмотр устоявшихся моделей социального государства. Сегодня в результате обострения социально-экономической обстановки в одних странах Европы трудно найти приметы «государства социального благополучия», в то время как в других его поддержание становится все более дорогим для правящих классов. В рамках курса на общеевропейскую конвергенцию некоторые менее благополучные страны пытаются заимствовать опыт более успешных соседей, однако говорить о формировании панъевропейской модели социального государства пока преждевременно. Возможно, в процессе коллективных поисков странам, сильнее других ощущающим социальный пресс реальности «новой нормальности», удастся реформировать национальную модель «государства неблагополучия», найти ей достойную замену.

Происходящие в Европе перемены не остаются без внимания в Латинской Америке. Страны далекого региона, в свое время воспринявшие европейские концепции социального государства, про-

должают искать свои варианты, адекватные существующей реальности и с учетом возможного будущего. Некоторое сходство глобальных вызовов в Старом и в Новом Свете может заставить искать – и, возможно, найти – некий «третий путь» для противостояния трудностям перед лицом зыбкого, малопредсказуемого грядущего. На наш взгляд, объединение усилий латиноамериканских и европейских ученых и специалистов-практиков по обновлению национальных моделей социального государства представляется весьма актуальным для успешного выполнения национальными моделями *социальных государств* своих функций и обязательств перед нациями.

Список литературы

Латинская Америка XX века: Социальная антропология бедности: Монография / Отв. ред. Б.И. Коваль. – М: Наука, 2006. – 288 с.

Лисоволик Я. Неравенство как «новая нормальность» // Банки. ру. – М., 2016. – 23.06. – Режим доступа: <http://www.banki.ru/news/columnists/?id=9021379> (Дата обращения – 18.02.2018).

Пикетти Т. Капитал в XXI веке / Пер. с фр. А. Дунаев. – М.: Ад Маргинем, 2016. – 592 с.

Семененко И.И. Социальное государство в условиях кризисного развития: Старые мифы, новая реальность // Год планеты: Экономика, политика, безопасность / Гл. ред. В.Г. Барановский. – М.: Идея-Пресс, 2012. – С. 128–139.

Симоянов А. Социальное государство: Суть, критерии, индикаторы // Логос. – М., 2014. – № 2. – С. 215–234. – Режим доступа: http://www.logosjournal.ru/arch/74/98_10.pdf (Дата обращения – 18.02.2018).

Социальное государство в странах ЕС: Прошлое и настоящее: Монография / РАН. ИМЭМО; Отв. ред. Ю.Д. Квашнин. – М., 2016. – 190 с.

Anuario estadístico de América Latina y el Caribe 2016 / CEPAL. – Santiago de Chile, 2016. – 133 p. – Mode of access: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/40972/4/S1601037_mu.pdf (Дата обращения – 15.02.2018).

Bárcena A. Los países de América Latina retornan a mirar sistemas de protección social más solidarios // Noticias ONU. – México, 2017. – 24.12. – Mode of access: <https://news.un.org/es/audio/2017/12/1424281> (Дата обращения – 15.02.2018).

Base de datos de inversión social en América Latina y el Caribe / CEPAL. – Santiago de Chile, 2017. – Mode of access: <https://observatoriosocial.cepal.org/inversion/es> (Дата обращения – 18.02.2018).

Cantu R. Depois das reformas: Os regimes de proteção social latinoamericanos na década de 2000 // Revista sociologia e política. – Curitiba, 2015. – Vol. 23, N 56. – P. 45–73.

Cecchini S., Atuesta B. Programas de transferencias condicionadas en América Latina y el Caribe: Tendencias de cobertura e inversión / CEPAL. – Santiago de Chile, 2017. – 84 p. – (Políticas sociales; N 224). – Mode of access: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/41811/1/S1700419_es.pdf (Дата обращения – 18.02.2018).

Economías de América Latina y el Caribe tendrán moderada recuperación en 2018 y crecerán 2,2%: Comunicado de prensa / CEPAL. – Santiago de Chile, 2017. – 14.12. – Mode of access: <https://www.cepal.org/es/comunicados/economias-america-latina-caribe-tendran-moderada-recuperacion-2018-creceran-22> (Дата обращения – 18.02.2018).

Espina Á. Modernización y estado de bienestar en España. – Madrid, 2007. – 262 p. – Mode of access: <http://www.carm.es/ctra/cendoc/haddock/14422.pdf> (Дата обращения – 18.02.2018).

Esping-Andersen G. Why we need a new welfare state. – Oxford: Oxford univ. press, 2002. – 244 p.

Espino Tapia D.R. Una propuesta de estado social para el siglo XXI: Una vuelta al origen // Universitas. – Monterrey, 2016. – N 24. – P. 39–75.

European semester thematic factsheet: Social inclusion / European Commission. – Luxembourg, 2017. – 13 p. – Mode of access: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/file_import/european-semester-thematic-factsheet_social_inclusion_en.pdf (Дата обращения – 18.02.2018).

European social charter: Collected texts / Council of Europe. – 7th edition. – Strasbourg, 2015. – 498 p.

Europe's disappearing middle class? Evidence from the world of work: Executive Summary / International Labour Office (ILO); D. Vaughan-Whitehead (Ed.). – Geneva, 2016. – 4 p. – Mode of access: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_536609.pdf (Дата обращения – 18.02.2018).

Expenditure on pensions / Eurostat. – Luxembourg, 2016. – Mode of access: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tps00103&plugin=1> (Дата обращения – 18.02.2018).

Ferrera M. From protection to investment? New frontiers for the European social model (s): Presentation for the Joint seminar on employment and social policy. – Brussels, 2013. – 24–25 June. – 27 p.

General government expenditure by function, % of GDP / Eurostat. – Luxembourg, 2016. – Mode of access: http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tepsr_sp110&plugin=1 (Дата обращения – 18.02.2018).

Gini coefficient of equivalised disposable income: EU-SILC survey / Eurostat. – Luxembourg, 2016. – Mode of access: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tessi190&plugin=1> (Дата обращения – 11.02.2018).

Government expenditure on social protection accounted for almost one fifth of GDP / Eurostat. – Luxembourg, 2018. – 09.03. – Mode of access: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/8725251/2-09032018-AP-EN.pdf> (Дата обращения – 18.02.2018).

Human development report 2016: Human development for everyone / United Nations development programme (UNDP). – N.Y., 2016. – 286 p. – Mode of access: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2016_human_development_report.pdf (Дата обращения – 18.02.2018).

Impact of social transfers (excluding pensions) on poverty reduction by sex / Eurostat. – Luxembourg, 2016. – Mode of access: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tespm050&plugin=1> (Дата обращения – 18.02.2018).

Income distribution and poverty / OECD.Stat. – P., 2017. – Mode of access: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=IDD> (Дата обращения – 18.02.2018).

Informe sobre desarrollo humano-2013: El ascenso del Sur: Progreso humano en un mundo diverso / PNUD. – N.Y., 2013. – 216 p. – Mode of access: http://www.undp.org/content/dam/venezuela/docs/undp_ve_IDH_2013.pdf (Дата обращения – 18.02.2018).

Marí-Klose P., Moreno Fuentes F.J., del Pino-Matute E. The Spanish social model in the crisis years // Policy Network. – L., 2014. – 24.03. – Mode of access: http://www.policy-network.net/pno_detail.aspx?ID=4613&title=-The-Spanish-social-model-in-the-crisis-years (Дата обращения – 18.02.2018).

Midaglia C., Antía F. Bienestar y protección social en América Latina: Abordajes conceptuales y metodológicos para el MERCOSUR / MERCOSUR. – Asunción, 2017. – 104 p. – Mode of access: <http://www.ismercosur.org/wp-content/uploads/downloads/2017/06/LIVRO-VERSAO-FINAL-QUALIDADE-WEB.pdf> (Дата обращения – 18.02.2018).

Monereo Atienza C. Ideologías jurídicas y cuestión social: Los orígenes de los derechos sociales en España: Tesis doctorales / Univ. Carlos III de Madrid. – Madrid, 2006. – 510 p.

Notten G., Guio A.-C. The impact of social transfers on income poverty and material deprivation / ImPRovE. – Antwerp, 2016. – 35 p. – (ImPRovE. Discussion paper; N 16/17). – Mode of access: http://www.centrumvoorsociaalbeleid.be/ImPRovE/Working%20Papers/ImPRovE%20WP%201617_Notten%20Guio.pdf (Дата обращения – 11.02.2018).

Ocampo J.A., Gomez-Ortega N. Los sistemas de protección social, la redistribución y el crecimiento en América Latina / CEPAL. – Santiago de Chile, 2017. – 27 p. – Mode of access: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/42030/1/RVE122_Ocampo.pdf (Дата обращения – 18.02.2018).

Pactos sociales para una protección social más inclusiva: Experiencias, obstáculos y posibilidades en América Latina y Europa / CEPAL; M. Hopenhayn, C. Maldonado, V. Rodrigo Martínez, M. Nieves Rico, A. Sojo (eds.). – Santiago de Chile, 2014. – 183 p. – (Seminarios y conferencias; N 76). – Mode of access: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/36738/S2014171_es.pdf (Дата обращения – 18.02.2018).

Panorama social de América Latina 2015 / CEPAL. – Santiago de Chile, 2015. – 226 p. – Mode of access: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/39965/S1600175_es.pdf (Дата обращения – 18.02.2018).

Panorama social de América Latina 2016 / CEPAL. – Santiago de Chile, 2016. – 290 p. – Mode of access: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/41598/4/S1700567_es.pdf (Дата обращения – 11.02.2018).

Panorama social de América Latina 2017 / CEPAL. – Santiago de Chile, 2017. – 210 p. – Mode of access: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/42716/4/S1800002_es.pdf (Дата обращения – 18.02.2018).

Pensions at a glance 2017: OECD and G20 indicators / OECD. – P., 2017. – 164 p. – Mode of access: http://www.oecd-ilibrary.org/finance-and-investment/oecd-pensions-at-a-glance_19991363 (Дата обращения – 11.02.2018).

Piketty T. Capital in the twenty-first century / A. Goldhammer (Transl.). – Cambridge, MA: Belknap press of Harvard univ. press, 2014. – 696 p.

Robles M., Rubio M.G., Stampini M. Have cash transfers succeeded in reaching the poor in Latin America and the Caribbean? / IDB. – Wash., D.C., 2015. – 41 p. – Mode of access: https://publications.iadb.org/bitstream/handle/11319/7223/Have-cash-transfers-succeeded-in-reaching-the-poor-in-Latin-America-and-the-Caribbean_COMPLETE.pdf (Дата обращения – 18.02.2018).

Schwarzer H., van Panhuys C., Diekmann K. Protecting people and the environment: Lessons learnt from Brazil's Bolsa Verde, China, Costa Rica, Ecuador, Mexico, South Africa and 56 other experiences / International Labour Office (ILO). – Geneva, 2016. – 102 p. – (Extension of social security (ESS).

Working paper; N 54). – Mode of access: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/---gjp/documents/publication/wcms_516936.pdf (Дата обращения – 18.02.2018).

Social protection committee annual report 2017: Review of the social protection performance monitor and developments in social protection policies / European Commission. – Luxembourg, 2017. – 496 p. – Mode of access: <https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/9ebf0bf6-c439-11e7-9b01-01aa75ed71a1/language-en> (Дата обращения – 18.02.2018).

Social scoreboard 2017: Headline indicators: Descriptions and highlights / European Commission. – Luxembourg, 2017. – 32 p. – Mode of access: <https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/4e9a5c5a-c8ee-11e7-9b01-01aa75ed71a1> (Дата обращения – 18.02.2018).

Social Summit for fair jobs and growth: Strengthening the EU's social dimension / European Commission. – Brussels, 2017. – 16.11. – Mode of access: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-17-4643_en.htm (Дата обращения – 18.02.2018).

The European pillar of social rights in 20 principles / European Commission. – Luxembourg, 2017. – Mode of access: https://ec.europa.eu/commission/priorities/deeper-and-fairer-economic-and-monetary-union/european-pillar-social-rights/european-pillar-social-rights-20-principles_en (Дата обращения – 18.02.2018).

World development indicators / World Bank Group. – Wash., D.C., 2017. – Mode of access: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators> – (Дата обращения – 18.01.2018).

World population prospects 2017 / UN. Population division. – N.Y., 2017. – Mode of access: <https://esa.un.org/unpd/wpp/DataQuery/> (Дата обращения – 18.02.2018).

World social protection report 2014–2015: Building economic recovery, inclusive development and social justice / International Labour Office (ILO). – Geneva, 2014. – 364 p. – Mode of access: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/publication/wcms_245201.pdf (Дата обращения – 18.01.2018).

World social protection report 2017–2019: Universal social protection to achieve the Sustainable Development Goals / International Labour Office (ILO). – Geneva, 2017. – 454 p. – Mode of access: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_604882.pdf (Дата обращения – 18.02.2018).

Н.М. Яковлева ©

Аргентина и Испания: Давние отношения и новые ожидания

Аннотация. Аргентина и Испания являются давними политическими и экономическими партнерами, объединенными общими историческими, культурными и гуманитарными узами. Двусторонние отношения всегда носили привилегированный стратегический характер. Между тем плодотворное и всестороннее сотрудничество переживало и периоды острых разногласий. Статья посвящена испано-аргентинским отношениям в XXI в., осложнившимся, в том числе, из-за идеологических разногласий правящих элит. Рассматриваются причины нормализации нарушенных взаимосвязей и возвращения диалога в традиционное русло.

Abstract. Argentina and Spain are long-standing political and economic partners, bonded by historical, cultural, and humanitarian ties. The bilateral relations have always been privileged strategic ones. Meanwhile, the fruitful and comprehensive cooperation experienced the periods of sharp differences. The article analyzes the Spanish-Argentine relations in the 21 st century, complicated by ideological incompatibilities of the ruling elites, and discusses the causes of the normalization of broken relations and the return of the dialogue to the traditional mainstream.

Ключевые слова: Испания, Аргентина, история отношений, политический диалог, торгово-экономическое сотрудничество, Латинская Америка.

Keywords: Spain, Argentina, history of relations, political dialogue, trade and economic cooperation, Latin America.

Исторически так сложилось, что двусторонние отношения между Испанией и Аргентиной носили привилегированный, стратегический характер. Многие факты свидетельствуют о существовании особых связей между этими странами, что было особенно заметно в сложные и драматичные периоды истории, когда более всего становились востребованы обоюдная поддержка и помощь как со стороны государства, так и со стороны гражданского общества.

В то же время иногда, при формировании определенных условий, уровень двустороннего сотрудничества заметно снижался и наступал период разногласий и даже вражды, как это случилось в последнее десятилетие. По образному выражению испанского аналитика Хорхе Ариаса, «в отношениях между Испанией и Аргентиной были и темные ночи, и светлые дни» [Kidd, 2017]. В конце 2015 г. сложились предпосылки для возобновления плодотворного диалога главным образом благодаря стабилизации политической ситуации в обеих странах, а победа Дональда Трампа на президентских выборах в США, как считает автор, сделала просто неизбежным укрепление ибероамериканского сотрудничества.

Период взаимопомощи и сотрудничества

Наиболее продуктивно двусторонние отношения между Испанией и Аргентиной развивались в 1990-е годы. «По мере осуществления демократических преобразований в Испании... дипломатическая активность в Латинской Америке становилась безусловным приоритетом всех без исключения испанских правительств, долговременной, неконъюнктурной составляющей их внешней политики. Можно сказать иначе: латиноамериканское направление стало главным вектором растущего геополитического влияния Испании», – отмечали российские испанисты [Яковлев, 2011, с. 199]. Неудивительно, что испанский бизнес принял деятельное участие в проводившейся президентом Аргентины Карлосом Менемом широкомасштабной приватизации, и этот период характеризовался беспрецедентным ростом испанских капиталовложений в аргентинскую экономику.

В 1999 г. состоялась одна из крупнейших инвестиционных сделок – продажа контрольного пакета акций аргентинской неф-

тедобывающей компании YPF¹ испанской нефтегазодобывающей корпорации «Repsol» (отсюда название нового предприятия – «YPF/Repsol»). Это событие стало знаковым для иностранных инвесторов – с 1994 по 2008 г. чистый приток испанского капитала в Аргентину составил 26,8 млрд евро, при этом пик вложений пришелся на 1999–2000 гг. (16,6 млрд евро) (см.: [DataInvex., 2018]). «Миграционные потоки и испанские инвестиции лежат в основе интенсивных экономических связей между двумя странами», – объяснялось в докладе Испанской конфедерации предпринимателей [Argentina, relaciones., 2015].

В тяжелые для Аргентины времена всеобъемлющего кризиса (2001–2003) руководство Испании не осталось в стороне и оказало существенную помощь аргентинскому правительству, защищая не в последнюю очередь и интересы своих предпринимателей в этой стране. Экономические отношения активно развивались с положительным для Буэнос-Айреса сальдо торгового баланса, Испания занимала пятое-шестое место среди стран – импортеров аргентинской продукции [Argentina: Oficina de información., 2017, p. 2].

С учетом сложившегося паритета и взаимодополняемости (рост аргентинского экспорта и огромный размер испанских инвестиций) торгово-экономическое сотрудничество стран в докризисный период можно считать вполне сбалансированным, несмотря на имевшиеся трудности как объективного, так и субъективного характера. В немалой степени этому способствовали регулярные встречи на высшем уровне. В Испании дважды побывали президенты Нестор Киршнер (в 2005 и 2006 гг.) и Кристина Фернандес де Киршнер (в 2009 и 2010 гг.), а в 2005 и 2007 гг. Аргентину посетил председатель испанского правительства Хосе Луис Родригес Сапато, у которого сложились отношения полного взаимопонимания с президентской четой. Особый характер двусторонних связей был зафиксирован в принятом в 2006 г. Плане стратегической ассоциации. Помимо этого современную юридическую базу отношений составляли Договор о дружбе и сотрудничестве от 1988 г., Согла-

¹ YPF (Yacimientos Petrolíferos Fiscales) являлась самой крупной государственной компанией Аргентины, приватизирована в 1992 г.

шения о взаимной защите инвестиций от 1991 г. и об избежании двойного налогообложения от 2003 г., конвенции о взаимодействии в области культуры и образования и т.д.

Однако к середине первого десятилетия XXI в. стало очевидно, что логика развития политического режима в Аргентине и тренд на усиление националистической составляющей в практике правительств Нестора Киршнера и Кристины Фернандес де Киршнер неизбежно приведут к сокращению политических контактов с Испанией и росту противоречий в торгово-экономической практике с непредсказуемыми последствиями.

Период разногласий

Первые признаки кризиса сформировавшегося порядка взаимоотношений появились в 2006 г., когда правительство Н. Киршнера национализировало компанию «Aguas Argentinas» с участием французского и испанского капитала. Доля испанцев была не настолько существенной, чтобы этот факт получил большой резонанс. В 2008 г. администрация К. Фернандес де Киршнер решилась на экспроприацию акций испанской «Grupo Marsans», с 2001 г. владевшей авиакомпанией «Aerolíneas Argentinas», однако и это событие ввиду практического отказа испанских предпринимателей продолжать свою деятельность не оказало заметного воздействия на развитие двустороннего сотрудничества. Оба прецедента свидетельствовали об инициализации процесса принудительного изъятия иностранной, в первую очередь испанской, собственности в пользу аргентинского государства. Пик этого процесса пришелся на 2012 г. и ознаменовал наступление нового этапа в отношениях между странами.

В апреле 2012 г. руководство Аргентины решилось на проведение крупнейшей в истории страны экспроприации иностранной собственности. Жертвой нового экономического курса аргентинских властей стала «YPF/Repsol», занимавшая ведущую позицию

на местном энергетическом рынке¹. Большая часть аргентинского населения поддержала акцию правительства. Действия аргентинского руководства носили во многом вынужденный характер и были обусловлены целым комплексом причин, в том числе наряду со стремлением к разрешению острых экономических проблем, – необходимостью установить контроль над крупным нефтяным месторождением «Vaca Muerta» на юго-западе страны, открытым «YPF/Repsol» в ноябре 2011 г. (см.: [Яковлева, Яковлев, 2012 а; Яковлева, Яковлев, 2012 б; Sued, 2014]). В то же время нельзя не признать, что проведение подобной «спецоперации» вряд ли было бы возможно в других условиях. Не последнюю роль сыграло наличие идеологических различий между правящими режимами. Экспроприация ключевых объектов испанской собственности в Аргентине, как считали аналитики, вряд ли могла произойти в период правления социалистов, тем более в подобной, «унизительной», с точки зрения жителей королевства, форме. Историк Хуан Карлос Перейра, профессор Университета Комплутенсе, оценил этот шаг в исторической ретроспективе, отметив, что в нем «слились воедино популистские мечты К. Фернандес де Киршнер и проявления национализма, который всегда занимал заметное место в аргентинской истории» [цит. по: Viana, 2012].

В Мадриде решение аргентинского руководства расценили как «враждебный жест», направленный против Испании и ее правительства, от которого значительно пострадали исторически привилегированные узлы, связывавшие обе страны. Испанское правительство по свежим следам приняло односторонние меры рестриктивного характера, отказавшись, в частности, от импорта аргентинского биодизеля, что официальный Буэнос-Айрес воспринял весьма болезненно: торговый баланс длительное время складывался в пользу южноамериканского партнера, и данная статья экспорта была в числе ключевых. Тем не менее эта мера не ока-

¹ Закон № 26 741 об экспроприации и передаче для общественных нужд 51% акций компаний «YPF S.A.» и «Repsol/YPF Gas S.A.», принадлежавших испанской «Repsol».

зала никакого воздействия на Розовый дом¹, а принятию Мадридом более действенных санкций на государственном уровне препятствовали интересы остававшегося в Аргентине испанского бизнеса.

Попытки нормализации ситуации

Несмотря на негативный эффект от экспроприации активов «Repsol», аккумулировавшийся в сфере двустороннего экономического сотрудничества, обе стороны понимали, что этот неприятный эпизод должен быть исчерпан. Испанские власти, заинтересованные в продвижении и защите международных интересов своего бизнес-сообщества, приложили максимум усилий для разблокировки двусторонних отношений и проявили большую толерантность к жесткой позиции своенравного партнера².

Нелегкая миссия урегулирования конфликта была возложена на посла Испании Романа Ойярсуну, возглавлявшего дипломатическую миссию в Буэнос-Айресе в 2012–2013 гг., однако единственным достижением этого периода стало подписанное им совместно с главой Федеральной администрации государственных доходов Аргентины в марте 2013 г. актуализированное Соглашение об избежании двойного налогообложения. В 2014 г. перед новым испанским послом в Аргентине, карьерным дипломатом Эстанислао де Грандес Паскуалем по-прежнему стояла та же задача – скорейшая нормализация отношений. К этому времени стало ясно, что проблемы, с которыми Буэнос-Айрес планировал справиться путем национализации «YPF/Repsol», остались нерешенными, а избранные методы не привели к ожидаемому результату.

В администрации К. Фернандес де Киршнер возлагали большие надежды на вновь открытые нефтяные месторождения,

¹Руководство «Repsol» требовало выплаты компенсации в размере 10,5 млрд долл. Аргентинская сторона сначала не только отказывалась ее выплачивать, но даже требовала от «Repsol» компенсировать причиненный стране экономический ущерб.

²Президент К. Фернандес де Киршнер уклонилась от участия в саммите ибероамериканских государств, проводившемся в испанском Кадисе (ноябрь 2012 г.). Никто из официальных лиц не принял председателя правительства Испании М. Рахоя во время его визита в Буэнос-Айрес в сентябре 2013 г.

освоение которых требовало гигантских капиталовложений и современных технологий. Однако отказ Аргентины от возмещения ущерба, нанесенного «Repsol», оказался непреодолимым препятствием в деле привлечения крупных иностранных инвесторов, в связи с чем Буэнос-Айресу в конце концов пришлось изменить позицию и пойти на попятную. Выплата летом 2014 г. денежной компенсации испанской компании, которая к тому же продала остававшийся у нее миноритарный пакет акций и полностью закрыла свой бизнес в Аргентине, стала ключевым фактором в деле нормализации межгосударственных связей. О разблокировании конфликта и переводе отношений в институциональное русло объявил испанский государственный секретарь по торговле Хайме Гарсия-Легас после переговоров со своим аргентинским коллегой на полях совещания министров торговли G-20, состоявшегося в Сиднее в июле 2014 г. в преддверии саммита глав государств – членов группы [Algañaraz, 2014]. Тем не менее, хотя Испания осталась важным партнером для Аргентины, в целом ей так и не удалось вернуть себе прежние приоритетные позиции в связи с произошедшей в период охлаждения отношений переориентацией внешнеполитического курса Буэнос-Айреса с традиционных европейских партнеров на новых акторов – Китай, Россию, Иран. Изменить этот тренд могла лишь сложная комбинация политических совпадений: приход к власти в Аргентине правоцентристских сил и сохранение в Испании правительства Мариано Рахоя.

Подготовка к перезагрузке

Победа представителя оппозиционной коалиции «Камбьемос» (Cambiemos) Маурисио Макри во втором туре президентских выборов 2015 г. в Аргентине знаменовала новую веху в развитии аргентино-испанских отношений. Сразу же после выборов Маурисио Макри приступил к реализации своей внешнеполитической программы. Новая деидеологизированная и гиперпрагматичная внешняя политика должна была, по замыслу президента, стать одним из инструментов «программы спасения» страны. Программа Макри включала в себя следующие пункты: реинтегрировать Аргентину в мир, расширить круг внешнеполитических и экономи-

ческих партнеров, развить торговые связи, нарастить участие в интеграционных группировках, решить спорные вопросы, улучшить двусторонние отношения с ключевыми партнерами.

Важнейшим партнером, с которым Аргентина в первую очередь должна была наладить отношения, осложненные экспроприацией активов компании «Repsol» правительством Кристины Фернандес де Киршнер, была Испания. В силу обоюдного стремления это было сделано в кратчайшие сроки. В конце ноября 2015 г. Маурисио Макри, формально еще не вступивший в должность, открыл внешнеполитическую повестку, приняв первого гостя – министра иностранных дел Испании Хосе Мануэля Гарсию-Маргальо, выразившего надежду на восстановление нормальных дружеских отношений между двумя странами. Министра сопровождала делегация испанских предпринимателей, что свидетельствовало об их готовности воспользоваться вновь открывающимися возможностями [Macri inauguró..., 2015]. Испании предстояло вернуть себе утраченные в текущем десятилетии позиции главного инвестора¹ и изменить в свою пользу сальдо торгового баланса.

С целью более предметно обсудить сложившуюся в сфере экономического сотрудничества ситуацию и перспективы взаимной торговли в апреле 2016 г. глава испанского МИД вернулся в Буэнос-Айрес, где принял участие в форуме предпринимателей Аргентина-Испания, организованном испанской Торговой палатой. На форуме также присутствовал посол Аргентины в Испании Рамон Пуэрта², который высказал мнение, что в двусторонних отношениях «произошел поворот на 180 градусов». Поставленная президентом Маурисио Макри цель привлечения иностранных (в том числе испанских) инвестиций не достигается за день, но цель обозначена ясно, подвел итоги форума дипломат [Puerta..., 2016].

¹ С 2012 г. накопленные прямые инвестиции Испании непрерывно падали, в результате на первое место среди инвесторов в аргентинскую экономику вышли США.

² Назначение такого многоопытного и известного политика, как Р. Пуэрта, чрезвычайным и полномочным послом было воспринято испанской стороной как хороший сигнал к нормализации отношений с Аргентиной, где находится самая крупная испанская диаспора, насчитывающая 430 тыс. человек

По данным частной консалтинговой фирмы «Abeseb», прямые частные инвестиции испанцев в аргентинскую экономику упали с 23,4 млрд долл. в 2010 г. до 13,1 млрд долл. в 2015 г. Сейчас Испания занимает второе место в мире по объему инвестиций в Аргентину и первое – среди стран ЕС [Goldschmidt, 2017]. Чтобы показать, что усилия испанской стороны не оставлены без внимания, в мае 2016 г. в Мадрид с официальным визитом прибыл министр финансов Аргентины Альфонсо Прат-Гай. Обширная повестка визита включала многочисленные встречи с членами испанского правительства, предпринимателями, банкирами. В своем выступлении аргентинский чиновник выразил сожаление о потерянном для совместного сотрудничества времени, извинился за действия предыдущих властей Аргентины, имея в виду экспроприацию «Repsol», и дал гарантию, что подобное не повторится впредь [Velázquez, 2016; Prat Gay., 2016].

Разумеется, все эти визиты свидетельствовали о желании обеих сторон окончательно завершить период разногласий и перейти к позитивной фазе сотрудничества, однако в условиях институционального кризиса в Испании было трудно добиться конкретных изменений. Несмотря на многолетние дружественные отношения, сложившиеся между президентом Маурисио Макри и председателем испанского правительства Мариано Рахоем, идеологическую близость и совпадающие взгляды на общую повестку сотрудничества, подписанию двусторонних документов препятствовало отсутствие у последнего достаточных полномочий [Яковлев, 2016]. Тем не менее работа по подготовке соглашений активно велась, и в сентябре 2016 г. для уточнения деталей Буэнос-Айрес посетил госсекретарь испанского правительства по торговле Хайме Гарсия-Легас. Уже в октябре был подписан Меморандум о взаимопонимании, имевший целью укреплять и развивать широкое торгово-экономическое сотрудничество, фокусируясь на задачах по увеличению объемов двусторонней торговли и инвестиций и устранению всевозможных препятствий. По сведениям Центрального банка, в 2016 г. в Аргентине насчитывалось около 300 испанских компаний-инвесторов [España y Argentina firman., 2016]. Меморандум предусматривал создание Комитета по торгово-экономичес-

кому сотрудничеству, который будет ежегодно заседать попеременно в Мадриде и Буэнос-Айресе. В декабре стороны договорились о развитии туризма – «символа братства аргентинского и испанского народов», о чем было заявлено в ходе первого аргентино-испанского симпозиума по туризму, состоявшегося в столице Аргентины.

Начало «новой эры»

Начало «новой эры» ознаменовал первый официальный визит президента Аргентины Маурисио Макри в Испанию в феврале 2017 г. Как верно подметил испанский исследователь аргентинского происхождения Карлос Маламуд, «это был визит, преисполненный различными смыслами» [Malamud, 2017]. Главной целью визита являлась демонстрация стремления к восстановлению двусторонних отношений в прежнем объеме и к созданию в Аргентине необходимых условий для привлечения частных испанских инвестиций. Комментируя визит, газета «La Nación» писала: «Аргентинское правительство недвусмысленно стремится покончить с напряженностью в отношениях, существовавшей при киршнеристах и особенно усилившейся после национализации акций “YPF/Repsol” в 2012 г.» [Yebrá, 2017]. Кроме того, Маурисио Макри намеревался продвинуться в подготовке договора между Меркосур и ЕС (Испании, по замыслу аргентинских властей, отводилась роль промоутера ассоциации Меркосур с Европой) и обсудить отношения в рамках ибероамериканского формата, так как именно через международную интеграцию президент рассчитывал решить или хотя бы частично снять многочисленные внутриполитические и экономические проблемы. Важность визита подтверждал уровень аргентинской делегации: президента сопровождали 19 высокопоставленных чиновников администрации, среди них пять министров и около двух сотен крупных предпринимателей.

Мадрид также преследовал свои интересы, приглашая Маурисио Макри. Председатель правительства Мариано Рахой смог впервые за 15 месяцев принять главу другого государства и подтвердить легитимность своего мандата. Кроме того, визит аргентинской делегации позволял обозначить начало нового этапа ибе-

роамериканского сотрудничества, проблемы которого временно отступили на второй план из-за сложной внутривластной политической ситуации в Испании и необходимости постоянного выяснения отношений с Брюсселем по экономической повестке. Другим подтверждением желания испанского руководителя играть ведущую роль во взаимоотношениях внутри ибероамериканского мира стало его предложение о посредничестве в урегулировании напряженности, возникшей между Мексикой и администрацией Дональда Трампа, а также в отношениях между Николасом Мадуро и венесуэльской оппозицией. «Для председателя правительства Испании Мариано Рахоя визит Макри также важен со стратегической точки зрения. Он заинтересован в сильном региональном лидере, придерживающемся схожих взглядов, для улучшения отношений с Латинской Америкой. Также Рахой ищет новые возможности для испанских компаний, которые нуждаются во внешних рынках», – отмечали аргентинские обозреватели [Yebra, 2017].

Результатом визита в Мадрид стало подписание более десятка документов, среди которых Совместное заявление председателя правительства Королевства Испания Мариано Рахоя и президента Аргентинской Республики Маурисио Макри, План действий по углублению отношений стратегического партнерства, соглашения в области культуры и образования, в частности о взаимном признании дипломов, шесть меморандумов о взаимопонимании. В честь аргентинского президента и первой леди Хулианы Авады в Большом королевском дворце в Мадриде король Филипп VI дал торжественный гала-ужин, на следующий день состоялись переговоры тет-а-тет лидеров двух стран. Маурисио Макри провел встречи со знаменитым перуанским писателем Марио Варгасом Льосой, проживающим в Испании, а также с известными испанцами – бизнесменом и писателем, основателем крупнейшего издания «El País» Хуаном Луисом Себрианом, политиками, бывшими председателями испанского правительства Фелипе Гонсалесом и Хосе-Марией Аснаром. Большой интерес вызвала встреча с предпринимателями, главами крупных испанских ТНК, входящих в список IBEX-35 (Iberia Index), на которой президент Аргентины пообещал потенциальным инвесторам «ясные правила игры» и макроэкономическую

стабильность. Маурисио Макри рассказал бизнесменам о конкретных планах правительства, например о создании «системы одного окна для внешнеэкономической деятельности», признав существующую в его стране практику излишне сложной, а также о разработке модели «открытого правительства», призванной облегчить условия ведения бизнеса, сделать их более прозрачными [Macri se reunió..., 2017].

В редакционной статье газеты «El País», подводившей итоги визита, говорилось: «Можно утверждать, что двусторонние отношения вышли на дорогу нормальности, сотрудничества и защиты общих интересов, и с этой дороги больше нельзя сворачивать... Возвращение Аргентины в мир – это хорошая новость для всех, в том числе для Испании» [Argentina, en el mundo..., 2017]. Символическое начало нормализации отношений между историческими партнерами – Испанией и Аргентиной – действительно хорошая новость и для обеих наций, и для их руководства, и для международного сообщества. Однако надо признать, что до реального улучшения двусторонних отношений пройдет еще немало времени.

Парадоксы реальности

Благие намерения Мадрида и Буэнос-Айреса должны были пройти испытание практикой, поскольку реальное положение дел оказалась не столь радужным, как представлялось поначалу. Руководители двух стран стали заложниками внутривнутриполитических процессов. Маурисио Макри включился в длительный электоральный марафон, от исхода которого во многом зависели и политическое будущее руководства Аргентины, и корректировка внешнеполитического курса, включая отношения с Испанией. Мариано Рахой, в свою очередь, столкнулся с необходимостью решения «каталонского вопроса», вынудившего испанские власти вновь сосредоточиться на накопившихся политических проблемах.

Отдаленным эхом «каталонского процесса» было решение аргентинской государственной авиакомпании «Aerolíneas Argentinas», принятое в ноябре 2017 г., с 1 февраля 2018 г. прекратить прямые перелеты из аргентинской столицы в Барселону. Управляющие органы авиакомпании уверяли, что это решение связано с

«оптимизацией расходов и повышением рентабельности компании», отрицая его политическую подоплеку. Впредь перелеты будут осуществляться через Мадрид, с которым Буэнос-Айрес связывает ежедневное сообщение.

Помимо новых вызовов последовательному развитию двустороннего взаимодействия препятствовали сохраняющиеся проблемы и противоречия, иногда парадоксального характера. Например, хотя аргентинский национал-популистский режим начала этого века привел страну к изоляции на международной арене, его политическая стабильность, благоприятная (до определенного времени) экономическая конъюнктура и выгодные условия ведения бизнеса (низкие тарифы и пр.) устраивали испанских предпринимателей: выгоды перевешивали издержки юридических рисков и страха потери компании в результате экспроприации. Нынешние же аргентинские власти, которые на словах гарантируют бизнесу юридическую и правовую безопасность, не могут сделать испанским предпринимателям специальные выгодные предложения, чтобы стимулировать их в качестве привилегированных бизнес-партнеров, поскольку в настоящее время страна не отличается ни политической стабильностью, ни устойчивыми социально-экономическими показателями, указывающими на устранение сложившихся в предыдущие годы противоречий и дисбалансов.

Поэтому наученные горьким опытом деловые круги Испании настроены пессимистично. Так, претензии к условиям ведения бизнеса в Аргентине высказали аргентинским властям представители испанской компании «Telefónica». Серьезные опасения вызывают у них и недостаточные гарантии защиты вложений. По мнению предпринимателей, для привлечения инвестиций Аргентина должна провести налоговую реформу, внести изменения в трудовое законодательство, обеспечить юридическую защиту средств инвесторов, дебюрократизировать процесс ведения бизнеса и избавиться от коррупции. А поскольку Розовый дом не в состоянии быстро решить все эти проблемы, его политические заявления еще какое-то время не будут подкреплены конкретными делами.

Пессимизм испанцев подтверждает и статистика. Так, 2016 г. закрылся с положительным торговым балансом для Аргентины

(более 700 млн долл., для сравнения – в 2015 г. было 64 млн долл.). Общий объем торговли между Испанией и Аргентиной в 2016 г. сократился на 440 млн долл. [Bilateral trade..., 2016]. Понятно, что это «отголоски прошлого», но вряд ли статистика по взаимной торговле существенно улучшится в будущем. Испания и Аргентина не являются друг для друга важными торгово-экономическими контрагентами: в Испанию направляется лишь 2,8% всего аргентинского экспорта (восьмое место среди других направлений в 2016 г.); для Аргентины ее испанский партнер занимает десятое место в мире и всего лишь четвертое место в Европейском союзе (данные 2016 г.) [Argentina: Comercio..., 2017].

В то же время предпринятые властями обеих стран шаги по перезагрузке отношений вкупе с проводимыми реформами, облегчающими ведение бизнеса (например, снижение налоговых пошлин в Аргентине на ряд ввозимых товаров в августе 2017 г. и др. [Jueguen, 2017]), скорее всего, принесут значительные плоды в ближайшей перспективе. Не последнюю роль может сыграть рост аргентинской и испанской экономик. Годовой рост ВВП Аргентины в 2017 г. составил около 3%: локомотивом его оказался строительный сектор, развитие которого повлекло за собой рост в других отраслях хозяйства. Политика «открытых дверей» [Яковлева, 2017], проводимая правительством Маурисио Макри, должна рано или поздно дать положительные результаты. В Испании правительству Мариано Рахоя также удалось преодолеть последствия мирового финансового и экономического кризиса и существенно улучшить социально-экономические показатели. Значительную роль в этом сыграла агрессивная экспортная политика испанских ТНК [Яковлев, 2017].

Вопрос об испанских инвестициях в аргентинскую экономику, представляющий обоюдный интерес, сдвинулся с мертвой точки в конце 2017 г., когда в Буэнос-Айрес прибыла Ана Ботин, председатель совета директоров финансово-кредитной группы «Santander». На встрече с президентом Маурисио Макри она сообщила о решении вложить в аргентинскую экономику до 550 млн долл. в течение 2018–2020 гг. Серьезность намерения руководства крупнейшего испанского банка «осесть» в Аргентине надолго, подтвер-

ждается 170-миллионным долларовым вложением в офисное здание корпорации, открытие которого в аргентинской столице состоялось в 2018 г.

Таким образом, испано-аргентинским отношениям, вступающим в «новую эру», еще предстоит пройти испытание временем, для чего обеим странам необходимо сохранить стремление к взаимовыгодному политическому, гуманитарному, торгово-экономическому сотрудничеству в потенциально значимых объемах. Тем не менее уже сегодня очевидно, что руководству двух стран удалось разрушить стену отчуждения и недоверия, возведенную в предыдущие годы. Трудно сказать, насколько длительным и плодотворным окажется в будущем двустороннее сотрудничество, – слишком много неизвестных в этом уравнении, но уже ясно, что Испания и Аргентина «похоронили десятилетие разногласий и тревог» [Cruz, 2017], наладили прерванный диалог и независимо от дальнейшего хода событий это само по себе можно оценивать как большое достижение.

Список литературы

Яковлев П.П. Глобальные факторы экономического роста // Испания и Португалия в эпоху глобальных трансформаций / РАН. ИЛА; Отв. ред. Н.М. Яковлева. – М., 2017. – С. 24–30.

Яковлев П.П. Испания в мировой политике / РАН. ИЛА. – М., 2011. – 384 с.

Яковлев П.П. Испания: Новые выборы вместо нового правительства // Перспективы / Фонд изучения исторической перспективы. – М., 2016. – № 2(6). – С. 117–131.

Яковлева Н.М. Политика «открытых дверей» по-аргентински // Латинская Америка / РАН. ИЛА. – М., 2017. – № 3. – С. 15–28.

Яковлева Н.М., Яковлев П.П. Большая нефтяная игра: Причины и последствия национализации компании YPF // Латинская Америка / РАН. ИЛА. – М., 2012 а. – № 11. – С. 79–93.

Яковлева Н.М., Яковлев П.П. Большая нефтяная игра: Причины и последствия национализации компании YPF // Латинская Америка / РАН. ИЛА. – М., 2012 б. – № 12. – С. 27–42.

Algañaraz J.C. Argentina y España retoman sus relaciones institucionales en una reunión bilateral // Clarín. – Buenos Aires, 2014. – 20.07. – Mode of

access: https://www.clarin.com/mundo/Argentina-Espana-relaciones-institucionales-bilateral_0_SyngP7scD7g.html (Дата обращения – 26.01.2018).

Argentina: Comercio bilateral de bienes y puesto en la clasificación // ICEX / Ministerio de economía, industria, y competitividad de España. – Madrid, 2017. – Mode of access: <http://www.icex.es/icex/es/navegacion-principal/todos-nuestros-servicios/informacion-de-mercados/paises/navegacion-principal/el-pais/relaciones-bilaterales/index.html?idPais=AR#4> (Дата обращения – 26.01.2018).

Argentina, en el mundo: Macri muestra en España un proyecto serio para la recuperación de su país // El País. – Madrid, 2017. – 25.02. – Mode of access: https://elpais.com/elpais/2017/02/24/opinion/1487960027_333252.html (Дата обращения – 26.01.2018).

Argentina: Oficina de información diplomática ficha país / Ministerio de asuntos exteriores y de cooperación de España. – Madrid, 2017. – 8 p. – Mode of access: http://www.exteriores.gob.es/documents/fichaspais/argentina_ficha%20pais.pdf (Дата обращения – 26.01.2018).

Argentina, relaciones comerciales bilaterales con España y oportunidades de negocio // Confederación Española de organizaciones empresariales (CEOE). – Madrid, 2015. – 26.11. – Mode of access: <http://www.ceoe.es/es/contenido/actualidad/noticias/argentina-relaciones-comerciales-bilaterales-con-espana-y-oportunidades-de-negocio/> (Дата обращения – 26.01.2018).

Bilateral trade between Spain and Argentina // Trade map. – Geneva, 2016. – Mode of access: http://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1|724||032||TOTAL||2|1|1|3|2|1|1|1|1 (Дата обращения – 26.01.2018).

Cruz M. España y Argentina entierran una década de fricciones y «zozobra» // El Mundo. – Madrid, 2017. – 25.02. – Mode of access: <http://www.elmundo.es/espana/2017/02/25/58b0846a268e3e9b078b469a.html> (Дата обращения – 26.01.2018).

DataInVex estadísticas de inversión Española en el exterior // DataInVex / Ministerio de economía, industria, y competitividad de España. – Madrid, 2018. – Mode of access: <http://datainvex.comercio.es/index.htm> (Дата обращения – 26.01.2018).

España y Argentina firman un acuerdo para fortalecer las relaciones económicas y comerciales // El Economista. – Madrid, 2016. – 26.10. – Mode of access: <http://www.eleconomista.es/economia/noticias/7917479/10/16/Espana-y-Argentina-firman-un-acuerdo-para-fortalecer-las-relaciones-economicas-y-comerciales/> (Дата обращения – 26.01.2018).

Goldschmidt O. España, el segundo país que más invierte en la Argentina: Radiografía de la relación comercial entre ambos países // La

Nación. – Buenos Aires, 2017. – 21.02. – Mode of access: <http://www.lanacion.com.ar/1986601-espana-el-segundo-pais-que-mas-invierte-en-la-argentina-radiografia-de-la-relacion-comercial-entre-ambos-paises> (Дата обращения – 26.01.2018).

Jueguen F. Para mejorar la competitividad de la economía, el Gobierno rebajó aranceles de importación a varios productos // La Nación. – Buenos Aires, 2017. – 25.08. – Mode of access: <http://www.lanacion.com.ar/2056553-para-mejorar-la-competitividad-de-la-economia-el-gobierno-rebajo-aranceles-de-importacion-a-varios-productos> (Дата обращения – 26.01.2018).

Kidd N. Macri viaja a España para afianzar lazos políticos y económicos // W-Radio. – Madrid, 2017. – 19.02. – Mode of access: <http://www.wradio.com.co/noticias/economia/macri-viaja-a-espana-para-afianzar-lazos-politicos-y-economicos/20170219/nota/3387808.aspx> (Дата обращения – 26.01.2018).

Macri inauguró su agenda internacional con la visita del canciller de España // Infobae. – Buenos Aires, 2015. – 29.11. – Mode of access: <https://www.infobae.com/2015/11/29/1773181-macri-inauguro-su-agenda-internacional-la-visita-del-canciller-espana/> (Дата обращения – 26.01.2018).

Macri se reunió con empresarios españoles y prometió «reglas de juego claras y estabilidad macroeconómica» // Infonews. – Buenos Aires, 2017. – 23.03. – Mode of access: <http://www.infonews.com/nota/306061/macri-se-reunio-con-empresarios-espanoles/> (Дата обращения – 26.01.2018).

Malamud C. La visita de Mauricio Macri a España // Prodavinci. – Caracas, 2017. – 20.02. – Mode of access: <http://historico.prodavinci.com/blogs/la-visita-de-mauricio-macri-a-espana-por-carlos-malamud/> (Дата обращения – 26.01.2018).

Prat Gay inicia una visita de dos días a España // Télam. – Buenos Aires, 2016. – 29.05. – Mode of access: <http://www.telam.com.ar/notas/201605/149249-prat-gay-espana-visita.php> (Дата обращения – 26.01.2018).

Puerta: «El giro en la relación de Argentina con España fue de 180 grados» // Télam. – Buenos Aires, 2016. – 28.04. – Mode of access: <http://www.telam.com.ar/notas/201604/145242-ramon-puerta-mauricio-macri-argentina-espana.php> (Дата обращения – 26.01.2018).

Sued G. Vaca Muerta: En busca de un atajo hacia el futuro // La Nación. – Buenos Aires, 2014. – 23.11. – Mode of access: <http://www.lanacion.com.ar/1746272-vaca-muerta-en-busca-de-un-atajo-hacia-el-futuro> (Дата обращения – 26.01.2018).

Velázquez A. Nueva etapa, amistosa, en las relaciones España–Argentina // Hispanidad. – Madrid, 2016. – 31.05. – Mode of access: <http://www.hispanidad.com/2016/05/31/nueva-etapa-amistosa-en-las-relaciones-espana-argentina/>

hispanidad.com/nueva-etapa-amistosa-en-las-relaciones-espana-argentina.html (Дата обращения – 26.01.2018).

Viana I. YPF, la gran quiebra de unas relaciones históricamente privilegiadas // ABC. – Madrid, 2012. – 13.06. – Mode of access: <http://www.abc.es/20120421/espana/abci-relaciones-espana-argentina-historia-201204201652.html> (Дата обращения – 26.01.2018).

Yebra M.R. Macri relanza esta semana en España la estrategia internacional de su gobierno // La Nación. – Buenos Aires, 2017. – 19.02. – Mode of access: <http://www.lanacion.com.ar/1985953-macri-relanza-esta-semana-en-espana-la-estrategia-internacional-de-su-gobierno> (Дата обращения – 26.01.2018).

Н.Ю. Кудеярова ©

Европа – Латинская Америка: Миграционные процессы на новом витке глобализации

***Аннотация.** Глобализация внесла значительные коррективы в динамику миграционных потоков между Латинской Америкой и Европой. Диверсификация направлений отчетливо проявилась прежде всего в Южной Америке. Так, 30% мигрантов региона выбрали Европу в качестве цели миграции, 55% этого потока пришлось на Испанию. Новые свойства межконтинентальных миграций несут в себе большой потенциал экономического развития и трансформации человеческого капитала.*

***Abstract.** Globalisation has substantially changed the Latin America–Europe migration flows dynamics. The destinations' diversification is clearly evident first of all for South American migrants. 30% of the region migrants have chosen Europe, while Spain accounts for 55% of this flow. New quality of intercontinental migration provides a great potential for economic development and human capital transformation.*

***Ключевые слова:** глобализация, миграция, Латинская Америка, Испания, Италия.*

***Keywords:** globalization, migration, Latin America, Spain, Italy.*

Двусторонние миграционные связи между странами Латинской Америки (ЛА) и странами европейского континента стали важным элементом в процессе становления современных американских государств. Ключевым фактором в формировании

американской государственности стали миграционные волны, синхронизированные с общей динамикой процесса глобализации. Такая взаимосвязь не случайна, поскольку в исторической проекции глобализация не только вела к диверсификации и интенсификации финансово-экономической деятельности, но отрывала тысячи людей от привычных мест проживания.

При этом «глобализация, как и многие другие исторические процессы, имеет не только поступательную, но и волновую (циклическую) составляющую, которая описывает подъемы и спады интеграции», – отмечал российский историк В.И. Пантин [Пантин, 2003, с. 7]. Волнообразная составляющая наглядно проявилась в динамике межатлантических миграционных процессов. Наряду с периодами подъемов и спадов наблюдались изменения и в направлении потоков миграции: если в конце XIX – первой половине XX в. вектор мобильности был направлен из Европы в страны ЛА, то на рубеже XX–XXI вв. обрело силу обратное движение.

По мнению российского исследователя Е.В. Тюрюкановой, «международная миграция является составной частью всех теорий и моделей глобализации, выступая в двойном качестве – как провоцирующий момент и как результат глобальных изменений» [Тюрюканова, 2004, с. 278]. При значительном разнообразии определений в целом глобализация понимается как «объективно происходящая концентрация мирохозяйственных связей на современной технико-технологической и информационной основе» [Яковлев, 2017, с. 6], где базовые признаки проявляются в международной интеграции и влияют на широкий спектр сопутствующих социально-экономических областей.

Подобное разнообразие трактовок проявляется не только в том, что глобализация сопровождается интенсификацией международных миграций, но и в том, что «люди менее мобильны, чем деньги, товары или идеи: они всегда принадлежат к какому-либо государству, зависимы от паспорта, визы, разрешения на проживание и конъюнктуры рынка труда» [Тюрюканова, 2004, с. 288]. Поэтому человеческая мобильность зачастую находилась в тени более ярких процессов и нередко напрямую не связывалась с развитием глобализации [Hirst, Thompson, 1995].

Каждая новая волна глобализации сопровождалась качественной трансформацией транспортной системы: технологическое развитие транспорта и средств связи оказывало прямое воздействие на рост интенсивности передвижения, сократив миграционный цикл. Современные возможности изменили пространственное восприятие, в том числе психологический аспект категории «расстояние». Так, английский социолог Зигмунт Бауман утверждал, что это уже «не объективная безличная физическая данность, а социальный продукт; его протяженность зависит от скорости, с которой мы его преодолеем (а в монетарной экономике – еще и от того, во сколько обходится такая скорость). Все другие социально обусловленные факторы определения, разделения и поддержания коллективных идентичностей – вроде государственных границ или культурных барьеров – в ретроспективе представляются лишь второстепенными следствиями этой скорости» [Бауман, 2004, с. 24].

По нашему мнению, воздействие глобализации в рамках миграционных процессов проявляется в таких характеристиках, как количественный рост международной миграции, диверсификация выбора географической цели передвижения, построение глобальных транснациональных и трансграничных сетей социальных связей и пространств. Концепция транснационализма, предложенная в 1980-х годах американскими антропологами в качестве обозначения совокупности процессов, стала важной составляющей современных теоретических размышлений на тему миграции.

Данный термин прочно укрепился в научном обороте [Waldinger, Fitzgerald, 2004; Migraciones y codesarrollo., 2010, p. 54]. В рамках такого подхода миграция рассматривается не как односторонний или двусторонний процесс, а скорее как строительство и реконструкция социальных сетей. Они, в свою очередь, структурируют пространственную и трудовую мобильность, социальную, культурную и политическую сферы жизни не только самого мигрирующего населения, но и их семей, окружения, локальных сообществ.

Южный миграционный ареал: европейское направление миграции

Массовое появление латиноамериканцев в странах Европы на рубеже XX – XXI вв. во многом имело взрывной эффект и разрушило сложившийся стереотип о путях и направлениях их миграции, поскольку в последней четверти XX в. активное передвижение населения было направлено преимущественно на север (в США) и в соседние государства южноамериканского континента. Произошедшие изменения стали результатом длительных процессов в социально-экономической и демографической сферах. На исходе 1990-х годов в региональной географии мобильности был преодолен важный рубеж, который четко обозначил разделение двух миграционных ареалов. Единая система с односторонним доминированием США осталась в прошлом. Согласно проведенному подсчету на основе данных Всемирного банка, можно уверенно говорить о формировании двух миграционных ареалов, которые можно обозначить как Северный и Южный [Кудеярова, 2017, с. 86]. В настоящее время по численности вовлеченных людей (24 млн человек) первенство принадлежит Северному ареалу, ориентированному на США. Крупнейшая экономика мира притягивает 90% мигрантов, покидающих Мексику, страны Центральной Америки и Карибского бассейна.

По мере движения на юг континента характеристики миграционных потоков существенно изменялись. Наиболее интересные процессы с точки зрения географического разнообразия и синхронизации с общими глобальными трендами (внерегиональные маршруты, феминизация, профессиональная мобильность квалифицированных кадров и другие) происходили в пространстве Южного ареала. Он включал в себя страны Южной Америки, где совокупная численность мигрантов достигла 12,2 млн человек. В этом регионе произошла значительная диверсификация направлений миграционных потоков. В первом десятилетии XXI в. обозначились три равнозначных сегмента: на внутрирегиональную мобильность приходилось 33,6% миграций южноамериканцев, европейское направление притягивало 29,7, в США отправлялись 24,5% уроженцев региона. Внутри вышедшего на лидирующие по-

зации европейского направления первенство принадлежало Испании. Важность иберийской страны в качестве новой цели миграционного движения сложно переоценить – она активно конкурировала с США, став второй страной по численности аккумулируемого потока. Испания приняла 16,5% общего количества мигрантов обозначенного региона, что составило 55% всех переселенцев в Европу, второе место заняла Италия (15), на третье место вышла Франция (4%) [Migration and remittances., 2018].

Европейский вектор латиноамериканской миграции подтвердил тесные исторические связи между регионами. Новой характеристикой современного этапа мобильности стало включение в этот процесс андских стран, которые ранее не были вовлечены в массовые трансатлантические передвижения конца XIX – первой половины XX в.

Становление внерегиональных направлений миграционной мобильности для жителей ЛА – явление относительно новое. Начало современной волны можно отнести к 1998 г., когда в европейских странах, таких как Испания и Италия, стало стремительно увеличиваться присутствие выходцев из латиноамериканских стран. В качестве одной из причин ряд исследователей подчеркивали роль ужесточения миграционной политики в США, что повлекло за собой увеличение рисков, трудностей и затрат для въезда в эту страну.

Период 1990-х годов стал ключевым для формирования миграционного поведения жителей региона. Большинство южноамериканских стран находилось в состоянии демократического транзита. Социально-политическое наследие военных режимов, а также цена, заплаченная за проведенные неолиберальные реформы, привели к углублению пропасти социального неравенства и обнищанию значительной части населения. На рубеже столетий в андских странах в состоянии бедности находилось более 50% населения, в Эквадоре и Боливии – около 65% [Population., 2015].

Развитию миграционных настроений способствовало демографическое давление: в 1970–1980-х годах показатель рождаемости в андских странах был близок к физиологическому максимуму и находился в диапазоне 38,3–41,6 промилле. Он практически в два

раза превышал аналогичные показатели стран атлантического побережья – Уругвая и Аргентины (20 и 26 промилле соответственно). Пиковые показатели рождаемости и снижение смертности привели к трансформации возрастной структуры населения, существенно увеличив «выигрыш» человеческих жизней во всех возрастных группах, особенно молодых. Фактически с лагом в 20 лет на рубеже столетий эти данные отразились на динамике выхода нового поколения на рынок труда.

Как отмечали авторы доклада «Экономические перспективы Латинской Америки: Молодежь, компетенции и образование», ЛА – это регион с высоким процентом молодого населения, возраст каждого четвертого его жителя – от 15 до 29 лет. Однако по статистике 64% жителей обозначенного возрастного диапазона (около 100 млн человек) принадлежали к бедным слоям или низшим стратам среднего класса со сложным материально-экономическим положением [Perspectivas., 2016; Ермольева, 2017, с. 91–92]. Инерция демографического бума проявилась на фоне негативных социально-экономических процессов.

При этом нельзя не отметить, что на протяжении 1990-х годов происходило постепенное повышение уровня благосостояния, отражавшееся через показатель ВВП на душу населения: в Боливии, Эквадоре и Колумбии за десять лет он вырос на 1000 долл., в Уругвае и Аргентине – более чем на 4000 долл. Однако значение этого индикатора отставало от соответствующих значений в Испании и Италии более чем в 2–4 раза [World development., 2017].

Параллельно в Испании проявлялись демографические предпосылки для приема мигрантов и формировалась потребность в новых рабочих руках. В итоге высокая доля молодежи, выходящей на рынок труда, и огромная брешь социального неравенства создали предпосылки для взрывной интенсификации трансатлантической мобильности.

Испания

Миграционный поток из латиноамериканских стран менее чем за десятилетие изменил структуру населения иностранного происхождения в Испании. Этому способствовала синхронизация

двух автономных процессов: с одной стороны, трансформация миграционной динамики в государствах Южной Америки, а с другой – изменение характера мобильности населения Испании, где к концу 1990-х годов явно сформировалась модель страны – реципиента миграции.

Социально-экономические характеристики переселенцев, восприятие мигрантов общественным мнением в период миграционного «бума» в Испании, проблемы адаптации и интеграции нашли отражение в работах С.М. Хенкина [Хенкин, 2005; Хенкин, 2009] и И.Г. Синельщиковой [Синельщикова, 2007; Синельщикова, 2008]. Стремительный рост численности латиноамериканцев в Испании можно отнести к периоду 1998–2007 гг.

Хотя в этот период Испания в целом столкнулась с масштабным притоком мигрантов, где были представлены все континенты, отметим, что наибольшее воздействие на состав населения иностранного происхождения оказал приезд уроженцев государств ЛА. Это привело к серьезному перераспределению пропорций основных групп мигрантов (см. рис.).

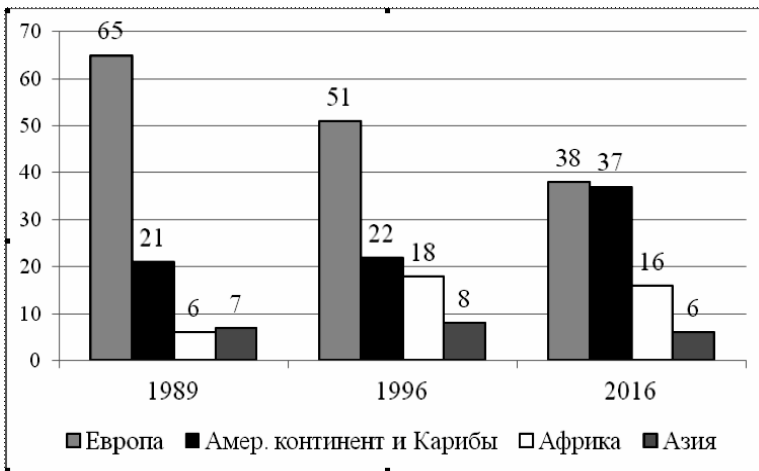

Рис. Структура населения иностранного происхождения в Испании (%)

Источник: составлено автором по данным: [Хенкин, 2005, с. 158; Extranjeros., 2016].

Региональная и страновая структуры сформировавшихся сообществ имели свои особенности: латиноамериканцы не занимали первую строку среди государств происхождения мигрантов. В этом ряду первенство принадлежало Марокко – стране, из которой прибыло более 70% африканцев. Латиноамериканцы, напротив, были очень диверсифицированы. На первом месте закрепились выходцы из Эквадора, на них приходилось 19% общей численности латиноамериканских мигрантов (stock migration), на втором месте – колумбийцы (16), на третьем – аргентинское сообщество (11), затем следовали переселенцы из Боливии и Перу (по 8%), завершали этот список мигранты из Венесуэлы и Доминиканской Республики, на которых приходилось по 7% [Migration and remittances., 2018].

На протяжении полутора десятилетий соотношение этих сообществ колебалось, они по-разному реагировали на негативные процессы на испанском рынке труда. Численность эквадорской группы достигла пиковых суммарных значений в 2009 г. и составила 440 тыс. человек. Наибольший прирост численности в абсолютном выражении был показан в 2004–2005 гг., когда сообщество увеличилось на 135,5 тыс. человек. Затем темп прироста стал снижаться и продемонстрировал негативные показатели на фоне посткризисной стагнации.

Аналогичную динамику можно было наблюдать у колумбийской и перуанской общин, где наивысшие показатели были в 2009 г. – 287 тыс. и 144,6 тыс. человек соответственно. Число уроженцев Боливии достигло максимального значения 144,7 тыс. резидентов в 2012 г. и, несмотря на последствия кризиса, впоследствии динамика осталась положительной [Extranjeros., 2016]. На общем фоне сокращающегося объема южноамериканской миграции росла численность мигрантов из стран, испытывавших масштабные макроэкономические проблемы, прежде всего из Венесуэлы и некоторых государств Карибского бассейна.

Примером своего рода базовой модели трансатлантической миграции стал Эквадор. Одним из важных стимулов начала активной миграции был действовавший в Испании визовый режим, установленный двусторонним соглашением 1963 г. Он давал эквадорским гражданам возможность «независимо от места жительства,

на основании паспорта въезжать и находиться в Испании без визы на срок, не превышающий трех месяцев» [Canje de notas., 1982]. Обозначенные нормы давали право на въезд, но для легальной профессиональной деятельности сохранялась необходимость рабочей визы. В этом же ряду можно упомянуть соглашение о двойном гражданстве, действовавшее между Испанией и Эквадором в 1965–2000 гг., которое давало возможность получения испанского гражданства после двух лет пребывания в стране [Córdoba Toro, 2015]. В совокупности эти условия существенно подогревали интерес к новому направлению миграции.

Действие соглашения 1963 г. было отменено в 2003 г. из-за вступления в силу Регламента Совета Европейского союза, в котором Эквадор был включен в списки третьих стран, чьи граждане обязаны получать визу для пересечения внешних границ государств – членов ЕС [Denuncia del canje de notas., 2003].

К этому моменту практика облегченного въезда позволила сформироваться крупному транснациональному сообществу, ставшему важным элементом миграционной сети. По сходному сценарию развивалась миграция и из других андских стран. Начало боливийской миграционной волне положили проживавшие в Аргентине мигранты, которые покидали эту страну из-за разразившегося в ней мощного экономического кризиса 2001 г. Как и в эквадорском случае, на начальном этапе им не требовалась въездная виза. По мнению боливийского журналиста Эдвина Переса, специализировавшегося на миграционной тематике, выходцев из андской страны условно можно было разделить на две группы – экономических и «экологических» мигрантов. Если первые уезжали по экономическим причинам в поиске лучших условий труда и жизни, то вторые были крестьянами, покидавшими свои земли из-за освоения их горнодобывающими компаниями [Baquero, 2006].

Политическая нестабильность и тяжелая экономическая ситуация в начале века способствовали расширению географического горизонта в выборе направлений миграции, многие выбирали Испанию. Примером востребованности трансатлантического маршрута может служить информация о частоте прямых авиарейсов в Испанию: если до «бума» полеты совершались один раз в три ме-

сяца, то в начале нулевых годов текущего века – восемь раз в месяц [Denuncia del canje de notas., 2003].

Важную роль в развитии массовой миграции из ЛА в Испанию сыграли личные, неформальные социальные сети поддержки. Являясь ключевым элементом транснациональных сообществ, они служили информационными каналами и оказывали помощь на разных стадиях миграции. Например, 66% эквадорских мигрантов в Испании получили финансовую поддержку для переезда со стороны уже проживавших в Испании родственников, 77 – воспользовались полученной информацией, в 88-90% случаев мигрантам помогали с жильем и поиском работы.

Также можно отметить двусторонний характер помощи и связь со страной происхождения: так, 30% эквадорцев, проживавших в Испании, получили финансовую помощь для миграции со стороны людей, которые находились в Эквадоре на момент предоставления помощи (родственники, друзья, репатрианты и т.д.). При этом ключевой фигурой в социальных сетях оказывался родственник, проживавший в Испании, который превращался в центральное звено цепи мигрирующих из Эквадора в Испанию [La población., 2015, p. 51].

Транснациональное пространство требовало постоянного поддержания многостороннего формата связей. Одним из системообразующих элементов взаимодействия со страной происхождения являлись денежные переводы. Этот финансовый инструмент, с одной стороны, представлял собой индивидуальную материальную поддержку оставшихся на родине членов семьи, а с другой – в своем суммарном исчислении оказывался значимой частью экономики стран происхождения мигрантов. Испания стала важным источником денежных переводов для жителей государств ЛА, в 2016 г. было отправлено 3 млрд 897 млн долл. Основными странами-получателями были Эквадор (25%), Колумбия (19%), Доминиканская Республика (15%) и Перу (10%) [Migration and remittances., 2018].

В Эквадоре наряду со строительной отраслью и промышленностью денежные переводы стали одним из моторов экономики на местном уровне. Согласно исследованиям, проведенным в эквадорской провинции Асуай, с помощью этого финансового инструмен-

та было профинансировано 5191 предприятие (около 16% от общего числа). В основном это были небольшие фирмы, занимавшиеся техническим обслуживанием, ремонтом, мелким производством, продуктами питания и другими видами деятельности. В структуре расходов до 74% получаемых средств шло на покрытие ежедневных нужд. Если размер ежемесячно получаемых переводов превышал 250 долл., то объем средств, отложенных на небольшие инвестиции, возрастал [Astudillo, 2015].

Этот пример показывает, что «реальным результатом взаимодействия мигрантов и миграционных сообществ как в странах происхождения, так и в местах непосредственного проживания способствуют именно регулярность поддержания контактов и их пролонгированность» [Migraciones y codesarrollo., 2010, p. 55]. Такое постоянство позволяло со временем накапливать средства от денежных переводов и инвестировать их в производство на локальном уровне.

Латиноамериканская миграция в европейские страны ярко проявила общую глобальную тенденцию – активизацию мобильности женщин. По этому показателю латиноамериканских женщин можно отнести к мировому авангарду. На начальном этапе доля женщин в эквадорском и боливийском потоках составляла 60–70%. Значительная их часть работала в качестве домашней прислуги и занималась уходом за престарелыми людьми и детьми. В дальнейшем шло постепенное выравнивание пропорций за счет увеличения доли мужчин. Характер их трудоустройства существенно отличался, первым местом работы мужчин чаще всего становилась строительная сфера. Несмотря на то что латиноамериканцев можно было отнести к категории наиболее трудоустроенных и квалифицированных групп мигрантов в Испании, основой занятости был малоквалифицированный труд. Внутри регионального потока были профессионально-отраслевые различия: боливийцы, многие из которых мигрировали из сельских районов, находили работу в аграрном секторе, перуанцы и колумбийцы занимали вакансии в транспортных компаниях, аргентинцы работали в сфере образования, здравоохранения и в городском хозяйстве. Для последних была характерна значительная доля квалифицированного

труда и занятости на управленческих должностях (42%) [Encuesta..., 2010, p. 112, 115, 118].

Прошедшие годы не были линейными по динамике занятости, серьезный удар по наработанным каналам трудоустройства нанес кризис 2008–2009 гг. Если в 2007 г. уровень занятости среди латиноамериканцев превышал 70% [Ibid., p. 105], то в посткризисный период число безработных увеличилось. Коллапс строительной индустрии привел к радикальному сокращению рабочих мест, что впоследствии было компенсировано ростом числа вакансий в сфере услуг. По данным 2016 г., занятость выходцев из ЛА достигла 58,6% общего числа мигрантов региона. Показатель занятости вырос на 5,7% по сравнению с предыдущим годом, в то время как число безработных уменьшилось на 1,6% [Las remesas..., 2017, p. 24].

Расширение числа вакансий в сфере услуг позволило латиноамериканцам использовать языковое преимущество, особенно в ситуациях непосредственного контакта с клиентами в ресторанном бизнесе, гостиничном деле и в других областях. В целом, если поступательное восстановление испанской экономики будет продолжаться, можно ожидать новый приток мигрантов из латиноамериканского региона.

Мировой кризис 2008–2009 гг. стал важной вехой в развитии европейского вектора латиноамериканской миграции. Непрерывно возrastавший на протяжении десятилетия поток достиг своего максимума и начал постепенно сокращаться: с одной стороны, заметно уменьшился въездной поток, а с другой – постепенно происходил процесс натурализации. В посткризисные годы наблюдался новый феномен – возвратная миграция.

Поток эмигрантов – граждан Испании по факту состоял из людей, получивших испанское гражданство и под влиянием негативных тенденций на испанском рынке труда возвращавшихся в свои родные страны. Этому способствовали результаты «золотого десятилетия» в ЛА, когда благоприятная мировая экономическая конъюнктура позволила существенно смягчить негативные социально-экономические процессы и повысить уровень жизни в ряде стран континента. Правительства Эквадора, Чили, Бразилии предпринимали целенаправленные шаги для привлечения испанских

специалистов в научно-образовательную сферу своих стран. Все это усиливало взаимосвязь двух регионов и способствовало балансировке их интересов в вопросе передвижения людей и человеческого капитала.

Италия

Нить трансатлантической миграции связала государства ЛА прежде всего с регионом Южной Европы. Италия приняла второй по численности поток мигрантов из государств Латинской Америки. Это направление межконтинентальной мобильности формировалось синхронно с испанским и во многом было мотивировано сходными причинами. Приезду латиноамериканцев в Италию способствовали законодательные условия миграции. В начале XXI в. мигранты из ЛА использовали относительную легкость въезда в качестве туристов даже в тех случаях, когда им требовалась виза. Проблемы возникали лишь в ситуациях, когда они оставались в Европе после истечения срока разрешенного пребывания [Ruiz Sandoval, 2006, p. 5].

Такой режим мобильности предопределялся слабой проработкой миграционного законодательства. В качестве структурного явления миграция впервые была обозначена только в 1998 г., когда был принят закон № 40 «Об иммиграционной политике Италии» (Закон Турко-Наполитано), главной целью которого было упорядочивание положения иммигрантов из стран, не входящих в ЕС, и улучшение их интеграции в принимающее общество. Закон предлагал заметные нововведения, например: возможность въезда иностранцев в Италию для поиска работы; право на получение медицинской помощи, образования и трудоустройства даже для нелегальных мигрантов [Informe., 2014, p. 5].

Уже в 2002 г. нормами, унифицировавшими законодательство стран Евросоюза, эти инициативы были отменены (закон № 189/2002 «Изменение правил в области иммиграции и предоставления убежища» (Закон Босси-Фини)). Тем не менее юридические условия, существовавшие на рубеже веков, облегчили мигрантам, в том числе латиноамериканским, въезд в страну [Ibid.].

В первом десятилетии XXI в. латиноамериканский миграционный поток в Италию характеризовался значительным присутствием уроженцев Перу и Эквадора. Как отмечали аналитики, выходцы из андских стран регистрировались итальянской статистикой в качестве мигрантов, в отличие от граждан Аргентины и Уругвая, которые хоть и представляли значимое количество, являлись детьми иммигрантов-итальянцев, имевших или восстановивших итальянское гражданство [Migraciones y codesarrollo., 2010, p. 11].

В результате эта категория переселенцев как бы исчезала из статистики. По сравнению с другими сообществами иностранцев латиноамериканская группа была не столь многочисленной. Согласно данным о 16 общинах, проживавших в Италии, перуанцы занимали 15-е место (98,6 тыс. человек), а эквадорцы – 16-е (91,6 тыс. человек), что составляло соответственно 2,1 и 2,0% миграционного населения страны [Informe., 2014, p. 8].

Территориально латиноамериканцы концентрировались на северо-западе страны и в мегаполисах. Так, в Ломбардии проживали 42,4 тыс. перуанцев (что составляло 41,6% мигрантов из этой страны) и 41,1 тыс. эквадорцев (48,1% всех эквадорцев) [Ibid.]. Эквадорская миграция в Италии концентрировалась в Генуе, Милане и в меньшей степени в Риме. Миграционный поток из государств тихоокеанского побережья Южной Америки имел свои отличительные черты, которые выделяли его на общем фоне. Прежде всего это была трудовая миграция, основу которой составляли женщины. Во многом такой расклад был связан с особенностями рынка труда в Италии, где сформировался запрос именно в области работы на дому, ухода за пожилыми людьми и детьми. Данные исследований показали, что латиноамериканские женщины приезжали в Италию в одиночку, оставив семью на родине. Работа в надомном обслуживании позволяла сэкономить деньги, чтобы отправить их в родную страну. Начиная с 1990-х годов женщины-мигранты заменили итальянок в работе по дому, в то время как последние активно включались в работу за стенами дома. Аналогичную тенденцию мы могли увидеть и на примере Испании, где наем помощниц в домашней работе из числа эмигранток способствовал вовлечению испанских женщин в сферу труда.

В результате доля женщин в эквадорском сообществе достигала 63–67% [Neira Orjuela, 2014, p. 69]. В большинстве общин число женщин практически в два раза превосходило количество мужчин. Эта тенденция находила отражение даже в статистически небольших группах, например, среди выходцев из Боливии, Бразилии и Парагвая. Если в испанском варианте со временем произошло выравнивание полового состава, то в итальянском такая диспропорция во многом сохранилась. В последние годы во въездном потоке увеличилось число мужчин и детей из Эквадора, Боливии и Перу, что свидетельствовало о тенденции к воссоединению семей и о намерении окончательно обосноваться в Италии.

В данном контексте можно отметить такую особенность семейного проекта у перуанцев и эквадорцев, как стремление заключать брак преимущественно между людьми из одной страны или между двумя этими общинами. Эта стратегия отличала их от выходцев из других стран (Бразилии и Колумбии), среди которых регистрировалось наибольшее количество смешанных пар, где один из супругов был итальянцем. Выбор соотечественника в качестве пары демонстрировал меньшую склонность перуанцев и эквадорцев использовать брак в качестве инструмента для получения итальянского гражданства [Informe., 2014, p. 12].

В Италии латиноамериканцы сталкивались с меньшими трудностями интеграции, чем представители других национальных или этнических групп. Это было связано с тем, что исторические, культурные, религиозные и зачастую лингвистические особенности способствовали восприятию латиноамериканцев в качестве «желаемого» и «послушного» сообщества. По мнению сотрудников консульских служб, опрошенных в ходе исследования, эти качества давали им «конкурентные преимущества, особенно в сфере ухода за пожилыми людьми и детьми» [Ruiz Sandoval, 2006, p. 6].

Важным отличием латиноамериканской миграции в Италии стало формирование сообществ, с одной стороны, интегрированных в итальянское общество, а с другой – сохраняющих свою самобытность. Они активно формировали разного рода ассоциации, проводили мероприятия досуга и создавали зачатки «этнических» учреждений. Так, в Генуе можно было найти значительное число

журналов и местных телевизионных новостных программ на испанском языке, даже в католической церкви предлагались специализированные религиозные и социальные услуги [Queirolo Palmas, Ambrosini, 2007, p. 109–110].

Хотя латиноамериканцы не являлись системообразующими элементами миграционной панорамы Италии, они привнесли самобытные черты в мультиэтничную мозаику. Однако наибольшее влияние двусторонняя миграционная связь оказала именно на государства Южной Америки. Миграция в Италию стала одной из базовых составляющих конструкции территориальной мобильности жителей андского региона. Для эквадорцев эта южноевропейская страна вышла на третье место по популярности направлений миграции. Для перуанского населения Италия стала четвертой страной по численности трансграничной мобильности после США, Испании и Аргентины.

Наибольший темп прироста численности мигрантов из андских стран в Италии наблюдался в 2003–2004 гг. Однако под воздействием негативных экономических тенденций после кризиса 2008–2009 гг. въездные потоки из этих государств значительно сократились [Migrazioni internazionali., 2017]. Как отмечалось в пресс-релизе Итальянского института статистики о миграционной ситуации в 2016–2017 гг., увеличение въездного потока не всегда приводит к укоренению мигрантов. Например, из числа приехавших в Италию в 2012 г. только 53,4% по-прежнему присутствовали на итальянской территории по данным на 1 января 2017 г. [Cittadini., 2017]. Это явление связывалось как с натурализацией, так и с переездом в другие страны, что было характерно в том числе и для латиноамериканцев, часть которых со временем переехала в Испанию.

Представленный анализ развития европейского направления миграции в странах ЛА позволяет сделать ряд обобщений. Независимо от страны – цели миграции трансатлантический миграционный поток обладал единым набором характеристик. Его основу составили жители стран андского региона, где происходил активный рост населения. Демографический рост в этих странах создал

предпосылки для активной трансатлантической миграции. Современные средства транспорта и связи свели к минимуму значимость критерия географического расстояния при выборе цели миграции и способствовали расширению горизонта мобильности жителей региона.

«Модельной» страной для анализа трансатлантического направления миграции стал Эквадор. На «эквадорском примере» можно наблюдать все важные черты миграционного движения – феминизацию, преобладание молодых возрастов, трудовой характер мобильности. Новым элементом в развитии миграций стало формирование транснациональных сообществ. Сам факт присутствия за границами государства десятков тысяч сограждан ставил перед страной вопрос о механизмах поддержания связи с этими группами. Этот феномен дал толчок к поиску новых форм взаимодействия с соотечественниками.

Важным шагом в этом направлении стало решение ряда стран об участии мигрантов в электоральных кампаниях стран происхождения. Начало подобной практике было положено в 2006 г., когда в Эквадоре прошла первая избирательная кампания с таким регламентом участия. Во время выборов 2013 г. в голосовании приняли участие эквадорцы в 45 странах мира, наибольшее число зарегистрированных избирателей находилось в Испании (134,4 тыс. человек) и Италии (43,6 тыс. человек). Впоследствии их политическое участие не ограничивалось голосованием, представители сообществ мигрантов могли быть избраны в законодательные органы. С 2007 г. проживавшие за рубежом эквадорцы избрали шестерых представителей в свою Национальную ассамблею [Ramírez Gallegos, 2014, p. 60–61]. Такая практика, характеризующая обновление миграционной политики, позволяла правительству Эквадора выстраивать транснациональную политику «сверху». При этом стихийное становление миграционного пространства и размывание географических границ гражданства подчеркивало необходимость поиска новых каналов для дискуссии с проживающими за рубежом соотечественниками о формах их участия в политических процессах в родной стране, защите их интересов и способах решения

комплекса специфических вопросов, связанных с местом их проживания.

Диверсификация миграционных потоков на пространстве Южной Америки во многом оформилась под воздействием современных процессов глобализации. Активизация двусторонней мобильности свидетельствует о росте конкурентоспособности ряда латиноамериканских стран в борьбе за привлечение квалифицированных кадров. Новые формы межконтинентальных миграций имеют большой потенциал экономического развития и трансформации человеческого капитала.

Список литературы

Бауман З. Глобализация: Последствия для человека и общества. – М.: Весь мир, 2004. – 186 с.

Ермольева Э.Г. Латиноамериканская молодежь как ресурс и региональная проблема // Латинская Америка / РАН. ИЛА. – М., 2017. – № 4. – С. 90–94.

Кудярова Н.Ю. Эпоха массовых миграций в Латинской Америке: Глобализация vs. локализация // Латинская Америка / РАН. ИЛА. – М., 2017. – № 2. – С. 76–91.

Пантин В.И. Циклы и волны глобальной истории: Глобализация в историческом измерении. – М.: Новый век, 2003. – 274 с.

Синельщикова И.Г. Иммиграция в Испании: «Pro» и «contra» // Латинская Америка / РАН. ИЛА. – М., 2008. – № 12. – С. 58–75.

Синельщикова И.Г. Латиноамериканцы в Испании // Латинская Америка / РАН. ИЛА. – М., 2007. – № 10. – С. 91–99.

Тюрюканова Е.В. Миграция и глобализация // Население и глобализация / Под ред. Н.М. Римашевской. – М.: Наука, 2004. – С. 278–295.

Хенкин С.М. Иммиграция в Испании: Характер, масштабы, социально-психологические последствия // Актуальные проблемы Европы / РАН. ИНИОН. – М., 2005. – № 1. – С. 156–174.

Хенкин С.М. Латиноамериканская община в Испании // Актуальные проблемы Европы / РАН. ИНИОН. – М., 2009. – № 4. – С. 101–119.

Яковлев П.П. «Фактор Трампа» и меняющийся облик глобализации // Мировая экономика и международные отношения / РАН. ИМЭМО. – М., 2017. – № 7. – С. 5–14.

Astudillo G. El envío de remesas al Ecuador disminuyó en los últimos ocho años // El Comercio. – Quito, 2015. – 10.05. – Mode of access: <http://>

www.elcomercio.com/datos/remesas-ecuador-migrantes-familia-azuay.html
(Дата обращения – 06.03.2018).

Baquero A. Los bolivianos forman en España el grupo de inmigrantes que más crece // Diario Córdoba. – Córdoba, 2006. – 02.01. – Mode of access: http://www.diariocordoba.com/noticias/sociedad/bolivianos-forman-espana-grupo-inmigrantes-mas-crece_224125.html (Дата обращения – 06.03.2018).

Canje de notas de 30 de octubre de 1963 sobre supresión de visados entre España y Ecuador, hecho en Madrid / Ministerio de asuntos exteriores // Boletín Oficial del Estado. – Madrid, 1982. – 30.03. – N 76. – Mode of access: <https://www.boe.es/boe/dias/1982/03/30/pdfs/A08150-08151.pdf> (Дата обращения – 06.03.2018).

Cittadini non comunitari: Presenza, nuovi ingressi e acquisizioni di cittadinanza / ISTAT. – Roma, 2017. – Mode of access: <http://www.istat.it/it/archivio/204296> (Дата обращения – 06.03.2018).

Córdoba Toro J. Una aproximación a la inmigración ecuatoriana en España (1995–2005) // Iberoamérica social. – Sevilla, 2015. – 10.06. – Mode of access: <http://iberoamericasocial.com/una-aproximacion-a-la-inmigracion-ecuatoriana-en-espana-1995-2005> (Дата обращения – 06.03.2018).

Denuncia del canje de notas de 30 de octubre de 1963 sobre supresión de visados entre España y Ecuador, hecho en Quito el 3 de junio de 2003 / Ministerio de asuntos exteriores // Boletín Oficial del Estado. – Madrid, 2003. – N 159, 04.06. – Mode of access: <https://www.boe.es/boe/dias/2003/07/04/pdfs/A26025-26025.pdf> (Дата обращения – 06.03.2018).

Encuesta nacional de inmigrantes 2007: El mercado de trabajo y las redes sociales de los inmigrantes / Ministerio de trabajo e inmigración. – Madrid, 2010. – 624 p. – Mode of access: http://extranjeros.empleo.gob.es/es/ObservatorioPermanenteInmigracion/Publicaciones/fichas/archivos/Encuesta_Nacional_Inmigrantes2007.pdf (Дата обращения – 06.03.2018).

Extranjeros con certificado de registro o tarjeta de residencia en vigor: Resultados detallados / Observatorio permanente de la inmigración; Ministerio de trabajo y seguridad social. – Madrid, 2016. – Mode of access: <http://extranjeros.empleo.gob.es/es/Estadisticas/operaciones/con-certificado/index2.html> (Дата обращения – 06.03.2018).

Hirst P., Thompson G. Globalization and the future of the nation state // Economy and society. – Abingdon-on-Thames: Taylor & Francis, 1995. – Vol. 24, Issue 3. – P. 408–442.

Informe país Italia // Ventanillas Únicas OSS-LAC. – Madrid, 2014. – 63 p. – (Istituto cooperazione economica internazionale. Progetto PTRSI). – Mode of access: <http://ventanillasunicas.oei.es/documentos.html> (Дата обращения – 06.03.2018).

La población de origen ecuatoriano en España: Características, necesidades y expectativas en tiempo de crisis / Martínez J.I., Moreno Márquez G., Fernández García M., Oleaga Páramo J.A., Cuadra F.V., de la. – Madrid, 2015. – 198 p. – Mode of access: <http://espana.embajada.gob.ec/wp-content/uploads/2016/04/La-poblacion-de-Origen-Ecuatoriano-en-Espa%C3%B1a.pdf> (Дата обращения – 06.03.2018).

Las remesas hacia América Latina y el Caribe en 2016: Nuevo récord / Centro de estudios monetarios latinoamericanos (CEMLA). – México, 2017. – 37 p. – Mode of access: <http://www.cemla.org/PDF/remesaseinclusion/2017-06-acelerandoremesas.pdf> (Дата обращения – 06.03.2018).

Migraciones y codesarrollo en la relación entre la Unión Europea y América Latina y el Caribe / Gómez Galán M., David I., Albarrán Calvo M., Malgesini Rey G., El Harchi Biro Ya. – Santiago de Chile, 2010. – 108 p. – Mode of access: http://www.cideal.org/docs/Migraciones%20y%20codesarrollo_UE_ALA_Caribe.pdf (Дата обращения – 06.03.2018).

Migration and remittances data // World Bank. – Wash., D.C., 2018. – Mode of access: <http://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittances/diasporaissues/brief/migration-remittances-data> (Дата обращения – 06.03.2018).

Migrazioni internazionali e interne della popolazione residente / ISTAT. – Roma, 2017. – Mode of access: <http://www.istat.it/it/archivio/206675> (Дата обращения – 06.03.2018).

Neira Orjuela F. Dinámica migratoria, remesas y políticas de la Comunidad Andina en el nuevo siglo. – México, 2014. – 224 p.

Perspectivas económicas de América Latina 2017: Juventud, competencias y emprendimiento / OCDE; CAF; CEPAL. – P., 2016. – 338 p. – Mode of access: https://www.oecd.org/dev/americas/E-book_LEO2017_SP.pdf (Дата обращения – 06.03.2018).

Population living below the extreme poverty and poverty lines, by geographical area / CEPAL. CEPALSTAT. – Santiago de Chile, 2015. – Mode of access: <http://interwp.cepal.org/sisgen/ConsultaIntegrada.asp?idIndicador=182&idioma=e> (Дата обращения – 06.03.2018).

Queirolo Palmas L., Ambrosini M. Lecciones de la inmigración latina a Europa e Italia // Nuevas migraciones latinoamericanas a Europa: Balances y desafíos / Yépez del Castillo I., Herrera G. (Eds.). – Quito, 2007. – P. 95-112.

Ramírez Gallegos J. La política migratoria en Ecuador. – Quito, 2014. – 88 p.

Ruiz Sandoval E. Latinoamericanos con destino a Europa: Migración, remesas y codesarrollo como temas emergentes en la relación UE-AL / Instituto complutense de estudios internacionales. – Madrid, 2006. – 26 p. – Mode of

access: <https://www.ucm.es/data/cont/docs/430-2013-10-27-PP%2002-06.pdf>
(Дата обращения – 06.03.2018).

Waldinger R., Fitzgerald D. Transnationalism in question // American j. of sociology. – Chicago, IL: Univ. of Chicago press, 2004. – Vol. 109, N 5. – P. 1177–1195.

World development indicators / World Bank Group. – Wash., D.C., 2017. – Mode of access: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators> (Дата обращения – 06.03.2018).

М.А. Зенина ©

Гибралтар и Фолкленды: Неурегулированные споры вокруг заморских территорий Великобритании

***Аннотация.** Фолклендские острова и Гибралтар давно являются «мертвыми узлами» как аргентинской, так и испанской международной политики. Это – заморские территории Великобритании, суверенитет над которыми продолжают оспаривать страны – участницы конфликтов. До недавнего времени оба конфликта были «заморожены», однако начавшийся процесс выхода Великобритании из Евросоюза повлиял на состояние обеих спорных ситуаций. Цель данной статьи – проанализировать суть конфликтов и представить современную ситуацию.*

***Abstract.** For centuries the Falkland Islands and Gibraltar have been the apples of discord in British relations with Argentina and Spain. The sovereignty issue represents the essence of these continuous territorial claims. Both conflicts have low intensity at the moment, however Brexit might become a game changer. The aim of this article is to present the above mentioned cases and analyze the current situation.*

***Ключевые слова:** Фолклендские острова, Гибралтар, суверенитет, Brexit, Великобритания, Испания, Аргентина.*

***Keywords:** Falkland Islands, Gibraltar, sovereignty, Brexit, United Kingdom, Spain, Argentina.*

Осколки империи на карте мира

Британские заморские территории (British Overseas Territories, BOTs) занимают особое место в государственном устройстве

Соединенного Королевства. Это в прямом смысле слова «осколки» Британской империи, оставшиеся с тех времен, когда та «правила морями». Четырнадцать заморских территорий, суверенитет над которыми имеет Великобритания, разбросаны по всему миру и обладают каждая собственной конституцией. Великобритания выступает гарантом безопасности и занимается их внешнеполитическими отношениями. Многие из этих территорий предоставляют финансовые и туристические услуги, продают лицензии на рыболовство, что способствует их экономической самодостаточности, хотя и не делает полностью независимыми в финансовых вопросах. Общая численность населения территорий – около четверти миллиона человек. Согласно Акту о британских заморских территориях (British Overseas Territories Act), с 2002 г. их жители (за некоторыми исключениями) получили британское гражданство. Данный документ также законодательно закрепляет замену термина «британские зависимые территории» (British Dependent Territories) на «британские заморские территории».

Степень самоуправляемости заморских владений зависит от их конституционных отношений с Великобританией. Экономически более развитые и занимающие большую площадь территории обладают высоким уровнем внутренней автономности, например Фолклендские (Мальвинские) острова, Гибралтар, Бермуды. Поддержкой заморских территорий в Великобритании занимается Ассоциация заморских территорий Соединенного Королевства (United Kingdom Overseas Territories Association, UKOTA), состоящая из их администраций.

Правительство Великобритании утверждает, что, несмотря на ее четырехвековой суверенитет над заморскими территориями, отношения с ними строятся на доверии и праве их граждан самим выбирать свое будущее: сохранять статус-кво или искать альтернативу.

Экономическое положение заморских территорий довольно нестабильно: во-первых, все они в значительной степени зависят от положения дел в сферах финансовых услуг и туризма; во-вторых, им трудно бороться с наркотрафиком и организованной преступностью; в-третьих, на некоторых территориях недостаточно развиты институты гражданского общества, нет сильной законодатель-

ной базы и аналитической прессы, с чем связан низкий уровень контроля над администрацией¹.

Согласно шестой части Договора о функционировании ЕС, заморские территории Великобритании входят в Европейский союз, но имеют ассоциированный статус и зависят от поддержки Европейского фонда регионального развития (ЕФРР): к примеру, финансовая помощь из ЕФРР составила 36% бюджета Англии за 2016 г. [Brexit., 2017, p. 2].

Решение о выходе Великобритании из Евросоюза повлекло за собой череду самых разнообразных вопросов и опасений, особое место среди которых занимает будущее заморских владений Соединенного Королевства. Очевидно, что небольшие островные территории чаще других государств подвергаются экономической и международной маргинализации. Выход Великобритании из Евросоюза (Brexit) усугубит уже существующий дисбаланс: администрации Англии, Фолклендов, Британских Виргинских островов и других «подопечных» Великобритании, среди прочего, говорят о том, что выход из ЕС приведет к утрате ими торговых преференций, рынка сбыта, возможности свободного передвижения граждан, финансирования, получаемого от ЕФРР, и поставит под угрозу их международный статус. В обращении Комитета по делам Европейского союза Палаты лордов к Дэвиду Дэвису, министру по выходу Великобритании из Европейского союза, от 13 сентября 2017 г. были перечислены основные проблемы, которые создаст Brexit для заморских владений Короны, и выражена просьба учесть пожелания правительств заморских территорий, а также информировать их о ходе переговоров [Brexit., 2017].

Для Гибралтара и Фолклендских островов особенно остро стоит вопрос будущих взаимоотношений с соседними странами, Испанией и Аргентиной, которые заявляют о своих правах на данные территориальные образования. Истоки обоих конфликтов находятся в далеком прошлом, а истории их развития имеют некоторое сходство.

¹ В 2008 г. правительство островов Теркс и Кайкос было обвинено в коррупции.

«Мальвинский» вопрос

Фолклендские, или Мальвинские, острова – архипелаг в Южной Атлантике, состоящий из двух основных островов, Восточных и Западных Фолклендов, и приблизительно 780 островков. Фолкленды имеют статус заморской территории Великобритании, однако суверенитет над ними оспаривает Аргентина. Фолклендские острова удобно расположены – в центре морских путей в Южной Атлантике. Основные занятия местного населения – овцеводство, рыболовство, туристический бизнес. Право на самоопределение фолклендцев включено в основную часть действующей Конституции, которая была принята в 2009 г.

ООН включила Фолклендские острова в список самоуправляющихся территорий в 1946 г., однако фолклендскую проблему с самого начала называли «особенной»: суверенное право на эту территорию оспаривают два государства, каждое из которых предлагает свою версию развития событий.

Английская сторона утверждает (см.: [Tudor, 2017]), что первым из англичан на острова высадился капитан Джон Стронг в 1690 г. Первое постоянное британское поселение на Фолклендах было основано в 1766 г., когда британская экспедиция высадилась на острове Сондерс на западной оконечности архипелага и объявила его собственностью Короны. Двумя годами раньше на Восточном Фолкленде было основано французское поселение, но в 1766 г. французы продали свои владения на Фолклендах Испании. В 1774 г. англичане покинули поселение на острове Сондерс, оставив там памятную табличку в доказательство своего суверенитета над островами. Испанский колониальный гарнизон покинул острова в 1811 г., также оставив табличку в подтверждение своих прав. В 1816 г., после получения Аргентиной независимости, ее правительство заявило о своем праве на Фолкленды. Однако Великобритания в 1833 г. отправила туда военную миссию с целью восстановить свой законный суверенитет.

Аргентинская сторона утверждает, что Великобритания, используя свое присутствие на Мальвинских островах, впоследствии предъявила также незаконные территориальные претензии на острова Южная Георгия и Южные Сандвичевы острова, которые были

заняты английскими войсками без предварительного объявления войны или предупреждения, хотя между Великобританией и Аргентиной был подписан договор о торговом сотрудничестве и навигации, согласно которому английская сторона признавала независимость Аргентины.

После вступления в ООН в 1945 г. Аргентина официально оформила свои претензии, требуя поддержки международного сообщества. В 1965 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 2065, содержащую призыв урегулировать конфликт путем переговоров [Question..., 1965]. В 1971 г. Великобритания и Аргентина подписали договор о коммуникациях, согласно которому фолклендцы могли получать образование в Аргентине и ездить к родственникам.

В апреле 1982 г. находившаяся у власти в Аргентине военная хунта, возглавляемая генералом Леопольдо Фортунадо Галтьери, заявила о своем праве на острова и попыталась вернуть их силой. Военная кампания оказалась неудачной: в июне того же года Аргентина признала свое поражение. Премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер заняла жесткую позицию: необходимо было быстро восстановить английскую администрацию на островах. Правительство Аргентины, напротив, пыталось урегулировать конфликт в целом и предлагало проект совместного управления. Дипломатические отношения между Великобританией и Аргентиной были прерваны до 1989 г.

В 1994 г. в Конституцию Аргентины была включена статья, согласно которой стремление к восстановлению суверенитета над островами и их морскими пространствами является важной национальной целью. Тем не менее именно в это время правительство Карлоса Менемы (с 1989 по 1999 г.) взяло курс на смягчение позиции по «мальвинскому вопросу» и нормализацию отношений с Великобританией.

В 1993 г. на Фолклендских островах были обнаружены запасы нефти. Великобритания содействовала разработке месторождений и добыче углеводородов, указывая на право островитян пользоваться своими природными ресурсами для получения экономической выгоды. Это вызвало недовольство аргентинской стороны, ко-

торая сочла добычу углеводородов незаконной и противоречащей принятой в 1976 г. резолюции ГА ООН 31/49, которая призывает стороны конфликта воздерживаться от односторонних действий в акватории Фолклендских островов [Question., 1976]. Помимо добычи углеводородов Аргентина считает односторонними действиями военные учения, проводимые англичанами в Южной Атлантике, полагая, что действия Великобритании направлены на милитаризацию региона: на островах создана военная база, которая представляет угрозу всей Южной Америке и препятствует созданию здесь зоны мира и сотрудничества. В 2016 г. Союз южноамериканских наций (Unión de Naciones Suramericanas, UNASUR) признал военные учения Великобритании незаконными, неприемлемыми и не способствующими проведению переговоров.

Нужно добавить, что одной из сторон в территориальном споре между Великобританией и Аргентиной является проанглийски настроенное население Фолклендов, которое не хочет менять статус-кво. В марте 2013 г. правительство островов провело референдум по вопросу сохранения островами статуса заморской территории Великобритании. 99,8% местного населения проголосовали за его сохранение. Правительство Соединенного Королевства заявило тогда, что результаты референдума четко дают понять аргентинской стороне, что она пытается вернуть территорию вопреки воле живущих там людей, отрицая тем самым основы демократии. Однако президент Аргентины Кристина Фернандес де Киршнер назвала референдум «пародией», «собранием товарищества сквоттеров» [Cristina Kirchner., 2013]. Добавим, что правительства Нестора Киршнера и Кристины Фернандес де Киршнер (с 2003 по 2007 г. и с 2007 по 2015 г. соответственно), занимавшие жесткую и враждебную позицию по отношению к островитянам, вновь подняли вопрос суверенитета над островами на уровень национальной идеи.

После прихода к власти в 2015 г. Маурисио Макри аргентинское правительство взяло курс на нормализацию отношений с Великобританией. В сентябре 2016 г. страны сделали шаг навстречу друг другу и согласились сотрудничать в сферах торговли и безопасности. В декабре 2016 г. стороны подписали мандат, позволяю-

щий Международному комитету Красного Креста провести опознание 123 аргентинских солдат, погибших во время конфликта 1982 г. и похороненных на островах [Tudor, 2017, p. 2].

При этом Великобритания по-прежнему отказывается обсуждать вопрос суверенитета, мотивируя свое право на территорию Фолклендов фактом продолжительного (с 1833 г., за исключением двух месяцев аргентинской оккупации в 1982 г.) и эффективного управления этими территориями. Кроме того, английская сторона заявляет о праве островитян на самоопределение [Ibid., p. 1]. Аргентина же приводит следующие доводы в свою пользу: острова достались Аргентине от Испании по праву наследования; Великобритания силой заняла острова в 1833 г., изгнав оттуда аргентинцев; Мальвинские острова располагаются на континентальном шельфе Аргентины [Ibid.].

В июне 2016 г. на заседании Специального комитета по деколонизации министр иностранных дел Аргентины Сусанна Малькорра заявила, что, согласно резолюциям ООН, принцип самоопределения не применим к жителям Мальвинских островов и что деколонизация и самоопределение не являются равнозначными понятиями [Falkland Islands..., 2017, p. 16]. В мае 2017 г., выступая на международном семинаре по вопросу искоренения колониализма, представитель Аргентины Алехандро Бэттс отметил, что принцип свободного самоопределения народов не распространяется на жителей Мальвинских островов, так как там проживают граждане Великобритании. Аргентинская сторона утверждает, что в настоящее время большинство жителей оспариваемых островов (около 60%) – граждане других стран, которые временно проживают на данной территории. Во время проведения переписи населения островов в 2012 г. разделы «гражданство» и «место рождения» заменили графой «национальная принадлежность», что привело к появлению статуса «фолклендец» (Falkland Islander) и исказило статистику: теперь неясным представляется точное количество родившихся на островах людей [Betts, 2017].

Конфликт между Фолклендскими островами и Аргентиной до сих пор не исчерпан. Представители фолклендской администрации утверждают, что правительство Аргентины проводит эко-

номическую блокаду Фолклендов: Аргентина закрыла свое воздушное пространство для чартерных рейсов из Чили, запретила рыболовецким компаниям, занимающимся промыслом в ее водах, рыбачить рядом с Фолклендами, а также объявила вне закона добычу углеводородов на фолклендской территории [Summers, 2017, p. 3].

В 2017 г. новым губернатором Фолклендских островов был назначен человек, принадлежащий не к дипломатическим, а к военным кругам, что вызвало особую обеспокоенность у аргентинского руководства. Министерство иностранных дел Великобритании поспешило заверить общественность, что новый губернатор, Найджел Филипс, просто оказался лучшим кандидатом и в его назначении не следует искать скрытых причин [Niebieskikwiat, 2017]. Однако следует отметить, что проведенная в 2009 г. конституционная реформа расширила полномочия губернатора Фолклендов: теперь в определенных случаях губернатор может действовать, не считаясь с мнением исполнительного совета островов: в частности, если было нарушено международное право, внутренняя безопасность, работа правосудия, налоговых учреждений и социальных служб.

Решение Великобритании покинуть Евросоюз ставит Фолклендские острова, как и другие заморские территории Соединенного Королевства, в сложное положение. Brexit может привести к ограничению передвижения жителей Фолклендских островов по европейской территории, а также нанести удар по островной экономике: 80% фолклендского экспорта, главным образом шерсть и мясо, сейчас направляется именно в страны Евросоюза. Кроме того, острова экспортируют в Евросоюз рыбную продукцию на сумму до 120 млн фунтов в год, причем большая ее часть переправляется через Испанию. Рыбная ловля составляет от 35 до 48% ВВП островов [Brexit., 2017, p. 6]. По оценкам экспертов, при введении тарифов на импорт рыбная индустрия Фолклендских островов будет ежегодно терять до 8 млн фунтов в год только по статье экспорта кальмаров-лолиго [Ibid.]. Поэтому очевидно, что заключение соглашения о свободной торговле жизненно важно для экономики островов. Администрация Фолклендов также пытается найти но-

вые рынки сбыта, хотя утверждает, что ни один из них не будет таким же прибыльным, как европейский.

Гибралтарское многоголосье

Гибралтар, в отличие от других заморских территорий Великобритании, находится сравнительно недалеко от Соединенного Королевства, имеет сухопутную границу с Европейским союзом (с Испанией) и занимает важное стратегическое положение: он расположен между Южной Европой и Северной Африкой и контролирует морской проход из Средиземного моря в Атлантический океан. В 1501 г., спустя почти 40 лет после вытеснения с этой территории мавров, Изабелла I, королева Кастилии и Арагона, присоединила Гибралтар к Испании. Англичане заняли Скалу¹ в 1704 г. во время войны за испанское наследство (1701–1714), а в 1713 г. Британская корона установила над территорией свою власть. Согласно Утрехтскому договору, Испания уступила Великобритании только город и крепость Гибралтар с портом и защитными сооружениями. В документе не говорилось о передаче англичанам перешейка, соединяющего Гибралтарскую скалу с Пиренейским полуостровом, а также воздушного пространства и территориальных вод, но было отмечено, что Испания первой получит возможность вернуть Скалу, если Великобритания решит избавиться от территории.

ООН включила Гибралтар в список несамостоятельных территорий в 1946 г., однако вопрос о суверенитете над Гибралтаром был вынесен на обсуждение в ООН по просьбе испанского правительства только в 1963 г. Тогда представитель Испании заявил, что по Утрехтскому договору Испания уступила Гибралтар Великобритании как военную базу, но о превращении этой базы в колонию Соединенного Королевства речи не было. Испания также отметила, что своими действиями Великобритания нарушает п. 6 (о сохранении национального единства и территориальной целостности страны) Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятой резолюцией ГА ООН

¹ Скала – другое название Гибралтара, на территории которого находится Гибралтарская скала (англ. Rock of Gibraltar, исп. Peñón de Gibraltar).

1514 в 1960 г. [Declaration..., 1960]. После этого ООН настоятельно рекомендовала правительствам Великобритании и Испании как можно скорее начать переговоры по гибралтарской проблеме.

После смерти Франсиско Франко (1975) и восстановления монархии в Испании у противоборствующих сторон появились новые возможности для начала переговоров. В 1980 г. стороны подписали Лиссабонский договор, который предусматривал возобновление сообщения между Испанией и Гибралтаром, и в 1982 г. Испания открыла пешеходный пограничный переход. Однако Лиссабонский договор лишь подтвердил, что переговорный процесс не будет ни легким, ни быстрым: документ зафиксировал как стремление Испании восстановить свою территориальную целостность и продолжить переговоры по вопросу суверенитета, так и приверженность Великобритании своим обязательствам перед населением Гибралтара.

В 1984 г., после того как Испания подала заявку на вступление в ЕЭС и НАТО, Великобритания и Испания подписали Брюссельскую декларацию, обязуясь найти решение гибралтарской проблемы. Данный документ гарантировал свободное передвижение людей, транспортных средств и грузов через гибралтарскую границу. Великобритания соглашалась продолжить переговоры по вопросу суверенитета, а испанское правительство обязалось обеспечить безопасное и бесперебойное воздушное сообщение с Гибралтаром.

В 2001 г. Великобритания вновь предложила начать переговоры по установлению совместного суверенитета¹, но мнения в британском правительстве разделились: лейбористы, ратовавшие за введение британо-испанского суверенитета, требовали надавить на администрацию Скалы, а консерваторы предлагали сделать Гибралтар независимым государством под англо-испанским контролем. В 2002 г. премьер-министр Великобритании Тони Блэр

¹ В 1991 г. председатель правительства Испании Фелипе Гонсалес Маркес предложил ввести для Гибралтара совместный британо-испанский суверенитет. В 1997 г. Испания предложила ввести совместный суверенитет на 50 лет, а потом включить Гибралтар в состав Испании как автономную область (модель Гонконга). Великобритания не приняла эти предложения.

предложил председателю правительства Испании Хосе Мариа Аснару еще раз обсудить проект совместного управления Гибралтаром. Однако, поскольку в британском правительстве по-прежнему не было единодушия по поводу этой идеи, политики Гибралтара решили провести референдум. 7 ноября 2002 г. местное население большинством голосов (98,97%) высказалось против проекта совместного суверенитета.

После неудач 2000–2002 гг. переговоры в рамках Брюссельской декларации прекратились, несмотря на многочисленные просьбы испанской стороны возобновить их. Уже тогда Великобритания сформулировала свою позицию в переговорах по Гибралтару, которой она придерживается и по сей день: обсуждение вопроса о суверенитете должно учитывать мнение населения Гибралтара. Такое решение не только сводило на нет идею двусторонних переговоров, но и ставило под вопрос сам факт их возобновления.

В 2004 г., после прихода к власти в Испании лидера Испанской социалистической рабочей партии (ИСПР) Хосе Луиса Родригеса Сапатеро, был создан трехсторонний форум «Диалог по Гибралтару». Одним из базовых принципов внешнеполитической доктрины Родригеса Сапатеро было ведение дипломатического диалога со всеми вовлеченными сторонами [Яковлев, 2011, с. 65]. Поэтому, в отличие от прочих инициатив, в форуме в качестве одной из сторон участвовало правительство Гибралтара, а основное внимание уделялось вопросам социально-экономического сотрудничества Скалы и граничащей с ней испанской территории. В ходе переговоров удалось решить ряд вопросов, связанных, в частности, с выплатой пенсий бывшим испанским рабочим Гибралтара; использованием аэропорта (стороны постановили использовать имеющийся военный аэропорт в гражданских целях на условиях, принимаемых тремя сторонами); пограничным ограждением¹, по-

¹ Испанская сторона никогда не признавала пограничное ограждение в качестве границы британской территории, так как по Утрехтскому договору граница должна была совпадать со стенами города. Компромиссом стало решение обеспечить более свободное передвижение людей и грузов через границу по «красному» и «зеленому» коридорам.

строенным Великобританией в 1908–1909 гг. [Valle Gálvez, 2006, p. 3].

В 2011 г. в Гибралтаре был открыт Институт Сервантеса, инструмент «мягкой силы» испанского правительства, но из-за малой продуктивности его закрыли в 2015 г.: только четыре человека в 2014 г. сдавали проводящийся Институтом Сервантеса экзамен DELE, подтверждающий степень владения испанским языком. Тем не менее некоторые испанские политики назвали закрытие Института Сервантеса в Гибралтаре большой ошибкой: мэр города Сан-Роке сообщил, что 65% обучавшихся в институте были детьми в возрасте от 4 до 17 лет [El Instituto., 2015]. Именно новое поколение, по словам мэра, находится в «группе риска»: многие не знают испанского языка и не имеют возможности приобщиться к испанской культуре.

Таким образом, гибралтарскую проблему впервые стали обсуждать на трех уровнях: высший уровень взаимодействия представляют двусторонние переговоры по вопросу суверенитета в рамках Брюссельской декларации по формуле «два флага, три голоса» (позиция Гибралтара учитывается, но право голоса отсутствует); средний уровень, трехсторонний форум «Диалог по Гибралтару», занимается вопросами пограничного сотрудничества; низший уровень представлен негосударственным взаимодействием между правительством Гибралтара и муниципалитетами испанского пограничного района Кампо-де-Гибралтар.

И хотя Гибралтар не является независимым государством, сам факт учреждения трехстороннего форума «Диалог по Гибралтару» дает понять, что теперь заключение любого соглашения между Испанией и Великобританией потребует одобрения правительства Гибралтара.

В 2011 г., с приходом к власти в Испании Народной партии (НП) и ее лидера Мариано Рахоя, политика в отношении Гибралтара изменилась: доктрину Родригеса Сапатеро и политику «мягкой силы» сменила довольно жесткая позиция. Испанская сторона предложила правительству Великобритании вернуться к двусторонним переговорам по проблеме суверенитета Скалы, а трехсторонний форум «Диалог по Гибралтару» преобразовать в четырех-

сторонний, пригласив к участию в нем органы власти Кампо-де-Гибралтар. Великобритания отвергла данное предложение.

Министерство иностранных дел Испании, отмечая стратегическую важность Гибралтара и настаивая на проведении переговоров с Великобританией, называет Скалу колонией, незаконно оккупированной Соединенным Королевством. Существование подобной территории с неясным статусом, по мнению испанского правительства, нарушает национальное единство и территориальную целостность Испании.

После решения Великобритании выйти из Евросоюза ситуация еще более обострилась. Несмотря на то что более 96% гибралтарцев проголосовали за продолжение членства в Евросоюзе, Гибралтар заявил, что уважает решение народа Великобритании и что результат демократического референдума, проведенного 23 июня 2016 г., нельзя отменить. Правительство Гибралтара решило придерживаться предельно ясной позиции в переговорах по Brexit: самое главное для Скалы – обеспечение свободного передвижения через границу с Испанией и доступ к единому европейскому рынку [Opposition., 2016].

Бывший министр иностранных дел Испании Хосе Мануэль Гарсиа-Маргальо заявил, что Brexit может позволить Испании вернуть себе территорию. Гарсиа-Маргальо предложил ввести временный режим двойного суверенитета, в рамках которого гибралтарцы смогут получить испанское гражданство без потери британского, а также широкое самоуправление (Мадрид и Лондон будут заниматься исключительно вопросами внешней политики и обороны). Финансовая и налоговая системы Гибралтара останутся без изменений, если не будут противоречить общим законодательным нормам [España presenta., 2016]. Представители испанского правительства говорили и о том, что, если Европейский союз закроет Гибралтару доступ к европейскому рынку, двойной суверенитет – это выход из сложившейся ситуации. Политики Гибралтара назвали подобные высказывания шантажом.

Новый министр иностранных дел Испании Альфонсо Дасис, пришедший на смену Гарсиа-Маргальо, поддержал предложение бывшего министра и заявил, что после выхода Великобрита-

нии из ЕС Гибралтар сможет сохранить отношения с Евросоюзом только в случае подписания двустороннего соглашения о совместном суверенитете между Великобританией и Испанией. Он отметил, что никакое соглашение не будет заключено без согласия гибралтарцев, но ясно дал понять, что в случае отказа Гибралтара и Великобритании от испанского предложения Скале придется привыкать к жизни без Европейского союза [González, 2017].

Испанский исследователь Арасели Мангас Мартин в статье «Что такое Brexit? Международные сценарии и Гибралтар» прогнозирует, что после выхода Великобритании из ЕС обострится дискуссия между Испанией и Великобританией по ряду спорных вопросов, к числу которых относятся: колониальный статус Гибралтара; вопрос о территориальной принадлежности гибралтарского перешейка, который Великобритания именует нейтральной зоной; а также о территориальных водах и воздушном пространстве Гибралтара. «Мы проснемся после анестезии, роль которой в территориальных конфликтах играет принадлежность к интеграционной организации», – пишет автор [Mangas Martín, 2016, p. 14].

Утрехтский договор не запрещает Испании закрывать наземное сообщение с Гибралтаром по своему усмотрению. В 1986 г., после присоединения к Евросоюзу, Испания «заморозила» данное право и обязалась обеспечивать свободное передвижение через границу людей, услуг и капитала. Когда Великобритания выйдет из Евросоюза, Испания должна будет обеспечить пограничный контроль между Гибралтаром и Шенгенской зоной. Разумеется, по целому ряду причин (экономических, социальных и гуманитарных) Испания вряд ли полностью закроет границу. Согласно статье 70.1.b Венской конвенции о праве международных договоров (1969), выход Великобритании из ЕС не повлияет на право владения бизнесом и собственностью, приобретенными гибралтарцами и англичанами в Испании в период членства Великобритании в Евросоюзе. Однако в будущем Испания сможет ограничить или вовсе прекратить выдачу жителям Гибралтара разрешений на жительство и ведение профессиональной деятельности. Решения по вопросам, касающиеся гибралтарцев, будут приниматься отдельно

от решений по гражданам Великобритании, проживающим на территории Испании.

29 марта 2017 г. премьер-министр Великобритании Тереза Мэй начала процедуру выхода Соединенного Королевства из Евросоюза. Следующим шагом перед началом переговоров по Brexit стало согласование позиций 27 европейских государств и выработка предварительных переговорных директив, которые были обнародованы спустя два дня. Помимо всего прочего, Евросоюз поставил будущее Скалы в прямую зависимость от результатов двусторонних переговоров между Испанией и Великобританией: никакого соглашения между Евросоюзом и Великобританией по вопросу Гибралтара не будет без соглашения между Испанией и Великобританией. Многие политики связывают данный шаг Евросоюза с правом вето, которым обладает Испания как член ЕС: Испания могла бы воспользоваться им, чтобы «тормозить» подписание соглашения между Евросоюзом и Великобританией. В принятой через месяц окончательной версии директив пункт о Гибралтаре был оставлен без изменений.

После этого правительство Гибралтара опубликовало заявление о том, что Гибралтар покидает Евросоюз вместе с Великобританией [Final EU Council., 2017]. Очевидно, что сейчас Гибралтару необходимо каким-то образом смягчить финансовые последствия данного шага: администрация Скалы уже заявила, что не считает катастрофой отсутствие доступа к европейскому рынку, поскольку 90% коммерческих связей Гибралтара приходится на долю Великобритании и вместе с англичанами можно надеяться на заключение амбициозного соглашения о свободной торговле с ЕС. Самой серьезной потенциальной проблемой является возможное прекращение свободного передвижения людей через границу с Испанией: в этом случае недостаток рабочей силы для Скалы достигнет критической отметки. В сложившейся ситуации вопрос о политическом статусе Гибралтара пока остается без ответа.

Все заморские территории Великобритании опасаются последствий, которые может повлечь за собой Brexit. В письме их администраций, адресованном Комитету по делам Европейского

союза Палаты лордов, выражены опасения, связанные, среди прочего, с возможной потерей финансирования и снижением международного статуса. Европейская помощь, поступающая из Европейского фонда регионального развития, составляет до 30% годового бюджета некоторых территорий, британская же финансовая поддержка предоставляется заморским территориям лишь на определенных условиях, поэтому закрыть образовавшуюся брешь будет очень непросто.

Снижение международного статуса особенно беспокоит правительства Гибралтара и Фолклендов: здесь опасаются, что после Brexit европейские страны поддержат территориальные претензии Испании и Аргентины или идею переговоров по установлению двойного суверенитета. Но Великобритания, международные позиции которой и так несколько ослабли после решения покинуть Евросоюз, сейчас вряд ли станет обсуждать суверенитет Гибралтара и Фолклендов, своих важных стратегических «козырей». Кроме того, в настоящий момент, когда все политические силы Великобритании работают над осуществлением безболезненного выхода из ЕС, английской стороне невыгодно обострение территориальных споров.

Подводя итоги, отметим, что «гибралтарский» и «мальвинский» вопросы во многом схожи: их роднит и срок давности, и неясность ситуации. Обе оспариваемые территории имеют официальный статус заморских владений Великобритании, а также статус самоуправляющихся территорий, при этом их часто называют колониями. Следует добавить, что Гибралтар можно назвать государством де-факто, поскольку он обладает всеми формальными признаками государственного образования: постоянным населением (уже начавшим осознавать свою национальную идентичность [Hassan Nahon., 2016]), определенной территорией, организованным политическим руководством, которое проявляет все возрастающую международную активность. Фолклендские острова тоже постепенно становятся одной из сторон в территориальном споре, о чем свидетельствует референдум 2013 г. Администрации Гибралтара и Фолклендов, выступая в качестве третьей стороны в прежних двусторонних конфликтах, стремятся сохранить статус-кво.

В настоящее время возможны следующие варианты развития событий: сохранение Фолклендами и Гибралтаром существующего статуса заморской территории Великобритании; установление над территорией суверенитета оспаривающей стороны; установление двойного суверенитета; возникновение новых суверенных государств.

Сейчас оба территориальных конфликта находятся в «замороженном» состоянии, и вряд ли выход Великобритании из Евросоюза сдвинет ситуацию с мертвой точки. Тем не менее в обоих случаях очевидно, что необходимо выработать какой-нибудь механизм, который позволит сторонам, участвующим в территориальных спорах, вести диалог по таким насущным вопросам, как коммуникации, рыболовство, добыча углеводородов, а также решать экологические проблемы.

Список литературы

Гриценко И.А. 30 лет спустя: Эскалация напряженности в Южной Атлантике // Латинская Америка / РАН. ИЛА. – М., 2012. – № 5. – С. 50–58.

Морозов Е.В. Гибралтар и Западное Средиземноморье в международных отношениях Нового и Новейшего времени. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2010. – 184 с.

Яковлев П.П. Испания в мировой политике / РАН. ИЛА. – М., 2011. – 384 с.

Яковлева Н.М. Архипелаг раздора: К 30-летию Фолклендской (Мальвинской) войны // Перспективы. – М., 2013. – 13.03. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/oikumena/amerika/arkhipelag_razdora_k_30-letiju_folklandskoj_malvinskoj_vojny_2012-03-13.htm (Дата обращения – 26.01.2018).

Яковлева Н.М. «Мальвинский вопрос» и аргентинско-британские отношения // Политические конфликты в Латинской Америке: Вызовы стабильности и новые возможности / РАН. ИЛА; Отв. ред. З.В. Ивановский. – М., 2017. – С. 390–404.

2010 to 2015 government policy: UK overseas territories / UK Government. – L., 2015. – 08.05. – Mode of access: <https://www.gov.uk/government/publications/2010-to-2015-government-policy-uk-overseas-territories/2010-to-2015-government-policy-uk-overseas-territories> (Дата обращения – 26.01.2018).

A guide to the British overseas territories // The Telegraph. – L., 2011. – 04.02. – Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/news/wikileaks-files/london-wikileaks/8305236/A-GUIDE-TO-THE-BRITISH-OVERSEAS-TERRITORIES.html> (Дата обращения – 26.01.2018).

Betts A. Presentation at the Caribbean regional seminar on the implementation of the Third international decade for the eradication of colonialism / UN. – N.Y., 2017. – 4 p. – (Caribbean regional seminar on the implementation of the Third international decade for the eradication of colonialism. Discussion paper; N CRS/2017/DP. 6). – Mode of access: <https://www.un.org/en/decolonization/pdf/BETTS%20GOSS,%20Alejandro%20-%20Final%20presentation%20English%20Revised.pdf> (Дата обращения – 26.01.2018).

Brexit: Overseas Territories: A letter to the Secretary of state for exiting the European Union, Rt Hon David Davis MP / House of Lords. European Union Committee. – L., 2017. – 13.09. – 12 p. – Mode of access: <http://www.parliament.uk/documents/lords-committees/eu-select/Correspondence-2017-19/11-09-17-Overseas-Territories-letter-to-David-Davis-MP.pdf> (Дата обращения – 26.01.2018).

García-Margallo M. Comparecencia del señor ministro de Asuntos exteriores y Cooperación // Diario de sesiones del Congreso de los diputados: Asuntos exteriores / Cortes Generales. X Legislatura. – Madrid, 2012. – 22.02, N 42. – P. 2-13. – Mode of access: http://www.congreso.es/public_oficiales/L10/CONG/DS/CO/CO_042.PDF (Дата обращения – 26.01.2018).

Cristina Kirchner contraataca y califica de «parodia» el referéndum de las Malvinas // ABC. – Madrid, 2013. – 14.03. – Mode of access: <http://www.abc.es/internacional/20130314/abci-cristina-kirchner-contraataca-tras-201303132246.html> (Дата обращения – 26.01.2018).

Declaration on the granting of independence to colonial courtiers and peoples / UN. General Assembly. Session 15. Plenary meeting 958. A/Res/1514(XV). – N.Y., 1960. – 20.12. – Mode of access: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/Res/1514\(XV\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/Res/1514(XV)) (Дата обращения – 26.01.2018).

El Instituto Cervantes de Gibraltar echa el cierre // El confidencial. – Gibraltar, 2015. – 01.07. – Mode of access: https://www.elconfidencial.com/cultura/2015-07-01/el-instituto-cervantes-de-gibraltar-echa-el-cierre_911448/ (Дата обращения – 26.01.2018).

España presenta ante la ONU una propuesta para la cosoberanía de Gibraltar // Heraldo. – Zaragoza, 2016. – 05.10. – Mode of access: <http://www.heraldo.es/noticias/nacional/2016/10/04/espana-presenta-ante->

onu-una-propuesta-para-cosoberania-gibraltar-1095655-305.html (Дата обращения – 26.01.2018).

Falkland Islands (Malvinas): Working paper prepared by the Secretariat / UN. General Assembly. Special committee on the situation with regard to the implementation of the declaration on the granting of independence to colonial countries and peoples. A/AC. 109/2017/6. – N.Y., 2017. – 18.03. – 18 p. – Mode of access: <http://www.undocs.org/A/AC.109/2017/6> (Дата обращения – 26.01.2018).

Final EU Council Brexit negotiating guidelines: Press release N 263/2017 / HM Government of Gibraltar. – Gibraltar, 2017. – 29.04. – 1 p. – Mode of access: <https://www.gibraltar.gov.gi/new/sites/default/files/press/2017/Press%20Releases/263-2017.pdf> (Дата обращения – 26.01.2018).

Gibraltar: Principales documentos oficiales / Real Instituto Elcano; A. Valle Gálvez (Ed.). – Madrid, 2013. – 50 p. – Mode of access: [http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/b258df8040f0674fb1eafdec8076bdb2/DelValle-Gibraltar-documentos-oficiales.pdf?MOD=AJPERES&CAC](http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/b258df8040f0674fb1eafdec8076bdb2/DelValle-Gibraltar-documentos-oficiales.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=b258df8040f0674fb1eafdec8076bdb2) (Дата обращения – 26.01.2018).

González M. Las instituciones europeas nos han pedido que España tire del carro // El País. – Madrid, 2017. – 08.01. – Mode of access: https://politica.elpais.com/politica/2017/01/07/actualidad/1483812359_799656.html (Дата обращения – 26.01.2018).

Hassan Nahon challenges Feetham's «backwards step» on integration // Gibraltar Chronicle. – Gibraltar, 2016. – 02.09. – Mode of access: <http://chronicle.gi/2016/09/hassan-nahon-challenges-feethams-backwards-step-on-integration/> (Дата обращения – 26.01.2018).

Mangas Martín A. ¿Brexit? Escenarios internacionales y Gibraltar / Real Instituto Elcano. – Madrid, 2016. – 17.06. – 17 p. – Mode of access: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_es/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/dt9-2016-mangas-brexit-escenarios-internacionales-gibraltar (Дата обращения – 26.01.2018).

Niebieskikwiat N. Malvinas: El nuevo gobernador reafirma la posición británica en las Islas // Clarín. – Buenos Aires, 2017. – 15.09. – Mode of access: https://www.clarin.com/politica/malvinas-nuevo-gobernador-reafirma-posicion-britanica-islas_0_ryE548FcZ.html (Дата обращения – 26.01.2018).

Opposition «Brexit» statements are misleading and contradictory: Press release N 723/2016 / HM Government of Gibraltar. – Gibraltar, 2016. – 20.12. – 2 p. – Mode of access: <https://www.gibraltar.gov.gi/new/sites/default/files/press/2016/Press%20Releases/723-2016.pdf> (Дата обращения – 26.01.2018).

Question of the Falkland Islands (Malvinas) / UN. General Assembly. Session 20. Plenary meeting 1398. A/RES/2065(XX). – N.Y., 1965. – 16.12. – Mode of access: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/2065\(XX\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/2065(XX)) (Дата обращения – 26.01.2018).

Question of the Falkland Islands (Malvinas) / UN. General Assembly. Session 31. Plenary meeting 85. A/RES/31/49. – N.Y., 1976. – 01.12. – Mode of access: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/31/49> (Дата обращения – 26.01.2018).

Summers M. Falkland Islands (Malvinas) / UN. – N.Y., 2017. – 3 p. – (Caribbean regional seminar on the implementation of the Third international decade for the eradication of colonialism. Discussion paper; N CRS/2017/CRP. 11). – Mode of access: <http://www.un.org/en/decolonization/pdf/Statement%20of%20Falkland%20Islands%20-Malvinas.pdf> (Дата обращения – 26.01.2018).

Tudor S. Falklands war: 35 years anniversary / House of Lords. – L., 2017. – 27.03. – 4 p. – Mode of access: <http://researchbriefings.parliament.uk/ResearchBriefing/Summary/LIF-2017-0028#fullreport> (Дата обращения – 26.01.2018).

Valle Gálvez A. Los acuerdos del Foro de Diálogo sobre Gibraltar: La apuesta por la normalización / Real Instituto Elcano. – Madrid, 2006. – 7 p. – Mode of access: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/a371f1004f018555b87dfc3170baead1/1060_ValleGalvez_Gibraltar.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=a371f1004f018555b87dfc3170baead1 (Дата обращения – 26.01.2018).

И.А. Гриценко ©

Переговоры ЕС–Меркосур: Роль Аргентины вчера и сегодня

Аннотация. В статье анализируется трансформация роли Аргентины в качестве ключевого игрока в переговорах о свободной торговле между ЕС и Меркосур в 2003–2018 гг. Особое внимание уделяется освещению современного состояния переговорного процесса в связи с новейшими изменениями в региональном и международном контекстах, а также усилиям, предпринимаемым аргентинским руководством в целях заключения соглашения.

Abstract. The article analyses the transformation of the role of Argentina as a key actor in the free trade agreement negotiations between the EU and Mercosur in 2003–2018. Particular attention is paid to coverage of the current state of the negotiation process in connection with the latest changes in the regional and international contexts. The author also considers the efforts undertaken by the Argentinean authorities to sign the agreement.

Ключевые слова: Меркосур, Аргентина, Евросоюз, зона свободной торговли, интеграция, протекционизм.

Keywords: Mercosur, Argentina, the European Union, free trade area, integration, protectionism.

События, произошедшие в латиноамериканском регионе и в целом на мировой арене в последние два года, кардинально изменили условия, в которых велись многолетние переговоры о свободной торговле между Европейским союзом (ЕС) и

Южноамериканским общим рынком (Меркосур)¹. Изменения в расстановке политических сил в странах Латинской Америки (ЛА), в особенности – смена власти в Аргентине, события в ЕС, заставившие задуматься о состоятельности его интеграционной модели, «эффект Трампа», и в частности протекционистские тренды, – все эти явления позволили по-новому взглянуть на казавшиеся неразрешимыми противоречия.

В последние месяцы сложилась как никогда ранее благоприятная конъюнктура для подписания соглашения ЕС–Меркоусур. Хотя с обеих сторон существуют разного рода препятствия, лидеры объединений демонстрируют решимость к заключению договора в короткие сроки. Наиболее активно продвигает подписание документа новое аргентинское руководство во главе с Маурисио Макри.

Общий контекст

Переговорный процесс между Европейским союзом и Меркосур длится, то угасая, то получая новый импульс, почти два десятилетия. Рамочное соглашение о сотрудничестве между ЕС и Меркосур, предполагавшее постепенную либерализацию внешней торговли и последующее создание зоны свободной торговли (ЗСТ) между объединениями, было подписано в Мадриде в далеком 1995 г. С тех пор в мире, и в частности внутри ЕС и Меркосур, произошли большие перемены. Последние касаются как изменений в составе блоков, изменений в структуре внешнеторговых связей отдельных стран-членов, которые являются моторами объединений, изменений в политической ориентации южноамериканских стран, так и трансформации характера самого Меркосур. Эти и другие факторы имели большое влияние на ход переговорного процесса.

Подписание соглашения о сотрудничестве между ЕС и Меркосур явилось своего рода реакцией на ослабление европейских позиций в латиноамериканском регионе в начале 1990-х годов и

¹ Южноамериканский общий рынок, Меркосур (исп. Mercado Común del Sur, Mercosur), – экономическое объединение, созданное в 1991 г. в составе Аргентины, Бразилии, Парагвая и Уругвая. В 2012 г. в состав также вошла Венесуэла, однако в 2016 г. ее членство было приостановлено. Меркосур – пятый рынок в мире по объему ВВП.

появление проектов интеграционных мегаобъединений НАФТА (Североамериканской зоны свободной торговли между США, Канадой и Мексикой) и АЛКА (Межамериканской зоны свободной торговли). Начало переговоров между ЕС и Меркосур вписывалось в концепцию стратегического партнерства между ЕС и ЛА, ключевые направления которого подразумевали углубление политического диалога, расширение торгового взаимодействия, поддержку интеграционных процессов в ЛА, техническое и финансовое сотрудничество [Тайар, 2015, с. 73]. Таким образом, создание зоны свободной торговли ЕС–Меркосур планировалось как часть масштабного проекта расширения экономического сотрудничества между ЕС и Латино-Карибской Америкой (ЛКА).

По данным Европейской комиссии, для Меркосур ЕС является крупнейшим внерегиональным торговым партнером: его доля в торговле объединения в 2015 г. составила 21%. За период с 2006 по 2016 г. экспорт ЕС в Меркосур вырос с 27 млрд евро до 46 млрд евро. Экспорт Меркосур в Европу в этот период колебался, то увеличиваясь, то снижаясь, в 2016 г. придя к отметке 41,8 млрд евро – показателю, близкому к значению 2006 г. Меркосур поставляет в ЕС главным образом сельскохозяйственную и животноводческую продукцию, сырье, продукты деревообрабатывающей и бумажной промышленности, некоторое оборудование. Основу экспорта ЕС в страны Меркосур составляют станки и оборудование, запчасти, продукты химической и фармацевтической промышленности. ЕС является самым большим иностранным инвестором в регионе (387 млрд евро в 2014 г.), а также крупным экспортером коммерческих услуг (20 млрд евро в 2014 г.) [Countries and regions., 2018].

Основными преимуществами от создания ЗСТ для Меркосур являются увеличение экспортных поставок на свой основной внешний рынок, стимулирование притока европейских инвестиций, а также улучшение международного имиджа стран-участниц. Со своей стороны, ЕС выгодна частичная или полная отмена таможенных пошлин для доступа на рынки стран блока, которые для большинства европейских экспортных товаров достаточно высоки (от 20 до 35% на станки и оборудование, от 23 до 35% – на автомобили и запчасти, от 20 до 35% – на алкогольную продукцию), и уве-

личение продажи услуг в регионе, которые уже составляют почти четверть от всего экспорта ЕС. Еще больший интерес для европейских партнеров представляет потенциальное получение доступа на рынки государственных закупок стран Меркосур, в том числе для участия в инфраструктурных проектах [Carciofi, Campos, 2016].

Несмотря на, казалось бы, очевидные выгоды от создания ЗСТ ЕС–Меркосур, затяжные переговоры между объединениями никогда не проходили гладко, то и дело приостанавливаясь, а иногда фактически прекращаясь на несколько лет (2004–2010). При этом исследователи указывали на прямую связь хода переговорного процесса ЕС–Меркосур с проведением Дохийского раунда переговоров в ВТО и с переговорами по АЛКА [Тайар, 2015, с. 74; Сударев, 2015, с. 182].

В числе обстоятельств, затруднявших переговорный процесс, были как внутренние, так и внешние глобальные факторы: расширение ЕС на восток до 28 стран-членов; приход к власти в ЛА в начале XXI в. ряда левых и левоцентристских политических движений и как следствие – избрание странами Меркосур курса на построение самостоятельной региональной политики; присоединение к южноамериканскому блоку Венесуэлы и изменение характеристик интеграционной модели Меркосур; появление новых латиноамериканских интеграционных объединений; последствия глобального экономического кризиса 2008–2009 гг.; переориентация внешней политики участников переговоров; экономическая и политическая нестабильность в странах Меркосур и др.

Только в 2000–2003 гг. было проведено десять раундов переговоров о создании ЗСТ по вопросам либерализации южноамериканского экспорта по отдельным группам товаров. По ряду вопросов из-за отсутствия общей позиции внутри самого Меркосур переговоры пришлось вести с каждой страной в отдельности (например, по вопросу инвестиций и санитарных стандартов), что замедляло и усложняло процесс [Тайар, 2017, с. 158].

Тем не менее главным камнем преткновения было нежелание европейской стороны идти на компромиссы в торговле, а именно в том, что касается постепенного снижения и отмены таможенных пошлин на ввозимую в ЕС сельскохозяйственную продукцию, со-

ставляющую, как отмечалось выше, основу экспорта Меркосур. Тем самым ЕС стремится защитить своих производителей, поскольку качественная агропромышленная продукция из ЛА составляет конкуренцию европейской.

Однако было бы неверно утверждать, что только европейские партнеры в ходе переговоров препятствовали достижению консенсуса. Большая роль в этом процессе долгое время принадлежала отдельным странам в составе Меркосур, главным образом одному из лидеров блока – Аргентине.

Возможности и риски для Аргентины

Всеобъемлющий кризис в Аргентине 2001–2002 гг. привел к большим переменам в политике страны, в частности к необходимости пересмотра внешнеполитического курса. Правительство пришедшего к власти Нестора Киршнера (2003–2007) объявило главными внешнеполитическими приоритетами региональные связи и латиноамериканскую интеграцию, повышение престижа страны на международной арене, диверсификацию аргентинских внешних связей, что позволило бы Буэнос-Айресу «укрепиться» в своем отходе от политики следования США, с которыми страну в 1990-е годы связывали отношения «стратегического партнерства», а затем началось «похолодание».

Поставленные цели делали логичной ставку Аргентины на Меркосур, бывший в тот период достаточно успешным региональным объединением. Являясь наряду с Бразилией страной – лидером Меркосур, Аргентина, выступая в составе объединения, увеличивала свой «вес» на мировой арене.

В феврале 2003 г. центр экономических исследований при МИД Аргентины выпустил издание под названием «Соглашение Меркосур–ЕС: Возможности и угрозы для Аргентины» [*Oportunidades y amenazas.*, 2003], где были проанализированы преимущества и риски, которые несло потенциальное соглашение как для аргентинской экономики в целом, так и для отдельных ее секторов. Результаты исследования во многом объясняли и аргументировали позицию, которую впоследствии занимали правительства во главе с Нестором Киршнером и Кристиной Фернандес де Киршнер на

переговорах с ЕС, способствуя их торможению. В качестве одной из главных угроз для Аргентины авторы исследования называли потерю исключительной роли в преимущественном доступе на рынки партнеров по Меркосур, что могло привести к возникновению конкуренции, которая частично или полностью вытеснила бы экспортируемые Аргентиной товары.

Такого рода опасение кажется небезосновательным, если принимать во внимание асимметричность торговых связей не только между Меркосур и ЕС, но и между ЕС и самой Аргентиной. Так, в 2003 г. по экспорту Евросоюз превосходил Аргентину в 33 раза, а по импорту в 46 раз. Помимо этого асимметричны и доли участников в экономиках друг друга – для Аргентины доля ЕС в экспорте составляла 17%, в импорте – 23%, тогда как доля Аргентины в экспорте и импорте ЕС составляла примерно 0,5% [Oportunidades y amenazas..., 2003, p. 7]. Еще одно отличие заключается в том, что экспорт Аргентины в ЕС, как говорилось выше, в основном составляют продукты питания, малочувствительные к изменениям доходов покупателей, тогда как экспорт ЕС составляют продукты химической промышленности, станки и т.п., спрос на которые может меняться в зависимости от экономической ситуации.

Исходя из собственных интересов, Буэнос-Айресу следовало учитывать эти и другие обстоятельства при ведении переговоров. Однако проникновение отдельных категорий товаров извне на рынки Евросоюза представляет определенные трудности. Дело в том, что экспортные поставки, в особенности поставки агропромышленной продукции, сдерживаются целым рядом защитных мер, которые затрудняют доступ на рынок ЕС, в первую очередь – благодаря недостаточно прозрачной структуре пошлин со множеством компонентов, которые не являются стоимостными тарифами (*ad valorem*). Некоторые тарифы варьируются в зависимости от сезона и других факторов, причем для сельскохозяйственной продукции они преобладают. Кроме того, у аграрной продукции самый высокий процент предельных пошлин. Другие защитные меры, применяемые ЕС, – нетаможенные ограничения на ввоз сельскохозяйственной продукции, очевидно невыгодные для аргентинской стороны. В их числе – тарифные квоты, санитарные и фито-

санитарные нормы, нормы маркировки, отслеживаемость происхождения товара, меры по поддержанию цен, прямые субсидии и экспортные субсидии.

Как отмечалось в том же исследовании, с политической точки зрения наиболее удачным, хотя и не идеальным решением этого чувствительного для обеих сторон вопроса могли бы стать тарифные квоты при увеличении их числа для Аргентины или двусторонние преференциальные квоты.

Тем не менее в первое десятилетие XXI в. переговоры ЕС–Меркосур не имели успеха. Более того, с 2004 по 2010 г. они были практически заморожены из-за разногласий по вопросам торговли сельскохозяйственной продукцией в рамках Дохийского раунда переговоров в ВТО, когда представителям развитых и развивающихся государств не удалось договориться об условиях доступа на рынки друг друга.

Протекционизм, экспроприации, конфронтация

Период президентства Нестора Киршнера ознаменовался частичным возвращением к политике дирижизма¹ и импортозамещения. Новое правительство использовало тарифные и нетарифные ограничения на импорт, налоги на экспорт, ограничение цен на продовольствие на внутреннем рынке, завышенный валютный курс – все это должно было способствовать поддержанию внутренних цен на продукцию аграрного сектора для обеспечения населения дешевыми продуктами питания и осуществлению контроля над продовольственной инфляцией [Семенов, 2015, с. 90].

Сменившая Нестора Киршнера на президентском посту Кристина Фернандес де Киршнер (2007–2015) продолжила этот курс, радикализировав перечисленные тенденции. Во время ее правления заметно усилилась националистическая риторика, в том числе во внешней политике, укрепился общий антиимпериалистический дискурс, сложился конфронтационный стиль ведения

¹ Дирижизм (англ. *dirigism*) – от франц. *dirigisme* – форма проявления экономического активизма, политики активного вмешательства государства в управление экономикой. Возник в середине XX в. во Франции. – Прим. ред.

дел, который становился все более резким в годы ее второго президентского срока (2011–2015). Такая политика Буэнос-Айреса оказывала большое влияние на положение дел внутри Меркосур и пагубно сказывалась на диалоге между блоком и ЕС.

Переговоры о создании ЗСТ ЕС–Меркосур были перезапущены во время саммита ЕС–ЛКА в 2010 г. при активном посредничестве Испании, председательствовавшей в Евросоюзе. При этом Франция, получавшая от ЕС самые большие сельскохозяйственные субсидии, и девять других государств¹ выразили мнение, что потенциальное соглашение принесет убытки их аграрному сектору. К тому же партнеры по переговорам из Меркосур, приветствуя их возобновление, вовсе не спешили открывать свои рынки.

Для диалога ЕС–Меркосур 2012 г. стал особенно трудным. О протекционизме Аргентины заговорили на мировом уровне. В марте в Совет по товарам ВТО было подано совместное заявление Евросоюза, США и ряда других стран, в котором высказывалась озабоченность аргентинской политикой ограничения импорта и выражалась надежда на ее отмену. В документе отмечалось, что начиная с 2008 г. Буэнос-Айрес постоянно расширял список товаров, подпадающих под ограничительные меры, которые, будучи непрозрачными, наносят ощутимый урон репутации Аргентины среди экспортеров и инвесторов. В заявлении говорилось и о том, что в ответ на поступающие ранее от торговых партнеров сигналы Аргентина не только не отменила введенные импортные ограничения, но увеличила их число [Joint statement., 2012].

С 2013 г. в Аргентине начал действовать максимальный разрешенный ВТО тариф в 35% на импорт 100 наименований продукции извне Меркосур. Таким образом аргентинское правительство рассчитывало защитить свою экономику от последствий глобального кризиса на фоне неустойчивости международной торговли. Власти Аргентины давали понять, что в стране неофициально проводится политика «сбалансированной торговли»: компании, желающие импортировать иностранные товары, должны были обес-

¹ Австрия, Венгрия, Греция, Ирландия, Кипр, Люксембург, Польша, Румыния, Финляндия.

печить экспорт как минимум на такую же сумму. Подобные шаги были логичным следствием заявлений, звучавших на саммите Меркосур–ЕС в Лиме в 2008 г.: Кристина Фернандес де Киршнер много говорила об асимметричности торговых связей между интеграционными объединениями, ведущими переговоры, а также между входящими в них странами. Аргентинский президент подчеркивала, что для каждой из сторон необходимо учитывать эффект соглашений по конкретным шагам, касающимся изменения пошлин и тому подобных мер [Fernández de Kirchner, 2008].

Если взглянуть на график динамики торгового баланса между ЕС и Меркосур в целом в 2006–2016 гг., можно видеть, что именно с 2008 г., когда началось расширение ограничений, наблюдается выравнивание торгового баланса европейского импорта-экспорта в страны южноамериканского блока, а с 2012 г. отрицательные значения баланса сменяются положительными (рис.). Очевидно, что опасения аргентинской стороны по поводу своего «ухода в минус» были небезосновательны, а ограничительные меры оказали должное воздействие, сделав изменения более плавными.

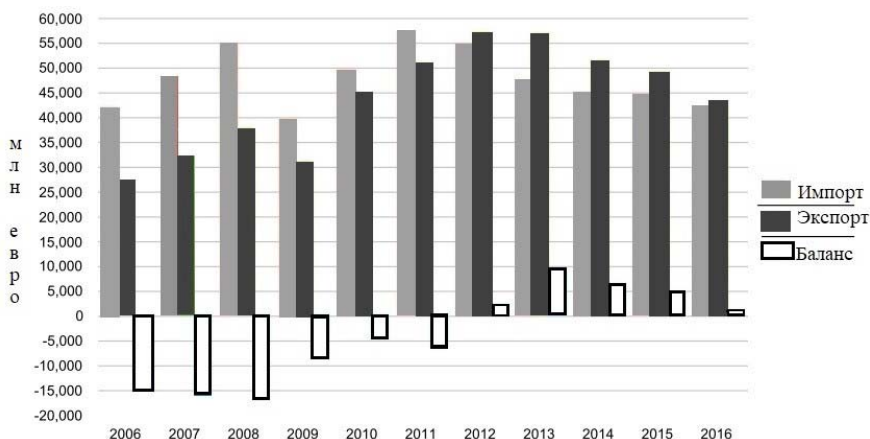

Рис. Торговля ЕС с Меркосур в 2006–2016 гг.

Источник: [European Union..., 2017, р. 3].

Тем не менее протекционистские меры противоречили не только нормам ВТО, но и уставу самого Меркосур, согласно кото-

рому страны-члены должны способствовать свободному хождению товаров и снижению таможенных пошлин и других видов ограничений внутренней торговли [Tratado., 1994]. Проведение протекционистской политики пагубно сказалось на внутренних показателях объединения и стало одной из «закоренелых» проблем Меркосур. Здесь следует отметить, что устав Меркосур был написан в начале 1990-х годов, при создании этого южноамериканского блока. Однако в начале нового тысячелетия в региональной интеграции произошли большие изменения, затронувшие Меркосур и сказавшиеся на характере объединения и его повестке.

Приход к власти в ряде стран Латинской Америки левых и левоцентристских режимов¹, их фактический отказ от политики свободного рынка и в целом распространение идей «социализма XXI века» знаменовали переход к новой, третьей стадии региональной интеграции, впоследствии охарактеризованной как «шпоралистический», «социально-политический» или «постлиберальный» регионализм. Необходимость изменения стратегии интеграции была вызвана идеологическими различиями в понимании сущности и целей региональной интеграции у правительств неолиберального и левого толка.

«Чисто экономическая» интеграция была объявлена несостоятельной, не отвечающей потребностям латиноамериканских народов, их стремлению к обретению полной независимости, к равноправию и повышению своего статуса на международной арене. В результате в качестве ответов на перечисленные вызовы были выдвинуты новые инициативы в области интеграции, основывающиеся на принципах равноправия и солидарности народов, взаимодополняемости экономик, поликультурности. Помимо сотрудничества в сфере торговли, первостепенное значение приобрело взаимодействие в социальной, политической и культурной областях. При этом важная роль отводилась идеологической близости правящих режимов, а в экономическом плане предпочтение отдавалось государственному капитализму [Гриценко, 2013, с. 44–45].

¹ Венесуэла, Бразилия, Аргентина, Боливия, Уругвай, Никарагуа, Эквадор, Чили.

Меркосур, изначально созданный как чисто экономическое объединение, нуждался в обновлении интеграционной стратегии, чтобы соответствовать требованиям нового времени. В этом процессе не последняя роль отводилась Венесуэле, принятой в состав Меркосур при активном посредничестве Аргентины в июле 2012 г. без согласия парагвайской стороны¹, – это стало одним из наиболее противоречивых решений членов Меркосур за всю историю существования блока.

Присоединение Венесуэлы затруднило переговоры с ЕС, поскольку линия, проводимая правительством Боливарианской Республики, представляла слишком большой контраст с политикой свободной торговли, в которую вписывалась идея о создании ЗСТ и которой традиционно придерживался Меркосур со времени своего возникновения.

При этом никак нельзя было сказать, что Венесуэла на момент принятия в Меркосур соответствует условиям вступления. Уровень инфляции в стране был огромен (20,1% в 2012 г. только по официальным данным), курс национальной валюты к доллару США непомерно завышен, государственная система в большой степени бюрократизирована (141 день на открытие частного предприятия в Венесуэле против 26 дней в Аргентине), уже ощущалась нехватка продуктов питания, существовали высокие тарифные ограничения. Политика протекционизма и государственного субсидирования была нормой для правительства Боливарианской Республики, но служила барьером для доступа продукции государств – партнеров по Меркосур на венесуэльский рынок, не говоря о европейских поставщиках. Известный испанский исследователь Карлос Маламуд писал, что с присоединением Венесуэлы подписание межрегионального соглашения ЕС–Меркосур, и без того казавшееся нелегкой задачей, превратилось в намного более сложную миссию с неясным будущим [Malamud, 2012].

Тем не менее принятие в блок Венесуэлы было выгодно Аргентине и, равно как резонансное приостановление членства Пара-

¹ Членство Парагвая, возражавшего против принятия в Меркосур Венесуэлы, было временно приостановлено в июне 2012 г., после чего присоединение Венесуэлы стало возможным. – Прим. ред.

гвая, произошло во время ее председательства в Меркосур. Венесуэла в то время была седьмым рынком сбыта для аргентинского экспорта и одним из главных политических партнеров Аргентины. Вступление страны в блок сулило Аргентине немалые выгоды при закупке энергоносителей (или получении их в обмен на другие товары, главным образом – продовольствие) в условиях, когда энергетический кризис стал одной из острейших аргентинских проблем.

Другим обстоятельством, оказавшим негативное влияние на ход переговоров ЕС–Меркосур, стало обострение ситуации, связанной с давним спором между Аргентиной и Великобританией о принадлежности Фолклендских островов, которые Аргентина считает своими и называет Мальвинскими. В 1994 г. в Конституцию Аргентины была включена отдельная статья о том, что Аргентина рассматривает архипелаг как неотъемлемую часть национальной территории и что восстановление суверенитета над Мальвинскими островами при сохранении уважения к образу жизни их жителей и в соответствии с принципами международного права – неизменная цель аргентинского народа [Яковлева, 2012, с. 89].

«Мальвинский вопрос» прочно вошел и в аргентинскую международную повестку. Аргентина систематически поднимала этот вопрос в ООН и на саммитах латиноамериканских региональных объединений. В частности, аргентинская сторона неоднократно выражала недовольство разработкой британцами залежей нефти, обнаруженных близ островов, и наращиванием англо-американского военного присутствия на Фолклендах. При этом в большинстве случаев Буэнос-Айресу удавалось заручиться поддержкой соседей. Например, в 2011 г. аргентинские власти при поддержке Меркосур добились закрытия южноамериканских портов для судов, направляющихся на нефтеразведку у берегов Мальвин, а также закрытия портов стран блока для кораблей, идущих под флагом Фолклендских островов. В ответ британские власти подали жалобу в посольство Аргентины в Лондоне, заявив о нарушении норм международного права [Гриценко, 2012, с. 51, 56].

Чрезвычайно драматическим событием для взаимоотношений Буэнос-Айреса и Мадрида стала экспроприация аргентинским

правительством большей части активов испанской корпорации «Repsol» в совместной аргентино-испанской нефтегазовой компании «YPF/Repsol» в апреле 2012 г. (см.: [Яковлева, Яковлев, 2012 а; Яковлева, Яковлев, 2012 б]). Это резонансное событие вызвало беспрецедентную напряженность в отношениях Аргентины с Испанией, чьи ведущие компании и банки являются крупнейшими зарубежными инвесторами в аргентинскую экономику. Стоит ли говорить, что испанские власти приложили максимум усилий для оказания давления на аргентинское руководство, в том числе и со стороны Евросоюза, который в итоге пошел на введение некоторых ограничений в торговле с Аргентиной.

Партнеры Аргентины по Меркосур – Уругвай и Бразилия, – правительства которых в то время занимали позицию, идеологически близкую аргентинской, – в целом приняли экспроприацию активов «Repsol» достаточно позитивно, не говоря о правительстве Венесуэлы под руководством У. Чавеса, которое и само было «лидером» Латинской Америки по национализациям.

Национализация активов «YPF/Repsol» была самой громкой, но не единственной кампанией аргентинского правительства, затронувшей интересы Испании. Ранее, в 2006 г., в Аргентине были ренационализированы предприятия компании по водоснабжению «Agua Argentinas», в которой частью активов владела испанская корпорация «Agbar»; в 2008 г. – проведена национализация частных пенсионных фондов, один из которых принадлежал испанской банковской группе BBVA, а также национализирована компания «Aerolíneas Argentinas» с участием испанского консорциума «Grupo Marsans».

Резюмируя, можно сделать вывод, что проводившаяся правительством Кристины Фернандес де Киршнер де-факто конфронтационная политика в отношении стран Запада, результаты которой столь негативно сказывались на зарубежных партнерах, не способствовала созданию имиджа Аргентины как стабильного государства с устойчивым развитием, в экономику которого можно безбоязненно инвестировать средства. Действия Буэнос-Айреса препятствовали дальнейшему продвижению переговоров ЕС–Меркосур, возобновленных по инициативе европейской стороны.

Переговоры в новом региональном и международном контекстах

После победы на президентских выборах в Аргентине в конце 2015 г. предпринимателя и политика Маурисио Макри (см.: [Гриценко, 2016]) в политике страны произошел, говоря словами исследователя Н.М. Яковлевой, «переход к старой норме» [Яковлева, 2016, с. 35]. Это означало прежде всего отход от политики этатизма и протекционизма, свойственной предшествующим трем правительствам, и возврат к практике свободного рынка, а в том, что касается международных связей, – их диверсификацию и одновременно ставку на сближение с традиционными аргентинскими партнерами: США и ЕС. Новое руководство страны избрало курс на деидеологизацию и прагматизм, а приоритетами внешней политики объявило развитие торговых отношений, расширение круга партнеров и привлечение зарубежных инвестиций, активное участие в интеграционных объединениях.

С трансформацией внешней политики Аргентины «знак» ее участия в переговорном процессе по созданию ЗСТ ЕС–Меркосур сменился на положительный. Будучи приверженцем свободной торговли, Маурисио Макри во время своей предвыборной кампании выступал за скорейшее возобновление диалога с ЕС при активном участии Розового дома. В первые месяцы работы президент посетил Берлин, Париж и Брюссель, где провел переговоры с канцлером Германии Ангелой Меркель, президентом Франции Франсуа Олландом (2012–2016), Верховным представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности Федерикой Могерини.

По прошествии двух с половиной лет с начала президентского срока Маурисио Макри можно констатировать, что ему удалось сгладить практически все острые углы, возникшие в политическом и торгово-экономическом поле между Аргентиной в составе Меркосур и отдельными членами ЕС и препятствовавшие продвижению переговоров. В частности, наблюдаются определенные подвижки в вопросе, касающемся спорных Фолклендских островов. Хотя проблема не снята с аргентинской политической повестки и тема Мальвин вновь звучит в ООН, дискурс новых властей не вы-

глядит конфронтационным, очевидно желание Розового дома к взаимодействию с Лондоном.

В 2016 г. Аргентина и Великобритания выпустили совместное заявление, в котором, обойдя молчанием вопрос суверенитета, выразили готовность к сотрудничеству в сфере экономики и сглаживанию противоречий в области нефтегазразработки. По-видимому, новые аргентинские власти почувствовали, что в целом более нейтральная официальная риторика, а в отдельных случаях – даже превращение Великобритании в союзника будут куда лучше отвечать национальным интересам, нежели эскалация напряженности. «Наша страна должна понять, что необходимо вести переговоры, защищая свои интересы, но при этом отбросить все атавизмы», – подчеркивала министр иностранных дел Аргентины Сусана Малькорра (2015–2017) [Avanzan..., 2016].

В том же году в интервью испанскому агентству EFE Маурисио Макри, осудив экспроприацию компании «YPF/Repsol», охарактеризовал ее как «конфискацию, которая с течением времени превратилась в экспроприацию», и назвал «злоупотреблением и нарушением Конституции» [Macri..., 2016]. В конечном итоге президент сумел устранить препятствия для развития сотрудничества с Мадридом: в начале 2017 г. во время визита Макри в Испанию стороны подписали более десятка соглашений в различных областях, включая образование, торговлю и туризм, а двусторонние отношения Испании и Аргентины вновь приобрели статус стратегического партнерства [Cuáles..., 2017].

За сменой политического цикла в Аргентине последовали перемены и в политической жизни Бразилии: после импичмента, объявленного президенту Дилме Русеф в 2016 г., пост занял центрист Мишел Темер, поддерживающий идею соглашения с ЕС и ставший главным союзником Маурисио Макри в Меркосур. При активном участии Аргентины и Бразилии во главе с новыми лидерами страны южноамериканского блока приостановили членство Венесуэлы в связи с невыполнением ею норм организации, а затем исключили ее из Меркосур на неопределенный срок.

Новые предпосылки для дальнейшего продвижения переговоров появились после решения Великобритании о выходе из со-

става ЕС (2016) и прихода к власти в США Дональда Трампа (2016). Как пишет П.П. Яковлев, «протекционистский курс Дональда Трампа прибавил аргументов в пользу соглашения о свободе торговли между Меркосур и Евросоюзом. Оказавшись под угрозой санкций со стороны Вашингтона, европейцы и латиноамериканцы нашли компромиссные решения вопросов, ранее казавшихся тупиковыми. Прежде всего это касалось более широкого допуска сельскохозяйственных товаров стран – членов Меркосур на рынки ЕС и промышленной продукции европейских предприятий на рынки Южной Америки. Кроме того, было достигнуто понимание в вопросах защиты инвестиций, охраны интеллектуальных прав и свободного участия в тендерах, организуемых государством» [Яковлев, 2017, с. 98].

Для Европы ощутимым толчком на пути к компромиссу стали трудности на переговорах по заключению Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП) [Тайар, 2017] – планируемого соглашения о свободной торговле между ЕС и США, обусловленные курсом американского президента на протекционизм. Изменение международной экономической повестки придает переговорам ЕС–Меркосур дополнительное значение, поскольку Евросоюз во главе с Германией намерен позиционировать себя в качестве главного мотора свободной торговли на мировой арене в противовес протекционистской политике и антиглобалистской риторике Соединенных Штатов под руководством Дональда Трампа.

Переговорный процесс ЕС–Меркосур был перезапущен в октябре 2016 г., а в октябре 2017 г. европейская сторона внесла пакет предложений, где среди прочего были указаны импортные квоты для Меркосур, – в частности, на 70 тыс. тонн говядины (менее 1% от совокупного потребления в ЕС) и 600 тыс. тонн этанола, – которые показали южноамериканским партнерам недостаточными. Тем не менее была поставлена амбициозная задача – заключить соглашение в декабре 2017 г. к открытию XI министерской конференции стран ВТО в Аргентине. И хотя эта задача не была выполнена, в настоящее время стороны отмечают сближение позиций по спорным вопросам: ЕС выражает готовность увеличить квоты, но в обмен хочет иметь более широкий доступ на рынки услуг и государ-

ственных контрактов Меркосур. В Брюсселе утверждают, что соглашение близко к подписанию как никогда ранее и что за последний год на переговорах был достигнут больший прогресс, чем за весь предыдущий период. Продвижению в работе способствует и то, что европейские и южноамериканские партнеры действуют под девизом «сейчас или никогда»: спешка объясняется благоприятной для переговоров политической картиной в Меркосур, сложившейся впервые за много лет.

Тем не менее в ЕС существуют и противники увеличения импорта извне. Это прежде всего Франция, которая, опасаясь за судьбу своего аграрного сектора, требует установить лимит для сельскохозяйственных квот, а также Ирландия и Бельгия. В этой связи очевидно, что потенциальное соглашение не будет предусматривать «абсолютно» свободной торговли.

Что же касается южноамериканского блока, то сейчас Меркосур, как и Аргентина, в какой-то степени вернулся к «старой норме»: по сути, на первый план вновь вышла торговая повестка. Во время 51-го саммита Меркосур (декабрь 2017 г.) Маурисио Макри заявил, что в настоящее время Меркосур – самый изолированный и протекционистский блок в мире и что такое положение дел ведет к усугублению бедности в странах-участницах. Президент Аргентины призвал к углублению интеграции, подчеркнув важность заключения соглашения ЕС–Меркосур, а также тесного сотрудничества с Тихоокеанским альянсом¹ [Armendáriz, 2017]. На XI министерской конференции стран ВТО (декабрь 2017 г.), проходившей под председательством Аргентины, десять латиноамериканских государств – Аргентина, Бразилия, Уругвай, Парагвай, Мексика, Чили, Колумбия, Перу, Гайана, Суринам – подписали декларацию в защиту открытой торговли и ее прозрачности [Declaración., 2017].

Итак, при всех сложностях, с которыми сталкиваются участники переговоров о заключении соглашения о свободной торговле между Евросоюзом и Меркосур, в настоящий момент существует политическая воля к достижению консенсуса и благоприятная

¹ Торговый блок в составе Мексики, Чили, Перу и Колумбии.

конъюнктура. Сочетание этих обстоятельств значительно увеличивает шансы подписания договора.

В случае достижения согласия между сторонами документу предстоит долгий путь ратификации парламентами всех стран-участниц, после чего в течение 10–15 лет ожидается постепенное открытие рынков и снижение торговых барьеров примерно для 10 тыс. наименований товаров. Остается надеяться, что потенциальное соглашение будет обоюдовыгодным для Меркосур и ЕС и действительно создаст условия для роста производства, а также рабочие места в странах-участницах по обе стороны Атлантики.

Список литературы

Гриценко И.А. 30 лет спустя: Эскалация напряженности в Южной Атлантике // Латинская Америка / РАН. ИЛА. – М., 2012. – № 5. – С. 50–58.

Гриценко И.А. Кризисные явления в Меркосур и позиция Аргентины // Ученые записки Российского государственного социального университета. – М., 2013. – № 3 (116). – С. 42–49.

Гриценко И.А. Куда повернет новый президент? // Латинская Америка / РАН. ИЛА. – М., 2016. – № 4. – С. 58–67.

Семенов В.Л. Аргентина на международных рынках продовольствия: Прошлое и настоящее // Латинская Америка на мировом рынке продовольствия / РАН. ИЛА; Отв. ред. П.П. Яковлев. – М., 2015. – С. 77–109.

Сударев В.П. Латинская Америка: Новые геополитические вызовы / МГИМО. – М., 2015. – 292 с.

Тайар В.М. Евросоюз – Латинская Америка: Контуры межрегионального партнерства в XXI веке // Современная Европа / РАН. ИЕ. – М., 2015. – № 2. – С. 72–84.

Тайар В.М. Трансатлантический проект и его возможные последствия для Латинской Америки // Латинская Америка на переломе глобальных и региональных трендов / РАН. ИЛА; Отв. ред. В.П. Сударев, Л.Н. Симонова. – М., 2017. – С. 148–172.

Яковлев П.П. Интеграция в Латинской Америке: Центроостремительные и центробежные тренды // Контуры глобальных трансформаций: Политика, экономика, право. – М., 2017. – Т. 10, № 4 (55). – С. 86–100.

Яковлева Н.М. Аргентина: Переход к «старой норме»: Итоги президентских выборов 2015 г. // Латинская Америка / РАН. ИЛА. – М., 2016. – № 2. – С. 35–49.

Яковлева Н.М. «Мальвинский вопрос» в аргентинской политике // Латинская Америка / РАН. ИЛА. – М., 2012. – № 6. – С. 88–94.

Яковлева Н.М., Яковлев П.П. Большая нефтяная игра: Причины и последствия национализации компании YPF // Латинская Америка / РАН. ИЛА. – М., 2012 а. – № 11. – С. 79–93.

Яковлева Н.М., Яковлев П.П. Большая нефтяная игра: Причины и последствия национализации компании YPF // Латинская Америка / РАН. ИЛА. – М., 2012 б. – № 12. – С. 27–42.

Armendáriz A. Macri: «El Mercosur es el bloque más aislado y proteccionista del mundo y eso profundizó la pobreza en nuestros países» // La Nación. – Buenos Aires, 2017. – 21.12. – Mode of access: <https://www.lanacion.com.ar/2094414-macri-el-mercotur-es-el-bloque-mas-aislado-y-protec-cionista-del-mundo-y-eso-profundizo-la-pobreza-en-nuestros-paises> (Дата обращения – 08.03.2018).

Avanzan las negociaciones para que retornen los vuelos directos a las Islas Malvinas // Infobae. – Buenos Aires, 2016. – 13.09. – Mode of access: <https://www.infobae.com/politica/2016/09/13/avanzan-las-negociaciones-para-que-retornen-los-vuelos-directos-a-las-islas-malvinas/> (Дата обращения – 08.03.2018).

Carciofi R., Campos R. Unión Europea – Mercosur: Una negociación con final abierto. – Buenos Aires, 2016. – 18 p. – Mode of access: <https://joseovidioflores.files.wordpress.com/2010/12/mercotur-y-ue.pdf> (Дата обращения – 08.03.2018).

Countries and regions: Mercosur / European Commission. – Brussels, 2018. – Mode of access: <http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/regions/mercotur/> (Дата обращения – 08.03.2018).

Cuáles son los 12 acuerdos que firmaron Macri y Rajoy para profundizar su asociación estratégica // La Nación. – Buenos Aires, 2017. – 23.02. – Mode of access: <https://www.lanacion.com.ar/1987284-cuales-son-los-12-acuerdos-que-firmaron-macri-y-rajoy-para-profundizar-su-asociacion-estrategica> (Дата обращения – 08.03.2018).

Declaración Presidencial de Buenos Aires / Ministerio de relaciones exteriores y culto. – Buenos Aires, 2017. – 10.12. – Mode of access: <https://www.mrecic.gov.ar/declaracion-presidencial-de-buenos-aires> (Дата обращения – 08.03.2018).

European Union, trade with Mercosur 5 / European Commission; Directorate-General for trade. – Brussels, 2017. – 10 p. – Mode of access: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_113488.pdf (Дата обращения – 08.03.2018).

Fernández de Kirchner C. Discurso en la Cumbre del Mercosur-UE 2008 // Cristina Fernández de Kirchner: Unidad ciudadana. – Buenos Aires, 2008. – 17.05. – Mode of access: <http://www.cfkargentina.com/discurso-de-cfk-en-la-cumbre-del-mercosur-ue-2008/> (Дата обращения – 08.03.2018).

Joint statement on Argentina's import restricting policies and practices / Office of the United States trade representative. – Geneva, 2012. – Mode of access: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2012/march/joint-statement-argentinass-import-restricting-policies> (Дата обращения – 08.03.2018).

Macri: «La expropiación de YPF a Repsol fue un abuso y una violación de la Constitución» // El Español. – Madrid, 2016. – 15.09. – Mode of access: https://www.elespanol.com/economia/empresas/20160915/155734776_0.html (Дата обращения – 08.03.2018).

Malamud C. UE y Mercosur: Negociaciones sin futuro / Real Instituto Elcano. – Madrid, 2012. – 27.09. – Mode of access: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/web/rielcano_es/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/ari61-2012_malamud_ue_mercosur (Дата обращения – 08.03.2018).

Oportunidades y amenazas para la Argentina de un acuerdo Mercosur-Unión Europea: Un estudio de impacto sectorial / Centro de economía internacional (CEI). – Buenos Aires, 2003. – 111 p. – (Estudios del CEI; N 3). – Mode of access: <http://www.cei.gob.ar/userfiles/3%20SERIE%20DE%20ESTUDIOS.pdf> (Дата обращения – 08.03.2018).

Tratado para la constitución de un mercado común entre la República Argentina, la República Federativa del Brasil, la República del Paraguay y la República Oriental de Uruguay / Mercosur/Mercosul. – Ouro Preto, 1994. – Mode of access: http://www.mercosur.int/innovaportal/file/719/1/CMC_1991_TRATADO_ES_Asuncion.pdf (Дата обращения – 08.03.2018).

Е.О. Шебалина

Латиноамериканский фактор в формировании подхода Папы Франциска к региональным и мировым проблемам

Аннотация. Система взглядов нынешнего главы Святого престола на Латинскую Америку, Европу и вопросы демократии при присущей ей преемственности отличается новизной и критическим подходом. В статье анализируется политика Папы Франциска по данным вопросам через призму латиноамериканского фактора. Делается вывод о его значительной роли в формировании идей понтифика, его пристальном внимании к региону, а также вопросам демократии и критическому взгляду на интеграционные процессы в Европе.

Abstract. Political paradigm of the current head of the Holy See on Latin America, Europe and issues of democracy, is characterized by novelty and critical approach along with its inherent continuity. The article analyzes the policy of Pope Francis on the abovementioned issues through the prism of the Latin American factor. The article outlines its significant role in the formation of the political ideas of the pontiff, his close attention to the region, as well as issues of democracy and a critical view on the integration processes in Europe.

Ключевые слова: Святой престол, Европа, Латинская Америка, европейская интеграция, демократия, мягкая сила, религия.

Keywords: Holy See, Europe, Latin America, European Integration, democracy, soft power, religion.

Взошедший на престол в 2013 г. Папа Франциск опирается на глобальный подход в международных делах и расширяет гео-

графию интересов Святого престола. Несмотря на это, европейский континент остается традиционной сферой влияния Римско-католической церкви. Именно здесь формировались на протяжении веков ее традиции, нравы и устои, зародилась христианская цивилизация. Однако нынешний Папа придерживается принципиально нового взгляда на Европу и ЕС в отличие от своих предшественников, что объясняется несколькими обстоятельствами. В первую очередь, речь идет о латиноамериканской среде, в которой шло формирование взглядов нового Папы. Будучи выходцем с другого континента, Папа имеет возможность видеть проблемы Европы и Европейского союза (ЕС) сквозь призму Латинской Америки (ЛА).

При этом Хорхе Марио Бергольо происходит из семьи итальянских мигрантов, что также повлияло на формирование его взглядов о европейском континенте. Таким образом, Папа Франциск смотрит на Европу сразу с трех точек зрения: с позиции выходца из ЛА, с точки зрения члена семьи мигрантов, вынужденных покинуть Европу, а также с точки зрения римского понтифика, главы всей католической церкви, находящегося в самом центре европейского континента, стране, связывающей Европу и Средиземноморье. Многие исследователи образно сравнивают Папу Франциска с Фернаном Магелланом [Caracciolo, Riccardi, 2017, p. 86–90]. Данные факторы служат объяснением того, почему свои первые поездки в Европу Папа совершает в периферийные города, такие как Лампедуза, Тирана, Лесбос, Лунд.

В отличие от своих предшественников, Бенедикта XVI, родившегося и выросшего в Баварии, или же Иоанна Павла II, поляка, который на протяжении всей жизни был свидетелем геополитического раскола Европы, Хорхе Марио Бергольо не был личным свидетелем ни «железного занавеса» в Европе, ни холодной войны. Отчасти именно поэтому, по мнению Франциска, задача состоит не в том, чтобы объединить Европу с помощью внешних рычагов воздействия, а в том, чтобы заставить интеграционные механизмы ЕС работать изнутри, на институциональном уровне. Папа образно говорит о необходимости возродить «душу» Европы, понимая под этим постоянное присутствие католической церкви и христиан

[Caracciolo, Riccardi, p. 86–90]. Нынешний понтифик воспринимает Европу не как политический субъект или объект, но как политический проект. При этом понтифик уделяет большое внимание политической и социальной сфере в странах ЛА и во многом видит именно в ней будущее развития планеты. Такой подход обусловлен тем, что Папа не ассоциирует себя напрямую с Европой и предлагает мировому сообществу более широкий взгляд на происходящее в мире.

Несмотря на критические высказывания в отношении нынешнего состояния ЕС и Европы в целом, весной 2016 г. Франциск получает престижную международную премию Карла Великого (англ. Charlemagne Prize) за вклад в объединение Европы и защиту европейских ценностей. Изучение выступления на церемонии награждения позволяет сделать вывод о том, что тон главы Римско-католической церкви в отношении Европы стал более настойчивым. Папа обвиняет Европу в «усталости и старости», а также в отдалении от идей отцов – основателей ЕС – Робера Шумана, Альчиде де Гаспери, Конрада Аденауэра. Более того, в подтверждение приверженности «разрешать проблемы и кризисы на местах», как и в случае с проблемами защиты окружающей среды и климата, первоиерарх высказывает тезис о дипломатии европейских городов как влиятельном и необходимом факторе системы международных отношений. По его мнению, город может стать местом «настоящей, живой и эффективной политики» [Папа римский назвал.., 2014].

Таким образом, он предпринимает попытку вернуть идею о дипломатии городов, а также парадипломатии в качестве эффективных инструментов в решении проблем регионального и международного значения. На основе анализа данного вопроса представляется целесообразным предположить, что на позицию Папы в очередной раз влияет идея Ордена иезуитов, научно выраженная немецким философом и теологом Эрихом Прзивара¹ о том, что «идея создания единой Европы должна исходить не из теоретиче-

¹ Один из ярких выразителей позиции Августина в современном католицизме. См.: [Степанова, 2007].

ских программ политических партий, а из идеи сотрудничества городов-полисов» [Przywara, 2013, p. 76].

В контексте создания единой Европы Франциск отводит ключевую роль церкви, а также формированию в соответствии с христианскими ценностями молодого поколения. При этом основой для сплоченной Европы должен стать диалог. Только при соблюдении этих условий Европа сможет снова стать субъектом международных отношений, способным разрабатывать новые идеи и эффективно отвечать новым вызовам и угрозам.

Позиция Франциска в отношении Европы заключается также в том, что импульс развития Европы состоит в открытости ЕС всему мировому сообществу. В первую очередь имеется в виду позиция ЕС по отношению к европейскому миграционному кризису. Прием беженцев европейскими странами является ключевой идеей Папы Франциска, свидетельством чего является упоминание о проблеме практически в каждом разговоре о ЕС. Со своей стороны он призывает каждый приход принять как минимум одну семью мигрантов. Из поездки на остров Лесбос Папа Римский привез с собой в знак подтверждения собственной позиции 12 беженцев, которых дал указание поселить в Ватикане [Papa Francesco con 12 musulmani., 2018]. Анализ дает основание полагать, что данная позиция понтифика стала причиной напряженных отношений с местным католичеством, в первую очередь в Венгрии. Святой престол жестко критикует подход, в соответствии с которым миграционная проблема, а также другие узлы напряженности в международных отношениях решаются через призму исключительно национальных интересов. У самого Ватикана, исходя из того, как он сам себя позиционирует, нет национальных интересов в узком смысле этого понятия. Однако если попытаться их гипотетически сформулировать, то ими становятся защита христиан и человека как личности во всем мире.

Ватикан признает «незаконным» использование христианских ценностей для построения закрытых обществ с замкнутой идентичностью. Стоит заметить, что сам термин «христианских основ» используется Франциском, в отличие от своих предшественников, в другом ключе. Тема «европейских основ» (или «кор-

ней», как называет их понтифик) активно использовалась Святым престолом во время понтификата Иоанна Павла II и Бенедикта XVI, когда ватиканской дипломатической службой предпринимались безуспешные попытки внедрять концепцию «христианских основ» в проект Европейской конституции, также потерпевший неудачу на референдуме в 2004 г. [Hussein, 2005].

Сильная сторона Франциска состоит в том, что, несмотря на то что его мнение по отношению к Европе является взглядом со стороны, оно не представляется чуждым европейским лидерам и населению Европы, в том числе не только католической. При этом Франциска кардинально отличается от двух предыдущих пап (Бенедикта XVI и Иоанна Павла II) то, что он не считает судьбу Европы определяющей для дальнейшего пути развития христианства, в частности католицизма, а также развития всего мирового сообщества. Отчасти это можно объяснить тем, что взгляды обоих предшественников Папы Франциска были сформированы наследием Второй мировой войны. Также первая половина XX в. Европы представляла собой источник крупных человеческих ресурсов католической церкви для осуществления ее политики в мире: именно из Европы миссионеры отправлялись в отдаленные районы планеты для проведения политики католической церкви. Папы-европейцы отдавали себе отчет в важнейшей роли Европы. Значителен и внутренний фактор: Святой престол переживал период сложных отношений с Италией на протяжении первой половины XX в. и нуждался в Европе в качестве поддержки. Папа Пий XII выступил за объединение первой шестерки стран будущего ЕС.

Такой проект отчасти соответствовал интересу католической церкви по созданию союза католических европейских стран. Все папы-итальянцы были ярко выраженными европеистами, так же как правящий класс Италии, – европейская интеграция давала им шанс преодолеть собственное нестабильное положение и решить внутренние проблемы [Durand, 2002]. В отличие от этого, факт, что Папа Берголье прожил большую часть жизни в ЛА, там же получил образование и начал служение, позволяет ему взглянуть на проблемы Европы более широко и более критично. Свидетельством отличного подхода Святого престола к Европе являются три глав-

ных послания Франциска к Европе и ЕС: заявление понтифика в стенах Европарламента в Страсбурге, в котором он жестко раскритиковал состояние европейского сообщества, заявив, что Европа «производит впечатление чего-то престарелого и изможденного», и призывает объединить усилия, чтобы «построить Европу, которая вращается не вокруг экономики, а вокруг святости человеческой личности и неотъемлемых ценностей, которая мужественно принимает свое прошлое и уверенно смотрит в будущее, не теряя надежду в настоящем, отказаться от Европы, которая замкнута на себе, возродить ее лидерство в науке, искусстве, человеческих ценностях, так же как и в вере» [Francesco, 2014]; обращение к Ассамблее Совета Европы, в котором Римский первоиерарх просит «вернуться к своим корням, чтобы построить мирное будущее в духе диалога с миром», а также речь в ходе вручения премии Карла Великого 6 мая 2016 г.

Нынешний первоиерарх предлагает мировым лидерам рассматривать траекторию мирового развития не только с позиции евроцентристских подходов, при этом не отрицая важность последних. Папа умело сочетает критику Европы и в то же время свою поддержку ей. По поводу самой Европы он говорит, что она должна сочетать в себе единство и разнообразие. Фактически Святой престол предлагает европейским странам альтернативный путь выхода из политического кризиса, построенный на уважении международного права, истории и традиционных ценностей.

Святой престол – видение современной демократии

На данный момент в политологическом сообществе широко обсуждаются вопросы кризиса мировой политической системы в целом и кризис демократии, лишенной четких принципов в частности. Кризис демократии, по словам исследователей [Мельвиль, 2015, с. 272–289], выражается в первую очередь в отсутствии эффективности демократических систем, а также в кризисе доверия населения демократическим институтам и политическим элитам.

В понимании Папы Франциска, кризис демократии исходит из самой идеологии современности, в соответствии с которой человек – существо радикально свободное и «утилитарное». По сути,

приходится говорить об анархическом и ультраутилитарном либерализме, развитие которого ставит под угрозу этическую сторону демократии и самой свободы как концепции. Сейчас мировое сообщество скорее живет не в эпоху перемен, а в эпоху «смены эпох». В мире происходит нарушение политического и экономического равновесия, накладывающееся на перемещение центра силы из Европы. В этом контексте мы говорим о большей глобализации и взаимосвязанности субъектов международных отношений. Признавая положительные эффекты этих феноменов, нельзя отрицать, что мировое сообщество на данный момент не имеет эффективных рычагов управления процессами глобализации. В повестке дня политики и дипломатии Святого престола это имеет большое значение, считающего крайне необходимым ввести этическую составляющую в экономическую и технологическую жизнь общества. Святой престол видит разрешение кризиса в решении вопроса взаимосвязи демократии и свободы.

Кардинал Бергoglio еще за несколько месяцев до своего избрания заявил о необходимости «вернуть контроль над демократией» [Bergoglio, 2014]. Представляется уместным проанализировать идеи и предложения Святого престола по данному вопросу, которые выражаются в его речи в Парламенте Европы [Francesco, 2014], Совете Европы [Francesco, 2014 a], на пленарном заседании Конгресса США [Francesco, 2015], в ООН [Francesco, 2015 a], а также в ходе визитов в Африку и Мексику. Святой престол не придерживается принципиально новой концепции о «возврате демократии», а призывает вернуться к корням первоначального «проекта». Это должно происходить посредством реформирования государственных учреждений, а также процедурных правил, которые бы ставили население в центр внимания. При этом под населением в данном случае понимается совокупность свободных граждан, объединенных едиными морально-этическими принципами, несущих гражданскую ответственность и участвующих в процессе представительства населения в руководящих структурах [Francesco, 2016].

По мнению Святого престола, демократия не может быть достигнута только на политическом уровне, прежде необходимо выработать демократические принципы на гражданском и эконо-

мическом уровнях. Папа выступает против агрессивной формы современного капитализма, считая, что он влечет за собой радикализацию индивидуализма, что в свою очередь ведет к смене парадигмы «свободы для всех» к идеологии «свободы для немногих». Также Святой престол видит опасность в том, что агрессивный капитализм в финансовой сфере ведет к цели получения прибыли в краткосрочной перспективе, не концентрируясь на долгосрочной. Позиция Франциска заключается в том, что если понятие гражданина отождествляется и сводится исключительно к понятию индивида, а свобода ограничивается только ненарушением прав других, то общество начинает испытывать недостаток так называемых «этических ресурсов» [Piana, 2014], необходимых для построения устойчивых взаимосвязей в обществе, для сплоченности политического руководства и населения, усиления демократических принципов сосуществования, так называемого «социального капитала», а также устойчивого развития.

Таким образом, основной подход Святого престола касательно вопросов демократии заключается в необходимости перейти от демократии «низкой интенсивности» к демократии «высокой интенсивности», которая, по мнению Ватикана, должна быть инклюзивной, социально справедливой, представительной [Francesco, 2013]. Франциск убежден, что глобализация и демократия «низкой интенсивности», с одной стороны, снизила бедность определенного класса общества, но, с другой – способствовала усилению неравенства внутри самих государств.

Современная демократия также страдает от дефицита политической составляющей, выражающегося в отсутствии инструментов продвижения идеи общего блага [Torinelli, Galeazzi, 2015]. Политика стала трансформироваться в инструмент борьбы за власть и интересы отдельных людей. Хорхе Марио Бергольо утверждает, что в нынешней политике, как мировой, так и региональной, не созданы противовесы бедности и неравенству [Bergoglio, 2014]. Святой престол призывает «реабилитировать» политику, которая бы включала в себя власть народа и способствовала выходу политических партий из кризиса [Francesco, 2015].

Главными препятствиями на пути к достижению демократии «высокой интенсивности» Святой престол считает неоиндивидуализм, приобретающий в современных международных отношениях анархический характер, «неоутилитаризм», примат экономики над политикой и агрессивные формы глобализации и монетизации экономики и технократии.

Относительно современной экономики позиция Святого престола заключается в следующем: первая задача – поставить экономику на службу народам. Экономика не должна быть механизмом для накопления (денег от продажи) товаров, а надлежащим инструментом управления нашего общего дома. Это влечет за собой обязательства по уходу за этим домом и обязанность распределения своих товаров среди всех. Это не только обеспечение запаса пищи или «достойного» «хлеба насущного». Также нужна гарантия триединства земли, жилья и труда. Действительно общинной экономикой можно назвать экономику христианского вдохновения, она должна обеспечить достоинство народов и их «общее, современное благополучие и процветание».

Исходя из вышесказанного, Святой престол в политике и дипломатии разрабатывает своеобразную дорожную карту по достижению демократии «высокой интенсивности».

1. Новая евангелизация общества (новый гуманизм). Под данной идеей подразумевается новое видение человека и его свободы по принципу отказа от биологического, экономического, социального и другого редуccionизма (сведения сложного к простому или высшего к низшему). Только достигнув интегрального понимания человека, можно перейти к экономике на службе человека, а не денег.

2. Создание новых социальных движений. Это открыто заявил Папа на встречах с представителями социальных движений в Риме и Боливии [Francesco, 2015 a]. Апеллируя к проблеме защиты окружающей среды, он также говорит о необходимости создания глобального экологического движения на пути к достижению демократии «снизу», а также развитию активной гражданской позиции. При этом, несмотря на историческую приверженность тради-

ционализму, Святой престол призывает преодолеть статус-кво и старые привычные схемы.

3. Преодоление экономических неолиберальных доктрин. С этим связана необходимость финансовых реформ на международном уровне, делающих рыночные отношения более свободными, стабильными, прозрачными, неолигархичными.

Проблемы, которые Святой престол считает приоритетными для преодоления

Святой престол исходит из того, что нарастающее неравенство в мировых масштабах представляет собой чрезвычайную кризисную ситуацию, которую международное сообщество не может игнорировать. Особое внимание уделяется вопросам нехватки воды. Франциск говорит о «социальном долге» глав государств перед социально незащищенными слоями населения. Данные акценты папа Франциск делает именно в ходе своих апостольских визитов в Эквадор, Боливию, Парагвай и другие страны ЛА. В ходе визита в Боливию глава Католической церкви устраивает встречу с 1700 общественными движениями со всего мира и в обращении к ним призывает к равномерному распределению благ, произведенных человеком, считая это моральным долгом [Francesco, 2015 a].

Во главу угла он также ставит вопросы климата, призывая мировое сообщество заботиться об «общем доме». Для обсуждения вопросов климата Папа Франциск не собирает мировых лидеров, а предпочитает работать с людьми «на местах». На конференцию, организованную Папской академией наук и посвященную вопросам охраны окружающей среды, понтифик приглашает мэров городов и должностных лиц, отвечающих именно за данные вопросы. Проблемам экологии и защиты окружающей среды посвящена вторая энциклика Папы Римского «*Laudato si*» [Francesco, 2015 a] («Хвала Тебе»), опубликованная 18 июня 2015 г. Документ был положительно воспринят организациями по защите окружающей среды. Ее появление также приветствовали Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, президент Всемирного банка, ответственные за программы по защите природы под эгидой ООН.

Положительный отзыв об энциклике оставил Константинопольский патриарх Варфоломей I, который заявил: «Борьбу с изменениями климата нельзя вести индивидуально. Эта проблема требует внимания и действий всего человечества, в особенности богатых регионов нашей планеты. В беседе с нашим дорогим братом Папой Франциском мы согласились в том, сколь важно то, что над этой темой работают церкви Востока и Запада» [Bartolomeo., 2015]. Специалист по Католической церкви Джон Аллен высказал мнение, что энциклике суждено войти в историю как поворотный момент, когда защита окружающей среды наконец-то заняла почетное место в одном ряду с достоинством человеческой жизни и экономической справедливостью в качестве краеугольного камня католического социального учения. Возвращаясь к вопросу о стремлении нынешнего понтифика осуществлять как можно более прямой контакт как с людьми, так и с членами Римской курии с целью более эффективного продвижения собственной позиции, он направляет энциклику лично каждому кардиналу с просьбой прочесть документ [Vigano, 2015, p. 124].

Таким образом, очевидно, что Хорхе Марио Бергольо проводит политику, направленную на активизацию работы на институциональном уровне, вспоминая о необходимости учитывать реальное положение дел, а не руководствоваться эфемерными идеями, часто рождающимися, по его мнению, на высшем уровне. Политика, направленная на необходимость быть как можно ближе к верующим, проводилась Хорхе Марио Бергольо еще со времен, когда он был архиепископом Буэнос-Айреса [Franco, 2015, p. 38]. Тогда он возобновил так называемую «стратегию 600 метров», в соответствии с которой считается, что церковный приход должен оказывать влияние на близлежащую территорию населенного пункта не менее чем на 600 метров.

Латиноамериканский регион является одним из приоритетов Святого престола. В 2015 г. Папа совершил поездки в Эквадор, Боливию, Парагвай. Меньше внимания уделяется Бразилии. Папа совершил визит в 2013 г., однако поездка была запланирована еще Папой Бенедиктом XVI. В апреле 2017 г. понтифик ответил отказом на приглашение президента Бразилии по случаю 300-й годовщины

обретения чудотворного образа Пресвятой Богородицы Апаресиды, сославшись на ранее намеченные обязательства. При этом Папа Римский призвал главу страны продолжать работать на благо самых бедных. По возвращении из поездки по ЛА во время Angelus 19 июля 2015 г. [Francesco, 2015 a] он заявил, что латиноамериканский регион обладает огромным духовным и человеческим потенциалом, тщательно оберегает истинные христианские ценности, однако переживает серьезные социальные и экономические проблемы.

Южная Америка для Папы имеет особое значение, так как отчасти он видит в ней будущее развития человечества. Особое внимание к данному региону зачастую является одним из аргументов критики Папы Франциска. Стоит отметить, что из 22 пасторских визитов лишь 6 были совершены в европейские страны (2014 г. – Албания, Франция; 2015 г. – Босния и Герцеговина; 2016 г. – о. Лесбос, Греция, Польша, Швеция; 2017 г. – Португалия), в то время как на Кубу понтифик приезжал уже дважды. Интерес понтифика к ЛА и Азии продиктован не только его корнями. Именно в этих регионах сконцентрировано большинство католического населения в мире. На первом месте – Бразилия (172,2 млн крещеных католиков), затем Мексика (110,9 млн), Филиппины (83,6 млн). При этом в Бразилии проживает больше людей, исповедующих католицизм, нежели суммарно в Италии (58 млн), Франции (48,3 млн) и Испании (43,3 млн) – лидеров по количеству католиков в Европе [L'Annuario Pontificio., 2015].

Хорхе Марио Бергольо апеллирует к тому, что латиноамериканская церковь еще очень молодая, гибкая и способна составить основу для Католической церкви нового тысячелетия. По сравнению с предыдущим понтификом Папа Франциск резко сократил число сопровождающих во время визитов, а также сильно упростил протокольную часть любой поездки. Он является первым из понтификов, который предпочитает во время визита посетить максимальное количество мест той страны, в которой находится, ставя на первое место больницы, детские учреждения, общественные места.

За пять лет своего понтификата Папа Франциск посетил десять латиноамериканских стран, где был горячо принят местным

населением (за исключением Чили, где скандалы со случаями насилия в церкви вызвали массу протестов). В опросах общественного мнения, опубликованных латиноамериканской некоммерческой организацией «Latinobarómetro», занимающейся статистикой в регионе, приводится шкала поддержки Бергольо в регионе – 6,8 пункта из 10. Страны, где понтифик набрал наибольшую популярность, – Парагвай (8,3) и Бразилия (8), в то время как в Чили и Уругвае цифры опускаются до 5,3 и 5,9 [Latinobarómetro., 2018].

Однако главной линией, которую проводит Папа Франциск в латиноамериканском векторе внешней политики Святого престола, является миротворчество и посредничество в урегулировании конфликтов на континенте. В рамках данной тенденции можно привести пример восстановления дипломатических отношений между Кубой и США в декабре 2014 г. Как Барак Обама, так и кубинский лидер Рауль Кастро признали большой вклад Папы Франциска в урегулировании более чем полувекового конфликта. И не случаен тот факт, что спустя кратчайшие сроки после объявления данного решения по телевизионным каналам, Государственный секретариат Святого престола опубликовал готовый документ, который выражал большое чувство удовлетворения епископа Рима по поводу этого поистине исторического события. В нем также присутствовало замечание того, что Святой престол, принимая в Ватикане в октябре 2014 г. делегации обеих стран, предложил последним свою помощь в налаживании конструктивного диалога, в результате чего был достигнут удовлетворительный результат для обеих сторон. Более того, Рауль Кастро отметил: «Я был поражен мудростью и скромностью Папы... если он продолжит так свое служение, я вновь стану католиком» [Castro, 2015]. Данный сюжет представляет собой пример «мягкой силы» Франциска в действии – коммунистический лидер всенародно заявляет о своем положительном отношении к Католической церкви.

Однако серьезную критику латиноамериканцев вызвало бездействие понтифика в отношении гуманитарного кризиса в Венесуэле. Президент страны Николас Мадуро неоднократно обращался к Папе с просьбой повлиять на агрессивную позицию США, Аргентины и Бразилии в отношении Каракаса. Хорхе Марио Бер-

голью принял в Ватикане руководство венесуэльской епископской конференции, обсудил с ними ряд кризисных вопросов, однако, с точки зрения венесуэльцев, не придал проблеме должной огласки, которая свидетельствовала бы о поддержке Святым престолом Венесуэлы.

Первый апостольский визит Папа совершил в 2013 г. в самую крупную католическую страну, где популярность Франциска набирает обороты, – Бразилию. На богослужениях с участием понтифика собирались миллионы верующих. Бергольо лично посетил больницы, тюрьмы и бедные районы, несмотря на серьезные угрозы безопасности.

В 2015 г. понтифик посетил Эквадор, Боливию и Парагвай, где он принес публичные извинения от лица Римско-католической церкви за геноцид местного населения во время завоевания Америки. Данный шаг – демонстрация дружественного отношения к коренным жителям, укрепление католического присутствия во всех социальных группах латиноамериканского общества. Кроме того, понтифик отдельно остановился на проблемах региона, отмечая экономическую нестабильность, следствием которой становится растущая бедность. Папа Франциск призвал обеспечить права граждан на землю, дом и работу.

В 2016 г. епископ Рима совершил официальный визит в Мексику, главной темой которого стало исчезновение 43 студентов в штате Герреро, проблемы коррупции и насилия в стране. Не менее актуальные вопросы понтифик обсуждал в Колумбии в рамках визита в сентябре 2017 г. – достижение согласия между повстанцами и правящим режимом. И в действительности роль Римско-католической церкви в урегулировании вооруженного конфликта в стране оказалась немаловажной. Во время посещения города Вильявисенсио понтифик пообщался с жертвами столкновений в рамках встречи, ставшей символическим завершением кровавой эпохи в стране.

Несмотря на определенную симпатию к родному континенту, Папа Франциск жестко критикует текущее положение дел в регионе [Francesco, 2018]. По его мнению, в ЛА идет процесс социальной деградации: ненормированный рабочий день, рост преступности.

Святой престол обращает внимание на эту проблему не только на государственном уровне, но и призывает население бороться с несправедливостью на уровне локальном – посредством обсуждения соответствующих тем в приходах, включения их в проповеди латиноамериканских священников. Таким образом, Святой престол активно использует «мягкую силу» для решения внутривнутриполитических проблем других стран, улучшения жизни католического населения в ЛА.

Список литературы

Мельвиль А.Ю. «Кризис демократии» и «зависшие» демократизации // В кн.: Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы / Под общ. ред.: О.В. Гаман-Голутвина; науч. ред.: Л.В. Сморгун. – М.: Аспект Пресс, 2015. – С. 272–289.

Папа Римский назвал Европу «состарившимся континентом» // BBC русская служба – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/international/2014/11/141125_pope_francis_speaks_in_europe (Дата обращения – 16.03.2018).

Степанова Е.А. Рейнхольд Нибур о толерантности и проблеме истины в христианстве // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2007. – № 7. – С. 91–108.

Bartolomeo a Cop21: sul clima non è troppo tardi per agire, ma subito // News.va. Official Vatican Network. – Mode of access: <https://agensir.it/quotidiano/2015/12/4/cop21-patriarca-bartolomeo-non-e-troppo-tardi-per-agire-ma-dobbiamo-farlo-subito/> (Дата обращения – 10.03.2018).

Bergoglio J.M. Noi come cittadini. Noi come popolo. Verso un bicentenario in giustizia e solidarietà. 2010–2016, Libreria editrice vaticana-Jacob book Città del Vaticano-Milano, 2013. – P. 29; M. Toso. L'utopia democratica di Papa Francesco, in C. Alboretti, La buona battaglia. Politica e bene comune ai tempi della casta, Tau Editrice. – Todi, 2014. – P. 105–130.

Caracciolo L., Riccardi A. Papa Francesco. Sognare l'Europa. – Bologna: Centro editoriale dehoniano, 2017. – P. 86–90.

Castro R. Un'ora con il Papa. Poi da Renzi: «Che errore mettere Cuba tra i Paesi terroristi» // La Repubblica. – 10.05.2015. – Mode of access: http://www.repubblica.it/esteri/2015/05/10/news/castro_vaticano-114004194/ (Дата обращения – 22.03.2018).

Durand J.-D. Storia della Democrazia cristiana in Europa. Dalla Rivoluzione francese al postcomunismo, Guerini e associati. – Milano, 2002. – 314 p.

Francesco. Discorso del Santo Padre Francesco al Parlamento Europeo. Strasburgo, Francia. Martedì, 25 novembre 2014 // Vatican Official Site. – Mode of access: https://w2.vatican.va/content/francesco/it/speeches/2014/november/documents/papa-francesco_20141125_strasburgo-parlamento-europeo.html (Дата обращения – 10.03.2018).

Francesco. Discorso del Santo Padre Francesco al Consiglio d'Europa. Strasburgo, Francia. Martedì, 25 novembre 2014a // Vatican Official Site. – Mode of access: https://w2.vatican.va/content/francesco/it/speeches/2014/november/documents/papa-francesco_20141125_strasburgo-consiglio-europa.html (Дата обращения – 10.03.2018).

Francesco. Discorso del Santo Padre all'Assemblea plenaria del Congresso degli Stati Uniti d'America. – Washington, D.C. Giovedì, 24 settembre 2015 // Vatican Official Site. – Mode of access: http://w2.vatican.va/content/francesco/it/speeches/2015/september/documents/papa-francesco_20150924_usa-us-congress.html (Дата обращения – 10.03.2018).

Francesco. Evangelii gaudium. Esortazione apostolica. – San Paolo Edizioni, 2013. – 320 p.

Francesco. Incontro con i membri dell'Assemblea Generale dell'Organizzazione delle Nazioni Unite. discorso del Santo Padre. – New York: Venerdì, 25 settembre 2015. Vatican Official Site. – Mode of access: http://w2.vatican.va/content/francesco/it/speeches/2015/september/documents/papa-francesco_20150925_onu-visita.html (Дата обращения – 10.03.2018).

Francesco. Incontro con le autorità, con la società civile e con il corpo diplomatico. Discorso del santo padre / Vatican Official Site. – Mode of access: https://w2.vatican.va/content/francesco/it/speeches/2018/january/documents/papa-francesco_20180116_cile-santiago-autorita.html (Дата обращения – 02.03.2018).

Francesco. Lettera Enciclica «Laudato si'» del Santo Padre Francesco Sulla Cura Della Casa Comune. – Città del Vaticano, 2015. – Mode of access: https://m.vatican.va/content/dam/francesco/pdf/encyclicals/documents/papa-francesco_20150524_enciclica-laudato-si_it.pdf (Дата обращения – 10.03.2018).

Francesco. Partecipazione al II Incontro mondiale dei movimenti popolari. Discorso del Santo Padre. Centro fieristico Expo Feria, Santa Cruz de la Sierra (Bolivia). Giovedì, 9 luglio 2015a // Vatican Official Site. – Mode of access: http://w2.vatican.va/content/francesco/it/speeches/2015/july/documents/papa-francesco_20150709_bolivia-movimenti-popolari.html (Дата обращения – 10.03.2018).

Francesco, La carità politica. Un volto della misericordia, presentazione di S. Ecc. Mons. Lorenzo Leuzzi, Libreria editrice vaticana. – Città del Vaticano, 2016. – 84 p.

Francesco. Partecipazione al II Incontro mondiale dei movimenti popolari. Discorso del Santo Padre. Centro fieristico Expo FERIA, Santa Cruz de la Sierra (Bolivia). Giovedì, 9 luglio 2015 // Vatican Official Site. – Mode of access: http://w2.vatican.va/content/francesco/it/speeches/2015/july/documents/papa-francesco_20150709_bolivia-movimenti-popolari.html (Дата обращения – 10.03.2018).

Franco M. Il Vaticano secondo Francesco. Da Buenos Aires a Santa Marta: come Bergoglio sta cambiando la Chiesa e conquistando i fedeli di tutto il mondo. – Milano: Mondadori Libri, 2015. – P. 38.

Hussein N. Referendums on the EU Constitutional Treaty: The State of Play // Chatham House. – Mode of access: http://www.proyectos.cchs.csic.es/euroconstitution/library/working%20papers/Hussain_Feb_2005.pdf (Дата обращения – 16.03.2018).

L'Annuario Pontificio 2017 e l'«Annuario Statisticum Ecclesiae» 2015, 06.04.2017. A cura dell'Ufficio Statistica della Segreteria di Stato / Официальный сайт Ватикана. – Mode of access: <https://press.vatican.va/content/salastampa/it/bollettino/pubblico/2017/04/06/0222/00505.html> (Дата обращения – 10.03.2018).

Latinobarómetro. El Papa Francisco Y La Religión En Chile Y América Latina – Latinobarómetro 1995–2017. – Mode of access: https://www.cooperativa.cl/noticias/site/artic/20180112/asocfile/20180112124342/f00006494_religion_chile_america_latina_2017.pdf (Дата обращения – 10.03.2018).

Papa Francesco con 12 musulmani in Vaticano, demagogia e... // BLITZ. – Mode of access: <http://www.blitzquotidiano.it/cronaca-mondo/papa-francesco-con-10-migranti-in-vaticano-e-fa-un-bel-guaio-2440162/> (Дата обращения – 16.03.2018).

Piana G. L'etica di papa Francesco // Rocca, 2014. – Mode of access: <http://www.c3dem.it/wp-content/uploads/2014/03/Letica-di-papa-Francesco-g.-piana-Rocca-15.3.pdf> (Дата обращения – 10.03.2017).

Przywara E. L'idea d'Europa. La crisi di ogni politica cristiana", Il Pozzo di Giacobbe. – Trapani, 2013. – 76 p.

Raúl Castro, un'ora con il Papa. Poi da Renzi: «Che errore mettere Cuba tra i Paesi terroristi» // La Repubblica. – 10.05.2015. – Mode of access: http://www.repubblica.it/esteri/2015/05/10/news/castro_vaticano-114004194/ (Дата обращения – 10.03.2017).

Torinelli A., Galeazzi G. Papa Francesco. Questa economia uccide. Con un'intervista esclusiva su capitalismo e giustizia sociale, PIEMME. – Milano, 2015. – 228 p.

Viganò D.E. Fedeltà è cambiamento. La svolta di Francesco raccontata da vicino. – Roma: Rai Eri, 2015. – P. 124.

Ф.О. Трунов ©

Политические аспекты сотрудничества ФРГ и Латинской Америки на современном этапе

***Аннотация.** В настоящей работе анализируются две примечательные попытки Германии укрепить свои позиции в Латинской Америке в начале 1990-х и середине 2000-х годов. Исследуются предпосылки действий ФРГ в контексте общего развития ее внешнеполитической линии как укрепляющей свои позиции державы, а также динамика и перспективы данного процесса. Особое внимание уделяется координации усилий Германии и Бразилии в борьбе за постоянные места в Совете Безопасности ООН. Рассматриваются вопросы использования Германией политико-военных и военно-экономических инструментов в Латинской Америке. Делается вывод о возможных формах и направлениях развития стратегического взаимодействия германской стороны с государствами региона.*

***Abstract.** The paper studies two notable German attempts to strengthen its positions in Latin America at the beginning of the 1990 s and in the mid-2000 s. The article investigates the prerequisites of this process in the context of the overall development of the foreign policy of Germany as the emerging power, its dynamics and perspectives. Special attention is paid to the coordination of German and Brazilian efforts in the struggle for the permanent seats in the UN Security Council. Germany's use of political-military and military-economic tools in Latin America is analyzed. The article concludes with conjectures about possible forms and directions of the development of strategic cooperation between Germany and the regional states.*

Ключевые слова: Германия, Латинская Америка, Бразилия, реформа Совета Безопасности ООН, урегулирование вооруженных конфликтов.

Keywords. Germany, Latin America, Brazil, the reform of the UN Security Council, the settlement of armed conflicts.

В годы «классической» холодной войны Боннская республика, хотя и являлась экономическим гигантом, в политическом плане оставалась карликом. Практически все отношения со странами за пределами Европы (в том числе – со странами социалистического лагеря), в особенности с государствами «третьего мира», ФРГ выстраивала с учетом своего сотрудничества с западными державами во главе с США. В том, что касалось Латинской Америки (ЛА), официальный Бонн придерживался де-факто «доктрины Монро» (1823) – принципа невмешательства Старого Света в вопросы развития стран и регионов Западного полушария. Следуя этому принципу, ФРГ использовала в ЛА преимущественно экономические инструменты [Павлов, 2005], минимизировав применение политико-дипломатических аргументов и отказавшись от обращения к военно-силовым возможностям.

После окончания холодной войны, в условиях становления нового миропорядка, объединенная Германия (с 1990 г.) переориентировала стратегическое внимание с обеспечения территориальной обороны на деятельность за пределами своей зоны ответственности. Изменение статуса Федеративной Республики Германия (ФРГ) от государства, зависимого в сфере безопасности от ведущих западных держав, к положению региональной и глобальной державы происходило постепенно; в целом этот процесс достаточно хорошо описывается в рамках известной концепции «региональных кругов», согласно которой укрепление позиций поднимающихся центров влияния на мировой арене происходит посредством стратегического проникновения сперва в ближние территории, а затем, после гарантированного обеспечения там своего присутствия – в более отдаленные. По мнению автора, подобный подход, весьма характерный для политики Германии в области безопасности, позволяет повысить эффективность имеющегося внешнеполитического инструментария.

Общее укрепление позиций Германии на мировой арене во второй половине 2010-х годов поставило на повестку дня вопрос о стратегическом проникновении ФРГ в Южную Америку. Учитывая растущий экономический (в том числе промышленный и демографический) и политический потенциал южноамериканских стран, можно не сомневаться, что Германии необходимо предпринимать такого рода шаги для обретения в будущем статуса глобальной державы.

Соответственно, *задача* настоящей статьи – исследовать вопросы политико-военного взаимодействия Германии с ведущими странами Южной Америки (в первую очередь, Бразилией), а также с наиболее «проблемными» государствами (на примере Колумбии). Необходимость включить в исследование вторую категорию государств обусловлена характерной особенностью стратегического проникновения Германии в «проблемные» регионы: принимая все возрастающее участие в урегулировании вооруженных конфликтов и кризисных ситуаций, ФРГ встраивается в региональную архитектуру безопасности в качестве внешнего игрока, позиция которого не вызывает отторжения как минимум у части внутренних игроков. Вооруженное противостояние правительства Колумбии и Революционных вооруженных сил Колумбии (движения ФАРК¹) с 1990-х до середины 2010-х годов было одной из наиболее острых проблем в деле обеспечения безопасности в ЛА.

Несмотря на то что до середины 2010-х годов Южная Америка не входила в число фокусных регионов во внешней политике ФРГ, Германия периодически предпринимала отдельные, но весьма заметные попытки усилить свое влияние в регионе, – как правило, в периоды переосмысления германским истеблишментом роли и места страны в мире (в частности, в начале 1990-х годов и в середине 2000-х годов). Предпринимавшиеся действия чаще всего но-

¹ В современной научной литературе и публицистике сосуществуют определения ФАРК и как политически мотивированного партизанского движения, и как террористической группировки. Как правило, выбор того или иного определения зависит от идеологических позиций автора. Существует и компромиссный вариант – характеристика ФАРК как партизанской организации, использующей террористические методы. – Прим. ред.

сили опережающий характер и, хотя Германия еще не имела достаточного веса на мировой арене, могли дать представление об общей направленности будущей политики ФРГ в отношении Южной Америки.

Первый период повышенного интереса ФРГ к южноамериканскому региону – начало 1990-х годов, время пребывания у власти кабинета Гельмута Коля / Клауса Кинкеля (блок ХДС/ХСС и СвДП), когда объединенная Германия впервые за полвека получила возможность проявить себя как полноправный игрок на мировой арене. Думается, что таким образом ФРГ предприняла первую попытку выстроить собственную линию поведения в отношении ЛА, отличную от линии США, хотя и не ставя при этом под сомнение статус официального Вашингтона как главного союзника ФРГ в мире.

Второй период – середина 2000-х годов, когда при правительстве Герхарда Шрёдера / Йошки Фишера (СДПГ и Союз 90/«Зеленые») произошло ослабление атлантических связей, подтверждением чего стало заметное расхождение позиций сторон не только в ходе иракского кризиса (2003), но и в последующее время вплоть до отставки «красно-зеленого» кабинета (2005). Взамен «поздний Шрёдер» предпочел провести стратегическую диверсификацию внешней политики ФРГ, налаживая взаимодействие с вновь поднимавшимися центрами влияния, в том числе в Южной Америке, в первую очередь – с Бразилией.

Наконец, третьим периодом, который с высокой долей вероятности станет и продолжительнее, и насыщеннее, чем первые два, является современный. В настоящее время Германия демонстрирует отличную от большинства партнеров по НАТО (и коллективного Запада в целом) тенденцию – не сокращение, но, напротив, рост возможностей и влияния на мировой арене. По мнению автора, это является причиной ее возрастающего интереса к участию в перестройке мирополитической (и глобальной экономической) архитектуры совместно с новыми региональными игроками Южной Америки для достижения более справедливого представительства.

На текущий момент готовность Германии действовать с большой долей самостоятельности и достаточно независимо от

США на южноамериканском политическом поле (пока не затрагивая страны Центральной Америки и Мексику) определяется как объективными, так и субъективными предпосылками. К числу первых относится общий рост возможностей ФРГ (в том числе политико-дипломатических и военных), ко вторым – снижение степени взаимопонимания с США по широкому спектру вопросов международной безопасности при администрации Дональда Трампа.

При этом уместно отметить, что сегодня, активизируя взаимодействие со странами Южной Америки, ФРГ опирается на результаты и опыт своих прежних попыток, осуществленных в течение двух предыдущих периодов повышенного интереса к региону, между которыми в дву- и многосторонних отношениях ФРГ со южноамериканскими странами наблюдался определенный спад (особенно с середины 1990-х до начала 2000-х годов). Поэтому основное внимание в статье уделено в первую очередь вышеуказанным временным отрезкам.

Германия – Бразилия: координация усилий в деле получения постоянных мест в Совете Безопасности ООН

Уже в 1991 и 1992 гг. на открытии Генеральной Ассамблеи ООН глава МИД ФРГ заявлял о готовности объединенной страны взять на себя повышенную ответственность по урегулированию мирополитических проблем (в первую очередь, под эгидой ООН) и о соответствующем стремлении получить регулярное представительство в Совете Безопасности [Kinkel, 1994]. Учитывая планетарный состав стран – участниц ООН, решение последнего вопроса требовало поиска союзников, положительно относящихся к данной идее, и в этой связи германская сторона обратила взгляд к ЛА. По мнению автора, не последнюю роль сыграла культурная близость Германии и южноамериканских государств – в частности, именно в этот регион направлялись значительные потоки немецких мигрантов (вплоть до бежавших от справедливого возмездия нацистских деятелей).

В первую очередь Германия расширяла взаимосвязи (как культурные, так и экономические) с государствами, расположенными в центре и на юге южноамериканского континента. В этой

связи показательна структура двух латиноамериканских отделов в составе объединенного политического департамента № 3 МИД ФРГ (табл. 1).

Таблица 1

**Структура латиноамериканских отделов МИД Германии
в первой половине 1990-х годов**

330-й отдел	Аргентина, Парагвай, Уругвай, Чили, Бразилия, Боливия, Перу, Эквадор
331-й отдел	Колумбия, Венесуэла, Центральная Америка, Панама, страны Карибского бассейна, Мексика

Источник: составлено автором на основе [Organisation..., 1993].

Как видим, Колумбия, где с 1980-х годов шла вооруженная борьба между правительством и ФАРК, отделена (как и Венесуэла) от остальных стран региона. Показательно также упоминание Панамы отдельно от Центральной Америки (что противоречит принятому региональному делению), – по мнению автора, это обусловлено особым геоэкономическим положением Панамы (трансокеанским каналом на ее территории) и пристальным вниманием США к этой стране.

Влияние Соединенных Штатов Америки, в начале 1990-х годов поддерживавших стремление ФРГ к росту ее формального и фактического веса в ООН, позволяло надеяться и на отсутствие серьезного сопротивления этой идее со стороны южноамериканских стран. С точки зрения официального Бонна/Берлина, эти страны и сами в перспективе должны были быть заинтересованы в увеличении своего представительства в Совете Безопасности. Так, в сформулированных МИД Германии (при участии Ведомства федерального канцлера) тезисах, характеризующих политику страны в отношении ЛА, говорилось: «Мы видим в Латинской Америке партнерский регион с возрастающим политическим влиянием, который заинтересован в реформировании ООН» [Botschafterkonferenz..., 1993, S. 344]. В документе подчеркивалось, что ФРГ готова совместно со странами Южной Америки участвовать в решении широкого круга проблем региона – и военных (обеспечение мира, нераспространение оружия массового поражения), и социально-

экономических (борьба с бедностью, низким уровнем развития, угрозами для экологии). Особое место отводилось координации усилий по соблюдению гражданских прав и свобод населения стран Южной Америки [Botschafterkonferenz., 1993, S. 344].

В начале 2000-х годов германская дипломатия, особенно при втором «красно-зеленом» кабинете (с 2002 г.), интенсифицировала усилия по углублению взаимодействия со странами региона (особенно с Бразилией) для достижения результата. В ходе визита канцлера Герхарда Шрёдера в страны Южной Америки в мае 2004 г. были достигнуты принципиальные договоренности с официальным Бразилиа о координации усилий в борьбе за обретение постоянного представительства в Совете Безопасности ООН. МИД обеих держав приняли участие в разработке доклада Генерального секретаря ООН Кофи Аннана «При большей свободе», озвученного 21 марта 2005 г. Генеральный секретариат ООН предлагал два варианта реформы Совета Безопасности, и оба они включали повышение статуса Германии и Бразилии; предложения, связанные с предоставлением либо постоянных, либо четырехлетних возобновляемых мест, доказывали существующее понимание сложности решения данного вопроса.

Для продвижения своих интересов Германия, Бразилия, Япония и Индия образовали группу G4 («большую четверку»). 6 июля 2005 г. они представили собственный проект резолюции Совета Безопасности, предполагавший его реформу на основе модели «А» [Brasilien, Deutschland., 2005]. В соответствии с этим документом вопрос о наделении правом вето новых постоянных членов Совета Безопасности следовало решить на специальной конференции через 15 лет после проведения реформы Совета Безопасности при полном сохранении действующими постоянными членами своих прав [Ibid., S. 3].

Однако проект встретил сильное противодействие, в том числе со стороны КНР и США [Knapp, 2007, S. 744]. По мнению автора, одной из причин формирования позиции официального Вашингтона было недовольство, вызванное произошедшем при правительстве Герхарда Шрёдера / Йошки Фишера ослаблением атлантических связей, сопряженным с сотрудничеством ФРГ и Бразилии при дис-

танцировании от США. Необходимо также отметить общую неготовность США к увеличению политического веса в СБ ООН новых мировых центров влияния, что отчетливо проявилось в XXI в.

Несмотря на неудачу, государства – члены G4 продолжили дву- и многосторонние консультации, интенсивность и степень публичности которых весьма возросли в преддверии открытия 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (сентябрь 2015 г.). Так, в сентябре 2014 г. министры иностранных дел стран «большой четверки» провели встречу на полях ежегодной сессии Ассамблеи (впервые с 2005 г.). В совместном заявлении особо подчеркивалась важность организации семинаров с привлечением институтов гражданского общества, которые проводили Бразилия, Индия и Япония [Gemeinsame Erklärung., 2014].

26 сентября 2015 г. на полях открывшейся юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН состоялась встреча на высшем уровне стран – участниц «большой четверки». В итоговом заявлении говорилось: «Более представительный и, соответственно, легитимный и эффективный Совет Безопасности необходим сейчас более чем когда-либо для борьбы с глобальными угрозами безопасности, масштаб которых весьма увеличился за последние несколько лет» [Gemeinsame Presseerklärung., 2015]. В первую очередь, стороны указывали на рост числа и интенсивности вооруженных конфликтов, увеличение объемов неконтролируемой миграции, значительное усиление международных террористических структур – вызовы, с которыми западные страны (и особенно государства ЕС) имеют дело с 2014 г.

Германия и Бразилия дополнительно проработали основы совместной позиции во время первых межгосударственных консультаций, проведенных 20 августа 2015 г. в Бразилиа при участии канцлера Ангелы Меркель и президента Дилмы Русеф [Pressestatements., 2015]. Показательно, что на данных переговорах главу правительства ФРГ сопровождали 12 (!) федеральных министров, в том числе главы Министерства обороны и Министерства экономики и энергетики [Brasilien: Beziehungen., 2017]. Таким образом, хотя МИД ФРГ указывал на наличие стратегического сотрудничества с Бразилией еще с конца 2000-х годов, институционализировано оно было

лишь в 2015 г. Показательно, что к 2018 г. Бразилия пока остается единственной страной Южной Америки, для диалога с которой ФРГ использует формат межгосударственных консультаций.

Тем не менее существуют предпосылки к созданию в среднесрочной перспективе аналогичного переговорного механизма и с Аргентиной. Свидетельством этого служит интенсификация контактов двух держав на высшем уровне: в июне 2016 г. глава МИД ФРГ Франк-Вальтер Штайнмайер совершил визит в Аргентину, где провел переговоры с президентом страны Маурисио Макри.

В свою очередь, Маурисио Макри во время государственного визита в Германию в июле 2016 г. провел консультации с федеральным президентом, канцлером и министром иностранных дел [Argentinien: Beziehungen., 2017]. Однако политические контакты ФРГ с Аргентиной развиваются не так динамично, как с Бразилией, что, по мнению автора, обусловлено, в частности, наличием фактических противоречий между двумя странами по вопросу реформы Совета Безопасности. В то же время возможно, что более тесное сближение Германии с Бразилией при общем укреплении позиций ФРГ в Южной Америке может подтолкнуть Аргентину к устранению этих противоречий.

В настоящее время германо-бразильские отношения имеют не только прочную экономическую, но и надежную политико-военную основу. На территории Бразилии функционируют 1,6 тыс. германских предприятий [Pressestatements., 2015]. Имеются возможности для сотрудничества в военно-политической области: вопросы нераспространения оружия массового поражения (ОМП) и массового уничтожения (ОМУ), военно-техническое сотрудничество, а также проблемы, связанные с урегулированием вооруженного конфликта в Колумбии, к чему германская сторона проявляет все возрастающий интерес.

Взаимодействие ФРГ со странами Южной Америки в военно-политической области

В начале 1990-х годов при развитии диалога со странами Южной Америки Германия стала уделять повышенное внимание вопросам нераспространения ОМП и ОМУ. Официальный Берлин

призывал все страны региона – особенно Аргентину и Бразилию, изучавших возможность создания собственных арсеналов ядерного оружия на завершающих этапах холодной войны, – к подписанию и строгому выполнению Договора Тлателолко (официально – Договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне, 1967), учреждавшего безъядерную зону в ЛА [Botschafterkonferenz..., 1993, S. 344]. Фактический отказ как официального Буэнос-Айреса, так и официального Бразилиа от разработки программ немирного атома в 1990-е годы ликвидировал барьер, сдерживавший развитие отношений Германии с данными странами.

Чем было обусловлено наличие такого барьера? В соответствии с Договором об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. объединенная ФРГ приняла на себя добровольные обязательства по отказу от производства, владения и распоряжения всеми известными на тот момент видами ОМП: ядерным, химическим и бактериологическим оружием [Договор..., 1994]. Соответственно, выполнение этих договоренностей ставит Германию в невыгодное положение по отношению не только к легальным ядерным державам (постоянным членам Совета Безопасности ООН), но и ко всем государствам, которые, не имея таких обязательств, могут попытаться создать собственное ОМП и ОМУ. Именно этим, по мнению автора, объясняется повышенный интерес Германии к разоруженческой проблематике не только в Европе, но и в других регионах мира. Так, ФРГ участвовала в шестисторонних переговорах по ядерной программе Ирана – единственная из держав-участниц, не располагавшая ОМУ. МИД ФРГ и лично Франк-Вальтер Штайнмайер рассматривали сделку с Исламской Республикой Иран (2015) как один из крупнейших дипломатических успехов германской стороны. Поэтому отказ государств Южной Америки от разработки ОМУ для официального Берлина был необходимым условием развития диалога с этими странами и тем более – стратегического сотрудничества.

Вместе с тем ФРГ рассматривала Южную Америку как значительный по своему потенциалу рынок для реализации германской военной продукции: конвенциональных вооружений и специаль-

ного оборудования. Таблица 2 дает представление о поставках предметов военного назначения в ключевые южноамериканские страны – Бразилию и Аргентину – в сравнении с военным экспортом в Мексику, а также в Колумбию, где не прекращается повстанческое движение.

Таблица 2

Объемы экспорта военной продукции Германии в отдельные государства Латинской Америки (млн евро)

	Аргентина	Бразилия	Колумбия	Мексика	Общий объем военного экспорта ФРГ ¹
2013 г.	11,5	53,3	2,9	3,9	3 650
2014 г.	8,8	30,9	88,5	4,8	3 973
2015 г.	2,3	60,9	4,4	8,8	7 859
2016 г.	26,5	14,6	50,3	5,9	6 848

Источник: составлено автором на основе [Bericht., 2013, S. 88–116; Bericht., 2014, S. 90–118; Bericht., 2015, S. 86–113; Bericht., 2016, S. 78–106].

Как следует из табл. 2, доля ведущих стран Южной Америки в общем объеме экспорта военной продукции и в военных сделках Германии не превышает 1,5–2%, но при этом не демонстрирует тенденцию к снижению, что, с точки зрения автора, говорит о том, что стратегическое проникновение Германии в регион пока находится лишь в начальной стадии.

Приоритетность для ФРГ отношений с Бразилией перед связями с Аргентиной очевидна: в 2013–2015 гг. объемы и число военных сделок с этими странами разнились в 3–5 раз, разрыв несколько сократился лишь в 2016 г., после оживления германо-аргентинского диалога на высшем уровне. Так, в 2016 г. по числу особо важных сделок (исключая сделки с партнерами по НАТО и ЕС) Бразилия заняла третье место после Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов, традиционно весьма значимых партнеров ФРГ в военно-экономической сфере [Bericht., 2016, S. 23].

¹ Включая сделки со странами – участницами НАТО и ЕС, а также с союзниками США вне Североатлантического альянса.

В Аргентину ФРГ в основном поставляет оборудование для коммуникаций, а также элементы оборудования для авиатехники, в частности бортовые радары [Bericht., 2015, S. 86–113]. В Бразилию, помимо прочего, поставляется высокотехнологичная продукция: торпеды, а также оборудование для подводных лодок, транспортной авиации и самолетов-заправщиков [Bericht., 2016, S. 78–106]. На этом фоне поставки в Мексику выглядят весьма скромно: в частности, в страну поставлялись партии учебных патронов [Bericht., 2014, S. 90–118].

Показателен при этом огромный, сопоставимый с экспортом в Бразилию объем экспорта германской военной продукции в Колумбию – эта страна получила две дизельные подводные лодки проекта 206 А (постройки 1970-х годов) [Bericht., 2016, S. 78–106], а также системы навигационного распознавания «свой – чужой» [Bericht., 2014, S. 90–118]. Все эти вооружения и системы требовались правительственным войскам в первую очередь для достижения окончательного перелома в боях с ФАРК. Тем самым германская сторона де-факто оказывала значительное влияние на ход вооруженного конфликта в Колумбии.

Параллельно с военно-технической помощью официальный Берлин оказывал правительству Колумбии и дипломатическую поддержку. Глава МИД ФРГ Франк-Вальтер Штайнмайер (занимал данный пост в 2013–2017 гг.) назначил депутата Бундестага Т. Кёнигса своим личным представителем по мирному процессу в зоне колумбийского вооруженного конфликта [Kolumbien: Beziehungen., 2017]. Германские дипломаты, действуя под эгидой ООН, активно содействовали заключению договоренности между властями Колумбии и движением ФАРК о прекращении огня: 1 декабря 2016 г. начался шестимесячный период, отведенный комбатантам для сложения оружия, что должно стать условием их последующей амнистии и возвращения к мирной жизни. Германия выделила 0,5 млн евро для реализации этого проекта: в конечном итоге было сдано до 20 тыс. винтовок, автоматов и пистолетов [Mit deutscher., 2017]. В январе 2017 г. одну из зон деэскалации посетил Франк-Вальтер Штайнмайер, принимавший участие в трехсторонних (правительство Колумбии, ФАРК и ООН) переговорах по импле-

ментации договоренностей о примирении между противоборствующими силами [Mit deutscher..., 2017].

ФРГ совместно с Италией, Швейцарией, Швецией и Нидерландами вошла в Группу стран поддержки, контроля и координации переговоров в Кито (Эквадор), ведущихся при участии ООН между правительством Колумбии и движением ФАРК. 10 октября 2017 г., после заключения перемирия, официальный представитель МИД ФРГ выразил готовность оказывать дипломатическое содействие мирному процессу для стабилизации обстановки и предоставления гуманитарной помощи населению [Eine Sprecherin..., 2017].

Показательно, что, принимая деятельное участие в урегулировании данного вооруженного конфликта, Германия активно сотрудничала с одним из своих ближайших партнеров по НАТО и ЕС – Нидерландами, имеющими территориальные владения в Южной Америке, а также с Бразилией, тем самым предпринимая всевозможные усилия к встраиванию в региональную архитектуру безопасности в качестве значимого игрока.

Заключение

Во второй половине 2010-х годов началось стратегическое проникновение ФРГ в Южную Америку. В настоящее время официальный Берлин делает ставку на углубление сотрудничества с Бразилией и на свое встраивание в региональную архитектуру безопасности посредством участия в решении ключевых проблем безопасности южноамериканских государств.

Основа германо-бразильских отношений – обоюдный интерес к перестройке мирополитической архитектуры (в том числе – к реформе Совета Безопасности ООН) и наличие многочисленных точек соприкосновения в политической и экономической (в том числе военно-экономической) сферах. Сближение ФРГ и Бразилии будет опосредованным образом влиять на повышение интереса к сотрудничеству с Германией со стороны Аргентины. Однако маловероятно, что в обозримой перспективе Аргентина займет для официального Берлина приоритетное место в регионе.

При урегулировании вопросов региональной безопасности внимание ФРГ в настоящее время обращено не только к Колумбии, но и к другим региональным акторам, в частности к Венесуэле, переживающей политический и гуманитарный кризис. Нынешний глава МИД ФРГ Зигмар Габриэль, подчеркивая, что «парламент – это сердце демократии», неоднократно напоминал о необходимости соблюдения сторонами конфликта демократических принципов [Außenminister., 2017]. По мнению автора, это свидетельствует о том, что в условиях некоторого снижения прочности атлантических связей, чему особо способствует восприятие истеблишментом коллективного Запада Дональда Трампа как «чужого», ФРГ в ближнесрочной перспективе будет стремиться стать одной из держав – «охранительниц» демократических прав и свобод в Южной Америке. При этом местное население и элиты в большинстве своем воспринимают ФРГ достаточно позитивно (в отличие от США). Грамотно разыгрывая такую «идеологическую карту», Германия может существенно ускорить свое стратегическое проникновение в регион.

Что же касается Колумбии, то в ближайшее время следует ожидать расширения ее связей с Германией на базе не только политико-дипломатического, но и военного сотрудничества. В области военного сотрудничества возможны не только рост поставок вооружений и вспомогательного оборонного оборудования, но и появление в Колумбии ограниченного военного контингента бундесвера в виде тренировочной миссии по переобучению правительственных войск. В таком случае Колумбия может стать примером выгодного прямого военного сотрудничества с ФРГ для других небольших и средних стран региона.

Ключевыми формальными показателями скорости стратегического проникновения Германии в Южную Америку станут: интенсивность использования имеющихся форматов межгосударственных консультаций; создание новых форматов; рост вовлеченности ФРГ в урегулирование наболевших проблем региона; динамика военного экспорта и его содержание.

Список литературы

Аннан К. При большей свободе: К развитию, безопасности и правам человека для всех: Доклад Генерального секретаря ООН / ООН. Генеральная Ассамблея. Сессия 59. Пункты 45 и 55 повестки дня. А/59/2005. – Нью-Йорк, 2005. – 21.03. – 80 с. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/59/2005> – (С предварительным выбором языка доступа) (Дата обращения – 26.01.2018).

Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации / МИД РФ. – М.: Международные отношения, 1994. – Вып. 47: Международные договоры, заключенные СССР и вступившие в силу с 1 января по 31 декабря 1991 года. – С. 34–37.

Павлов Н.В. Внешняя политика ФРГ в постбиполярном мире. – М.: Наука, 2005. – 410 с.

Antrag der Bundesregierung: Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an dem Einsatz der Internationalen Sicherheitsunterstützungstruppe in Afghanistan (International Security Assistance Force, ISAF) unter Führung der NATO auf Grundlage der Resolutionen 1386 (2001) und folgender Resolutionen, zuletzt Resolution 2011 (2011) vom 12. Oktober 2011 des Sicherheitsrates der Vereinten Nationen / Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode; Drucksache 17/8166. – Berlin, 2011. – 14.12. – 8 S. – Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/17/081/1708166.pdf> (Дата обращения – 26.01.2018).

Argentinien: Beziehungen zu Deutschland / Auswärtiges Amt. – Berlin, 2017. – Oktober. – Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/argentinien-node/bilateral/201108> (Дата обращения – 26.01.2018).

Außenminister Gabriel zum Angriff auf die venezolanische Nationalversammlung / Auswärtiges Amt. – Berlin, 2017. – 06.07. – Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/170706-bm-venezuela-angriff-nationalversammlung/291204> (Дата обращения – 26.01.2018).

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2013: Rüstungsexportbericht 2013 / Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. – Berlin, 2013. – 124 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2014: Rüstungsexportbericht 2014 / Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. – Berlin, 2014. – 128 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2015: Rüstungsexportbericht 2015 / Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. – Berlin, 2015. – 132 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2016: Rüstungsexportbericht 2016 / Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. – Berlin, 2016. – 120 S.

Botschafterkonferenz Lateinamerika 1993: Thesen zur Lateinamerikapolitik vom 10.10.1993 // Deutsche Aussenpolitik nach der Einheit 1990–1993 / Auswärtiges Amt. – Bonn, 1993. – S. 344–347.

Brasilien: Beziehungen zu Deutschland / Auswärtiges Amt. – Berlin, 2017. – Oktober. – Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/brasilien-node/bilateral/201112> (Дата обращения – 26.01.2018).

Brasilien, Deutschland, Indien, Japan Entwurf einer Resolution über die Reform des Sicherheitsrats / UN. – N.Y., 2005. – 08.06. – 4 S. – Mode of access: <http://www.un.org/depts/german/gv-sonst/draftres2-screform-8june.pdf> (Дата обращения – 26.01.2018).

Gemeinsame Erklärung der Außenminister der G4-Länder (Brasilien, Deutschland, Indien und Japan) zu ihrem Treffen am Rande der 69. Sitzung der UN-Vollversammlung / Auswärtiges Amt. – Berlin, 2014. – 25.09. – Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/140925-g4/265570> (Дата обращения – 26.01.2018).

Gemeinsame Presseerklärung beim Treffen der Staats- und Regierungschefs der G4-Staaten – Brasilien, Deutschland, Indien und Japan – zur Reform des Sicherheitsrats der Vereinten Nationen / Auswärtiges Amt. – Berlin, 2015. – 29.09. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2015/09/2015-09-29-g4-sicherheitsrat.html> (Дата обращения – 26.01.2018).

Eine Sprecherin des Auswärtigen Amts zum Waffenstillstand zwischen der Regierung Kolumbiens und der Nationalen Befreiungsarmee (ELN) / Auswärtiges Amt. – Berlin, 2017. – 01.10. – Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/171001-waffenstillstand-kolumbien-eln/297420> (Дата обращения – 26.01.2018).

Kinkel K. Rede des Bundesministers des Auswärtigen am 23. September 1992 vor 47. Generalversammlung der Vereinten Nationen in New York // Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland: Dokumente von 1949 bis 1994 / Auswärtiges Amt. – Bonn, 1994. – S. 875–884.

Knapp M. Schwerpunkte der deutschen Aussenpolitik im Verhältnis zu den Vereinten Nationen seit 1990 // Handbuch zur deutschen Aussenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). – 1. Auflage. – Wiesbaden, 2007. – S. 734–745.

Kolumbien: Beziehungen zu Deutschland / Auswärtiges Amt. – Berlin, 2017. – Oktober. – Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/>

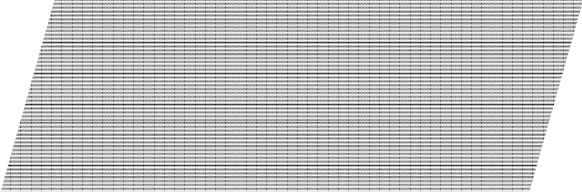
aussenpolitik/laender/kolumbien-node/-/201522 (Дата обращения – 26.01.2018).

Mit deutscher Unterstützung: Entwaffnung der Rebellen in Kolumbien beginnt / Auswärtiges Amt. – Berlin, 2017. – 03.03. – Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/kolumbien-node/-/207152> (Дата обращения – 26.01.2018).

Organisation des Auswärtigen Amt: Stand Oktober 1993 // Deutsche Aussenpolitik nach der Einheit 1990–1993 / Auswärtiges Amt. – Bonn, 1993. – S. 491–492.

Pressestatements von Bundeskanzlerin Merkel und der brasilianischen Präsidentin Rousseff anlässlich der 1. Deutsch-Brasilianischen Regierungskonsultationen am 20. August 2015 in Brasilia / Bundeskanzleramt. – Berlin, 2015. – 20.08. – Mode of access: <https://www.bundeskanzlerin.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2015/08/2015-08-20-pk-brasilien-merkel-rousseff.html> (Дата обращения – 26.01.2018).

Reform des Sicherheitsrats: Die Vorgeschichte / Auswärtiges Amt. – Berlin, 2010. – 23.08. – Mode of access: <https://web.archive.org/web/20130209005657/http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Friedenspolitik/VereinteNationen/ReformVN/ReformSR-Vorgeschichte.html?nn=357296> (Дата обращения – 26.01.2018).

Е.Ю. Косевич

Современные мексикано-испанские отношения

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые вопросы современного мексикано-испанского сотрудничества. Автор дает обзор культурных, экономических и торговых связей Мексики с Испанией, значительно активизировавшихся с приходом к власти в Мексике члена Институционно-революционной партии Энрике Пенья Ньето. Также анализируется «дестабилизирующий эффект», обусловленный политическим курсом нового президента США Дональда Трампа в отношении Мексики, что угрожает политическому и экономическому успеху испано-мексиканских отношений.

Abstract. The article considers the key points of the current Mexican-Spanish cooperation. The author gives an overview of the achievements of Mexico's cultural, economic and trade ties with Spain, which became much more active with the coming to power in Mexico of a member of the Institutional Revolutionary Party, Enrique Peña Nieto. The paper also analyzes the «destabilizing effect» provided by the political course of the new US President Donald Trump in relation to Mexico, threatening the political and economic success of the Spanish-Mexican relations.

Ключевые слова: двусторонние отношения, Мексика, Испания, США, Европейский союз, экономические отношения, политика, культура.

Keywords: bilateral relations, Mexico, Spain, U.S., the European Union, economic relations, politics, culture.

Прежде чем дать оценку современным мексикано-испанским отношениям, стоит оглянуться в недалекое прошлое. Отношения между Испанией и Мексикой, развивавшиеся как на двусторонней основе, так и в рамках членства Испании в ЕС, всегда носили стратегический характер. Между Мексикой и Испанией всегда сохранялись тесные дружеские связи, несмотря на то что иногда эти страны занимали противоположные позиции по определенным вопросам. Единственный случай нарушения сложившейся традиции – разрыв дипломатических отношений в 1939 г., после прихода к власти в Испании Франсиско Франко, режим которого Мексика не поддержала. В марте 1977 г. двусторонние отношения были восстановлены. Но в целом ситуация никогда не доходила до столкновения политических интересов.

Особые взаимоотношения между Мексикой и Испанией установились в силу сохранения так называемых «сентиментальных» связей, возникших еще в колониальную эпоху. Постоянный приток испанских иммигрантов в Мексику, начавшийся во времена испанской конкисты и колонизации Америки, сохранился и после провозглашения независимости Мексики (1821). После Гражданской войны в Испании (1936–1939) Мексика приняла около 25 000 испанских беженцев-республиканцев, бежавших из своей страны в поисках политического убежища. Подавляющее большинство испанских иммигрантов обосновались в Мексике, хотя многие из них впоследствии восстановили испанское гражданство в соответствии с действием так называемого Закона памяти.

Очередное увеличение потока иммиграции из Испании в Мексику, начавшееся в 2011 г., было вызвано углублением социально-экономического кризиса и высоким уровнем безработицы в Испании. Сегодня среди испанских эмигрантов, переехавших в Мексику, преобладают квалифицированные специалисты и предприниматели, что, по мнению некоторых мексиканских СМИ, представляет определенную угрозу для местного населения на рынке труда. Вместе с тем, согласно данным Национального института статистики и географии, Мексика занимает всего лишь восьмое место по количеству постоянно проживающих лиц с испанским гражданством (123 189 человек), уступая таким странам,

как Аргентина (439 236 человек), Франция (232 693 человек), Венесуэла (188 025 человек), Куба (128 541 человек) [Fonseca, 2016].

Что же касается мексиканских граждан, постоянно проживающих в Испании, то, согласно данным Реестра физических лиц на январь 2015 г., в Испании проживает лишь около 50 тыс. мексиканцев, половина из которых имеет также испанское гражданство. Испания занимает третье место по количеству мексиканских мигрантов, значительно уступая США (почти 11,7 млн человек) и Канаде (118 249 человек)¹ [Ibid.]. Мексиканская община в Испании, большинство членов которой принадлежат к среднему классу или являются сотрудниками мексиканских компаний, инвестирующих в Испанию, относительно невелика по сравнению с общинами других латиноамериканских стран (к примеру, мигрантов из Эквадора в Испании – 174 372 человека [Ibid.]).

В первое десятилетие XXI в., в годы правления в Мексике Партии национального действия (Partido Acción Nacional, PAN), мексикано-испанские отношения сохранялись на прежнем уровне. После возвращения к власти в 2012 г. Институционно-революционной партии (Partido Revolucionario Institucional, PRI), когда президентом был избран Энрике Пенья Ньето (2012 г. – н.в.), сотрудничество между Мексикой и Испанией получило новый импульс. Еще в рамках своей предвыборной кампании в планируемом внешнеполитическом курсе Энрике Пенья Ньето отвел особое место мексикано-испанским отношениям. А после вступления в должность главы государства он придал первостепенное значение политическим, экономическим и культурным связям между Испанией и Мексикой.

Важной вехой в развитии мексикано-испанских отношений была подписанная 16 июля 2007 г. Декларация об углублении стратегического партнерства между Мексикой и Королевством Испания. В 2014 г. сотрудничество между двумя странами вышло на новый уровень: летом этого года, во время визита президента Пенья Ньето в Мадрид, был подписан План действий по углублению

¹Приведенные цифры отражают число граждан Мексики, зарегистрированных в консульских учреждениях в стране их постоянного проживания.

стратегического партнерства, включавший список мероприятий, обязательных к выполнению в различных областях, а также договоренности глав обеих стран о проведении необходимых консультаций в целях содействия политическому диалогу на высшем уровне.

Существенным фактором в развитии двусторонних связей, подтверждающим особый характер мексикано-испанских отношений, является негласное правило о необходимости хотя бы одного визита в Испанию каждого действующего президента Мексики, а в Мексику – каждого действующего председателя правительства Испании. Эта традиция возникла сразу же после восстановления отношений между Мексикой и Испанией в 1977 г.

Высокий уровень сотрудничества между двумя странами заметен и в рамках многосторонних форумов. В частности, Мексика поддержала избрание Испании в качестве непостоянного члена Совета Безопасности ООН на двухлетний период (2015–2016). Обе страны, входящие в группу «Объединившиеся ради консенсуса» (Uniting for Consensus), также придерживаются единого мнения по реформе Совбеза ООН.

Испания и Мексика активно содействовали продвижению совместного ибероамериканского проекта, отмечающего уже 27-летие своего существования, – Ибероамериканских саммитов на высшем уровне. Первый саммит, состоявшийся в 1991 г. в мексиканском городе Гвадалахара, определил главную цель этого проекта – всестороннее сотрудничество связанных общим культурным наследием ибероамериканских стран в политических, экономических и социальных сферах, а также его основные задачи – совместный анализ новых вызовов и проблем, с которыми сталкивается Ибероамерика в меняющемся мире, согласование интересов правительств ибероамериканских стран в целях совместного преодоления возникающих трудностей, развитие политического диалога и сотрудничества, повышение благосостояния и социального равенства. После этого саммита тогдашний министр иностранных дел Испании Франсиско Фернандес Ордоньес (1985–1992), характеризуя испано-мексиканские отношения, подчеркнул: «Все это породило отношения, которые являются не только привилегированными

ми, но даже братскими, что и позволило инициировать процесс Иberoамериканских саммитов, беспрецедентный в нашей общей истории» [Relaciones..., 2016, p. 28].

В 2014 г. Мексика стала хозяйкой XXIV Иberoамериканского саммита. На церемонии открытия саммита в городе Веракрус представители Испании – король Филипп VI и председатель правительства Мариано Рахой – совместно с делегатами 22 латиноамериканских государств подвели итоги деятельности сообщества за 23 года его существования. Президент Мексики Пенья Ньето подчеркнул важность основной темы встречи – расширения связей в области просвещения, культуры и инноваций. Пенья Ньето указал на необходимость взаимного обмена опытом, повышения квалификации учителей, укрепления сотрудничества в области базового образования, повышения грамотности взрослого населения, а также поиска новых возможностей в деле образования молодежи [Cumbres..., 2018].

Саммит гарантировал, что до 2020 г. молодежи будет предоставлено 200 тыс. стипендий для обучения в любой стране Латинской Америки. До этого выдавалось лишь 10 тыс. стипендий в год. Латиноамериканский вариант проекта академической мобильности, в отличие от аналогичной европейской модели, предполагал не создание единого фонда с собственными средствами, а использование уже существующих в различных латиноамериканских государствах программ с гарантированно равномерным распределением финансовых ресурсов по странам. Ответственность за реализацию проекта и контроль качества были возложены на Генеральный иberoамериканский секретариат (Secretaría General Iberoamericana, SEGIB). Впоследствии эта стипендиальная программа получила название «Кампус Иberoамерика» (Campus Iberoamérica) [Campus Iberoamérica..., 2016]. Уже в 2016 г. к ней присоединились такие организации, как Министерство высшего образования Кубы (Ministerio de Educación Superior de Cuba), Колумбийская ассоциация университетов (Asociación Colombiana de Universidades), испанский фонд SEPI (Fundación SEPI) и Национальная ассоциация директоров федеральных учреждений высшего образования Бразилии (Asociación Nacional de Dirigentes de las Instituciones Federales de Enseñanza Superior de Brasil), а также некоторые региональные организации, такие как Высший университетский совет Централь-

ной Америки, крупнейшая финансово-кредитная группа в Испании «Banco Santander» и крупнейший национальный авиаперевозчик Испании «Iberia». На прошедшем в 2016 г. в Колумбии XXV саммите были подписаны соглашения о присоединении к программе «Кампус Ибероамерика» некоторых частных компаний из Мексики, Перу, Чили, Колумбии и Коста-Рики, что позволило дополнительно увеличить число стипендий.

В Мехико находится субрегиональное представительство Генерального ибероамериканского секретариата (SEGIB), созданное в 2009 г. для девяти стран Центральной Америки и Карибского бассейна (Коста-Рика, Куба, Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Панама, Никарагуа, Доминиканская Республика, Мексика). До 2015 г. Мексика была единственной страной, финансировавшей деятельность данного представительства (позже другие страны также стали участвовать в его финансовом обеспечении). Сенат Мексики ратифицировал Соглашение между Министерством иностранных дел Мексики и SEGIB, присвоив данному представительству статус дипломатической миссии, а его директору ранг посла. Ранее, в 2007 г., было открыто субрегиональное бюро SEGIB для стран Южного конуса (Аргентина, Чили, Парагвай и Уругвай) в столице Уругвая Монтевидео (см: [SEGIB., 2014, p. 37]).

Тем не менее нужно признать, что, несмотря на достижение определенных успехов в деле развития ибероамериканского сотрудничества, в целом Ибероамериканские саммиты не оправдали возлагавшиеся на них ожидания, не стали самостоятельным фактором международной политики, а, превратившись в серию встреч в курортных городах, постепенно утратили политическое значение. Косвенным образом это подтвердили итоги XXIV саммита (8–9 декабря 2014 г.) в Веракрусе, который завершился принятием документов, утверждающих новый формат встреч, – раз в два года вместо ежегодных, как было прежде.

Наряду с образованием, еще одной областью, в которой двусторонние испано-мексиканские отношения получили новый стимул к развитию, стали аудиовизуальные услуги, особенно в рамках программы «Ibermedia» (см.: [Programa Ibermedia., 2018]), призванной поощрять создание фильмов совместного производства. Соглашение между Мексикой и Испанией о совместном кинемато-

графическом производстве, подписанное еще в 2003 г., стало опорой для совместной работы кинематографистов обеих стран и основой последующего успеха, также пришедшегося на время пребывания Пенья Ньето на посту президента. За последние шесть лет Испания вышла на второе место среди партнеров Мексики в области совместных кинематографических проектов (23 проекта), уступая лишь США (27 проектов) и обогнав такие латиноамериканские страны, как Колумбия (12 проектов) и Аргентина (11 проектов) [Coproductión., 2018]. А после того как ст. 189 Закона о подоходном налоге Мексики от 2013 г. закрепила налоговое поощрение для инвестиционных проектов, касающихся национального производства и кинопроката, испано-мексиканское сотрудничество в области киноиндустрии вышло на новый уровень.

Двустороннее сотрудничество также заметно активизировалось в военной сфере. Официальный визит в Мексику в ноябре 2013 г. министра обороны Испании Педро Моренеса, а также визит в Испанию в марте 2014 г. мексиканского министра обороны генерала Сальвадора Сьенфуэгоса Сепеды (2012 г. – н.в.) и министра по морским делам Мексики адмирала Видаля Франсиско Соберона (2012 г. – н.в.) наглядно продемонстрировали обоюдный интерес к интенсификации двусторонних отношений в этой области.

Стоит отметить, что при Пенья Ньето Мексика вновь стала принимать активное участие в миротворческих операциях ООН. В ноябре 2015 г. служащие мексиканских вооруженных сил присоединились к испанским военным, дислоцированным в Ливанской Республике в составе Временных сил ООН в Ливане (United Nations Interim Force In Lebanon, UNIFIL). Мексика была в числе стран-наблюдателей в совместной операции ЕС «Аталанта» (операция по борьбе с пиратством у берегов Сомали) [Operation ATALANTA., 2018], а также участвовала в военных учениях НАТО «Trident Juncture», проходивших в Испании в 2015 г.¹

¹ В ходе данных учений, в которых принимали участие около 36 тыс. военнослужащих из более чем 30 стран, прошла сертификация штабных структур Сил быстрого реагирования НАТО (NATO Response Force) и бригады повышенной боевой готовности.

В то же время Испанское агентство по международному сотрудничеству в целях развития принимало участие в разработке ряда миротворческих проектов, направленных на поддержание социальной стабильности и безопасности в Мексике. В 2014 г. Министерство внутренних дел Испании и мексиканская Генеральная прокуратура подписали Соглашение о сотрудничестве по борьбе с организованной преступностью [Espana y México., 2014]. В настоящее время рассматривается вопрос о создании совместной комиссии по безопасности, которая должна стать эффективным инструментом для развития сотрудничества и обмена информацией о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков, незаконным ввозом мигрантов, похищением людей, отмыванием денег, подделкой документов, торговлей оружием и культурными ценностями, сексуальными преступлениями, компьютерной преступностью и терроризмом. Кроме того, предполагается расширить сотрудничество полицейских служб Мексики и Испании для создания мексиканской судебной полиции.

В 2014 г. соответствующие министры обеих стран подписали Меморандум о взаимопонимании в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), направленный на расширение обмена передовым опытом в сфере цифрового контента, электросвязи, кибербезопасности, облачных технологий, электронного управления, а также на стимулирование развития отрасли ИКТ, в частности на поддержку технического и экономического сотрудничества между соответствующими регулирующими органами, предприятиями и научно-исследовательскими центрами. А в апреле 2017 г. министр труда и социальной защиты Мексики и глава Министерства занятости и социального обеспечения Испании подписали Меморандум о взаимопонимании в области сотрудничества и технической помощи по вопросам труда, призванный способствовать расширению обмена информацией и передовым опытом в вопросах обеспечения правосудия, защиты прав работников, трудовой миграции, развития профессиональных навыков, увеличения занятости и повышения безопасности труда.

Особого внимания заслуживает мексикано-испанское экономическое сотрудничество. Для описания роли каждой из этих

стран в двусторонних отношениях часто используется термин «мост». С вступлением Испании в ЕС эта страна стала «мостом», соединяющим Мексику с ЕС. В свою очередь, после заключения соглашения НАФТА в 1994 г. Испания рассматривала Мексику в качестве «моста» для выхода на североамериканский рынок.

Испания наряду с другими странами ЕС входит в число 46 государств, с которыми Мексика имеет соглашения о свободной торговле. Кроме того, Испания входит в число 32 стран, с которыми Мексика заключила договоры о поощрении и взаимной защите капиталовложений и инвестиций [Comercio exterior., 2015]. Стоит добавить, что соглашение о свободной торговле между ЕС и Мексикой было подписано в 2000 г., т.е. раньше, чем с другими латиноамериканскими странами (с Чили – в 2002 г., с Перу, Колумбией и странами Центральной Америки – в 2012 г.). С 2008 г. Мексика является одним из десяти стратегических латиноамериканских партнеров ЕС (годом ранее такой же статус получила Бразилия). На сегодняшний день Мексика – единственная латиноамериканская страна, заключившая договоры о свободной торговле и с Испанией, и с ЕС. С момента восстановления дипломатических отношений между Испанией и Мексикой в 1977 г. товарооборот между двумя странами неуклонно возрастал, а после подписания в 2000 г. договора о свободной торговле с ЕС мексикано-испанские торговые отношения активизировались еще больше.

Осенью 2012 г., во время турне по европейским странам, новоизбранный президент Мексики Пенья Ньето посетил Испанию, где встретился с председателем правительства Испании Мариано Рахоем и был принят королем Хуаном Карлосом I. В рамках встречи в Мадриде Пенья Ньето объявил о своем намерении «укрепить исторические связи» с Испанией, а также расширить торгово-экономическое сотрудничество, которое обеспечит обеим странам «заметные выгоды». «Испания – наш второй самый важный торговый партнер в Европейском союзе и первый инвестор, но это сотрудничество может принести еще больше благ обоим народам», – подчеркнул он [Peña Nieto fortalecerá., 2012].

Нужно отметить, что одно из ключевых мест в торгово-экономических отношениях между Мексикой и Испанией занима-

ет энергетическая отрасль. За последнее десятилетие объем импорта нефти из Мексики в Испанию почти удвоился; Мексика стала основным латиноамериканским поставщиком сырой нефти в Испанию, обогнав Колумбию и Венесуэлу. Увеличение объема поставок наблюдалось уже в 2011–2012 гг., но самый заметный рост – с 9,5 до более чем 14% – пришелся на 2014 г., что было вызвано, в числе прочего, ситуацией в Ливии и торговым эмбарго, направленным против Ирана. А в 2016 г. Мексика потеснила даже Нигерию, став главным поставщиком нефти в Испанию с объемом поставок в 14,4% от общего объема испанского импорта (на 4% больше, чем в предыдущем году). Со своей стороны, Испания экспортирует в Мексику готовые нефтепродукты, в основном бензин [México-España., 2017, p. 18–19].

Именно экономические отношения стали в последнее время ключевым элементом мексикано-испанских связей. Устойчивую основу для развития экономических связей заложило подписанное еще в 1994 г. двустороннее соглашение об избежании двойного налогообложения, пролонгированное в июле 2014 г., которое существенно облегчило испанским компаниям работу на территории Мексики. А структурные реформы, проведенные администрацией Пенья Ньето после подписания 2 декабря 2012 г. совместного документа с руководством ведущих политических партий страны – так называемого «Пакта ради Мексики», – создали благоприятные условия для иностранных инвестиций в таких отраслях, как энергетика, мобильная телефония, финансы, инфраструктура, что позволило испанским компаниям значительно расширить свое присутствие в этих областях.

Среди экономических партнеров Испании Мексика занимает восьмое место (следующее после Италии), опережая Бразилию и даже Россию. При этом Испания стремится к дальнейшему наращиванию товарооборота с Мексикой, о чем свидетельствует разработанный Государственным секретариатом торговли Испании Комплексный план развития рынка 2015 (Plan Integral de Desarrollo de Mercado 2015), который определяет Мексику в качестве приоритетного партнера наряду с США и странами БРИКС.

Некоторые мексиканские компании, проводящие торговые операции как в ЕС, так и в Латинской Америке и США, перенесли свои штаб-квартиры в Испанию. Например, «Grupo Gruma» (продовольственная компания) перенесла свой международный офис из Лондона в Мадрид. «Grupo Alfa», работающая в 36 странах и действующая в Испании через компании «Nemak»¹ и «Sigma» (нефтехимическая отрасль), также перевела свою международную штаб-квартиру в Мадрид.

Испания занимает шестое место среди стран ЕС и восьмое место в мире по объему импорта мексиканских товаров. Основные статьи экспорта из Мексики в Испанию – нефть, терефталевая кислота, оксид цинка, желтоперый тунец, минералы, детали для двигателей, поршневые двигатели, а также компьютеры. По данным на 2016 г., импорт из Мексики составляет 1,6% от общего объема испанского импорта.

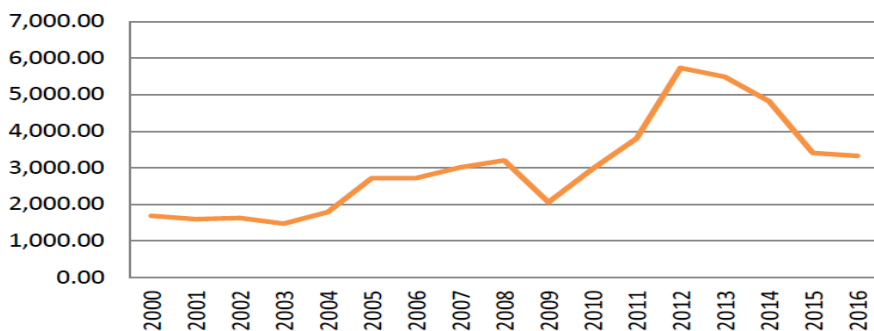

Рис 1. Экспорт из Мексики в Испанию (млн евро)

Источник: [México-España..., 2017, p. 17].

¹ Начиная с 1979 г. «Немак» специализируется на производстве высокотехнологичных алюминиевых компонентов, таких как головки цилиндров, блоки цилиндров, компоненты трансмиссии и детали конструкции для автомобильной отрасли. «Немак» является ключевым подразделением компании «Альфа», одной из ведущих промышленных групп в Мексике. «Немак» имеет глобальный потенциал для производства более чем 54 млн единиц продукции в год, что делает ее крупнейшим в мире производителем алюминиевых литых компонентов для автомобильной отрасли. – Прим. ред.

Основные статьи экспорта из Испании в Мексику – ветрогенераторы, транспортные средства, рыболовные товары, бензин, различные товары из сферы культуры, природный газ и оливки. С 2014 г. Мексика занимает первое место среди латиноамериканских стран по импорту испанских товаров. Испанский экспорт в Мексику составляет 27,8% от общего объема испанских товаров, импортируемых странами Латинской Америки и Карибского бассейна.

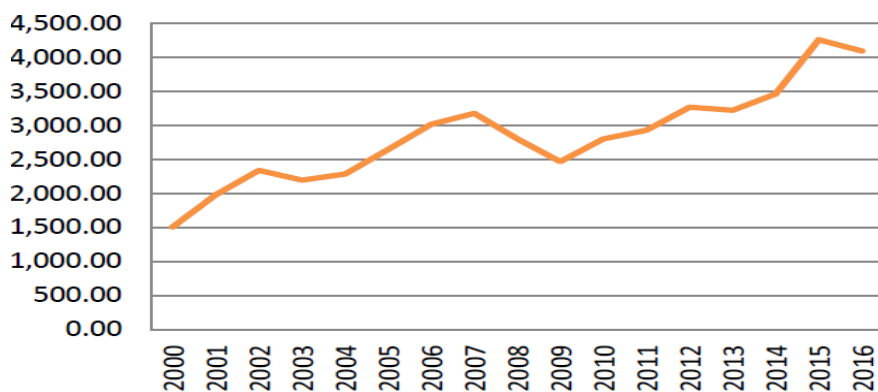

Рис. 2. Экспорт из Испании в Мексику (млн евро)

Источник: [México-España., 2017, p. 14].

Стоит отметить, что в период с середины 2010 г. до середины 2015 г., когда экономика Испании переживала жесточайший кризис, торговый баланс Мексики в двусторонней торговле стал положительным, хотя в период с 2001 по 2009 г. он был отрицательным. Но уже к концу 2015 г. торговый дисбаланс вновь сместился в пользу Испании, и данное положение дел сохраняется и по сей день. При этом нужно учитывать, что положительное влияние на торговый баланс Испании оказало как снижение мировых цен на нефть, так и обесценивание мексиканского песо: покупая нефть и ее производные в Мексике, Испания теперь делает это по значительно более низкой цене.

Двустороннее сотрудничество развивается не только на уровне государственных, но и на уровне частных компаний. Здесь в первую очередь следует упомянуть соглашения о сотрудничестве,

заключенные между компанией ICEX (España Exportación e Inversiones) и государственным целевым фондом при Министерстве экономики Мексики ProMéxico¹ в июне 2014 г. В рамках этих соглашений стороны обязались активно содействовать двустороннему развитию торговли и инвестиций, а также обмену информацией о рынках, секторах и новых возможностях для бизнеса. Особое внимание в соглашениях уделяется государственным тендерам. Обе организации договорились способствовать поиску и привлечению испанских и мексиканских инвесторов, а также оказывать поддержку организаторам семинаров и различных мероприятий, призванных ознакомить потенциальных инвесторов с инвестиционными возможностями в Испании и Мексике.

Испания занимает второе место в мире по объему прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Мексику после США и первое место среди стран – членов ЕС. Испанские ПИИ в Мексику сосредоточены главным образом в финансовой, телекоммуникационной, инфраструктурной сферах, а также в области оказания услуг и в сфере культуры. К 2016 г. в энергетическом секторе экономики Мексики Испания вышла на первое место по объему ПИИ и на второе – в банковском и финансовом. За последние несколько лет значительно увеличилось не только количество испанских мегакорпораций, расширяющих свое присутствие в Мексике, но и число испанских компаний меньших размеров, которые также стремятся закрепиться на мексиканском рынке. По данным на начало 2017 г., в Мексике зарегистрировано около 5800 испанских компаний, в основном – малых и средних [Cortés, 2017]. При этом стоит отметить, что в мексиканской экономике испанские инвестиции распределяются неравномерно: самые значительные приходятся на долю инфраструктуры, строительства и машиностроения, меньшие – на долю телекоммуникаций, машиностроения, транспорта,

¹ Государственное федеральное агентство Мексики по поддержке экспорта ProMéxico (создано по типу государственного фонда и имеет официальный статус госведомства) является подразделением Министерства экономики Мексики. Агентство занимается продвижением мексиканской продукции, поиском бизнес-партнеров и инвестиций за рубежом. Имеет 48 представительств в иностранных государствах. – Прим. ред.

энергетической и сырьевой отраслей, гостиничного бизнеса, туризма, рекламы.

Что же касается мексиканских инвестиций в Испанию, то в короткие сроки Мексика вышла на пятое место по объему прямых иностранных инвестиций в эту страну. Мексиканские инвестиции в Испанию начали возрастать после 2010 г., в 2013 г. составляли 3,1% от общего объема ПИН, а к 2016 г. достигли 5,9% (это чуть меньше, чем ПИН Великобритании, опередившей мексиканцев всего на 0,4%). Значительная часть мексиканских инвестиций в Испанию проходит через холдинговые компании, так называемые «транслатинас» (транснациональные латиноамериканские корпорации, ТЛК), ставшие опорой не только мексиканской, но и всей латиноамериканской экономики в целом [Yákovlev, 2013, p. 5].

Некоторая неопределенность в дальнейшем экономическом развитии Мексики связана с позицией США. Прежде США никогда не вмешивались напрямую в мексиканско-испанские отношения, и даже после победы на президентских выборах в США в 2016 г. республиканца Дональда Трампа, не скрывающего свою неприязнь к соседней латиноамериканской стране, объем испанских инвестиций в Мексику остался прежним. Испанские компании, работающие в Мексике, заняли выжидательную позицию. «Налицо некоторая неопределенность, но применительно к экономической сфере я бы не сказал, что ощущается большой пессимизм», – подчеркнул Хорхе Марине, глава экономического и торгового представительства Испании в Мексике. Он заверил, что «испанские инвестиции никак не пострадали», так же как не пострадала и двусторонняя торговля [Cortés, 2017]. По данным Министерства экономики Испании, с января по ноябрь 2016 г. объем экспорта из Испании в Мексику составил около 4 млрд долл., что лишь на 4,1% меньше, чем за аналогичный период в 2015 г. В свою очередь, объем мексиканского экспорта в Испанию составил около 3,3 млрд долл., что уже на 9,6% меньше, чем в 2015 г. [Ibid.].

Угрозы Дональда Трампа увеличить налогообложение американских компаний, имеющих производство в Мексике, уже привели к тому, что некоторые автомобильные компании, владеющие заводами в этой стране, такие как «Ford» и «General Motors», стали

выводить инвестиции из Мексики, чтобы перенаправить их в США, и это негативно сказалось на испанском импорте, поскольку на мексиканских машиностроительных заводах используются в том числе и импортируемые из Испании автомобильные запчасти.

Тем не менее Испания пока не собирается уходить с рынков своего главного латиноамериканского партнера. По официальным данным, с января по сентябрь 2016 г. по объему ПИИ в Мексику первое место по-прежнему занимали США (35,7%), а второе – Испания (13,2%) [Cortés, 2017]. Несмотря на все возрастающую неопределенность, в январе 2017 г. испанская компания «Iberdrola», одна из крупнейших испанских компаний по производству электроэнергии, объявила о начале строительства в Мексике нескольких ветровых электростанций, которые планируется ввести в эксплуатацию в 2019 г. В то же время мексиканский филиал испанской компании OHL заявил о намерении инвестировать в 2017 г. более 350 млн долл. в различные инфраструктурные проекты, а испанский строительный конгломерат «Acciona» принял решение об участии в строительстве пассажирского терминала нового аэропорта в Мехико в составе консорциума, возглавляемого мексиканскими компаниями ICA и «Carso» [Ibid.].

1 февраля 2017 г. председатель правительства Испании Мариано Рахой в телефонном разговоре с президентом Мексики Пенья Ньето «выразил солидарность Испании с Мексикой в отношении агрессивной позиции, занятой новой администрацией США». В ответ президент Мексики «поблагодарил испанское правительство и народ за оказанную поддержку и подчеркнул важность, которую имеют для Мексики ее отношения с Испанией» [Peña Nieto agradece..., 2017].

Проводя националистическую и протекционистскую политику, Дональд Трамп воздвигает политическую «стену» между США и Мексикой, тем самым подталкивая Мексику к более активному поиску новых партнеров. А Испания, в свою очередь, стремится взять на себя роль лидера в разработке и проведении в жизнь политики, отвечающей интересам Евросоюза, во всем латиноамериканском регионе. В любом случае, очевидно, что отношения Мексики и Испании будут активно развиваться, поскольку обе

страны имеют общие взгляды на решение региональных проблем и остаются стратегическими партнерами в рамках ибероамериканского мира.

В начале XXI в. мексиканский историк Лоренцо Мейер отмечал, что двусторонние отношения Мексика-Испания характеризуются «постоянной асимметрией... в результате сохранения факторов, присущих предыдущему этапу, колониальному» [Relaciones..., 2016, р. 28]. Но, несмотря на то что «асимметрия», представляющая собой наследие трехвекового колониального периода, по-прежнему ощущается в экономических, политических и культурных взаимосвязях между двумя странами, при Энрике Пенья Ньето отношения Мексики с Испанией стали больше ориентированы на развитие всестороннего сотрудничества и устранение присутствующей дисгармонии.

Список литературы

Campus Iberoamérica, las becas iberoamericanas ya tienen nombre Madrid // W-Radio. – Madrid, 2016. – 13.09. – Mode of access: <http://www.wradio.com.co/noticias/internacional/campus-iberoamerica-las-becas-iberoamericanas-ya-tienen-nombre-madrid/20160913/nota/3244432.aspx> (Дата обращения – 26.01.2018).

Comercio exterior: Países con tratados y acuerdos firmados con México / Secretaría de economía. – Ciudad de México, 2015. – 10.05. – Mode of access: <http://www.gob.mx/se/acciones-y-programas/comercio-exterior-paises-con-tratados-y-acuerdos-firmados-con-mexico> (Дата обращения – 26.01.2018).

Coproducción con México / Comisión Mexicana de filmaciones. – Ciudad de México, 2018. – Mode of access: <http://www.comefilm.gob.mx/coproduccion-con-mexico> (Дата обращения – 26.01.2018).

Cortés R. España, el mayor inversor en México tras EE.UU., mira de reojo a Trump // La Vanguardia. – Barcelona, 2017. – 02.11. – Mode of access: <http://www.lavanguardia.com/politica/20170211/414258979308/espana-el-mayor-inversor-en-mexico-tras-eeuu-mira-de-rejo-a-trump.html> (Дата обращения – 26.01.2018).

Cumbres Iberoamericanas de jefes de estado y de gobierno: Objetivos // CIP-UPEC. – La Habana, 2018. – Mode of access: http://cumbresiberoamerica.cip.cu/?page_id=8 (Дата обращения – 26.01.2018).

España y México suscriben un convenio de cooperación bilateral con rango de tratado internacional en materia de lucha contra la delincuencia

organizada / Ministerio del interior de España. – Madrid, 2014. – 06.10. – Mode of access: http://www.interior.gob.es/prensa/noticias/-/asset_publisher/GHU8Ap6ztgsg/content/id/2079877 (Дата обращения – 26.01.2018).

Fonseca D. Los españoles en el extranjero aumentan un 56,6% desde 2009 // El País. – Madrid, 2016. – 17.03. – Mode of access: http://politica.elpais.com/politica/2016/03/16/actualidad/1458145510_786597.html (Дата обращения – 26.01.2018).

México-España: Análisis de exportaciones e importaciones / Cámara Española de comercio. – Madrid, 2017. – 22 p. – Mode of access: <http://www.camescom.com.mx/wp-content/uploads/2017/06/COMERCIO-ESPA%C3%91A-M%C3%89XICO7.pdf> (Дата обращения – 26.01.2018).

Operation ATALANTA (para lucha contra la piratería en aguas de Somalia) / Ministerio de defensa de España. – Madrid, 2018. – Mode of access: <http://www.emad.mde.es/MOPS/060-Yibuti-ATALANTA/> (Дата обращения – 26.01.2018).

Peña Nieto agradece a Rajoy la «solidaridad» de España con México ante Trump // Agencia EFE. – Ciudad de México, 2017. – 01.02. – Mode of access: <http://www.efe.com/efe/usa/mexico/pena-nieto-agradece-a-rajoy-la-solidaridad-de-espana-con-mexico-ante-trump/50000100-3166809> (Дата обращения – 26.01.2018).

Peña Nieto fortalecerá los lazos históricos y comerciales con España // Hoy. – Madrid, 2012. – 15.10. – Mode of access: <http://www.vivelohoy.com/noticias/8137969/pena-nieto-fortalecera-los-lazos-historicos-y-comerciales-con-espana> (Дата обращения – 26.01.2018).

Programa Ibermedia: El Espacio Audiovisual Iberoamericano: Conferencia de Autoridades Cinematográficas de Iberoamérica (CACI). – Caracas, 2018. – Mode of access: <http://www.programaibermedia.com/> (Дата обращения – 26.01.2018).

Relaciones España – México / C. Malamud (Coord.); Real Instituto Elcano. – Madrid, 2016. – 125 p. – Mode of access: <http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/a6dde0804cff59f4a4a8afdead3c180c/informe-elcano-21-relaciones-espana-mexico.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=a6dde0804cff59f4a4a8afdead3c180c> (Дата обращения – 26.01.2018).

SEGIB 2005–2013 / Secretaría General Iberoamericana. – Ciudad de México, 2014. – 59 p. – Mode of access: <http://www2.iadb.org/intal/catalogo/PE/2013/13260.pdf> (Дата обращения – 26.01.2018).

Yákovlev P.P. España y América Latina: Recarga de las relaciones // Iberoamérica. – Moscú, 2013. – N 2. – P. 5–33.

К сведению авторов

В ежеквартальном журнале «Актуальные проблемы Европы» публикуются научные статьи и аналитические обзоры (в качестве дополнения могут включаться другие научно-информационные материалы: статистические приложения, переводы документов, рефераты, интервью), отвечающие международным стандартам научных публикаций и оформленные в соответствии с установленными правилами. Все номера журнала являются тематическими; содержание рукописи должно соответствовать тематике номера.

Рукописи сдаются ответственному редактору-составителю в электронном виде в формате *.doc или *.docx. Статья должна быть оформлена строго в соответствии с изложенными ниже требованиями и тщательно вычитана автором, все цитаты и ссылки на источники и литературу должны быть выверены.

В статье следует указать: фамилию, полное имя и отчество автора, название статьи. Статья должна содержать: аннотацию на русском языке (объем – до 500 знаков) и ее перевод на английский язык, ключевые слова на русском языке (5–7 слов) и их перевод на английский, основной текст, список литературы. Материалы могут содержать подстраничные текстовые сноски.

Список литературы помещается в конце статьи в алфавитном порядке (сначала русские источники, потом иностранные). В тексте статьи после упоминания об источнике или после цитаты в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и номер страницы. Если автора у материала нет, то указывается название (первые несколько слов, достаточных для однозначного определения источника, и многоточие), год издания и номер страницы (все через запятую).

Примеры на русском языке: [Смирнов, 2016], [Михайлов, Петров, 2015, с. 20; Смит, 2010, с. 68], [Совместное заявление..., 2014].

Пример на английском языке: [Smith, 2011, p. 143].

Объем принимаемых к рассмотрению статей: 30–40 тыс. знаков (с учетом пробелов), рецензий – 16–24 тыс. знаков. Формат страницы А4. Шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14. Междустрочный интервал – полуторный. Поля страницы составляют: верхнее – 2 см, нижнее – 2,5 см, левое – 3 см, правое – 1 см.

Текст выравнивается по ширине листа. Абзацный отступ равен 1 см. Таблицы и рисунки встраиваются в текст статьи (не допускается представление таблиц и рисунков в альбомном формате). При этом таблицы должны иметь заголовок, размещаемый над табличным полем, а рисунки – подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна. Используемые цвета в диаграммах и рисунках должны быть различимы в черно-белом изображении. Перенос слов не допускается.

В отдельном файле формата *.doc необходимо предоставить следующую информацию:

- сведения об авторе на русском языке: имя, отчество и фамилия полностью, ученые степень и звание, место работы и должность, электронный адрес и номер телефона;
- перевод указанных выше сведений об авторе на английский язык.

Статьи публикуются по рекомендации редколлегии по итогам рецензирования. Плата за публикации рукописей аспирантов и докторантов не взимается. Редакция оставляет за собой право на научную и литературную правку.

Издание рекомендовано Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации и включено в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» по политологии.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» при Минобрнауки РФ, а также в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЫ URGENT PROBLEMS OF EUROPE

Научный журнал
2018 – № 3

Европа и Латинская Америка: Параметры партнерства
Europe and Latin America: Dimensions of partnership

Редактор номера – *Г.И. Кутырев*

Дизайн обложки И.А. Михеев
Дизайн-макет Н.В. Смирнова
Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор В.И. Чеботарева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 28/VI – 2018 г.
Формат 60×84/16 Усл. печ.л. 14,25
Тираж 450 экз. (1–150 экз. – 1-й завод)
Свободная цена Заказ № 49

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ ИХФС77-36085 от 28 апреля 2009
Адрес редакции и издателя: 117997, г. Москва, Нахимовский проспект, 51/21,
ИНИОН РАН. Отдел Европы и Америки
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88
литера У